

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

ЛЮБОВЬЮ ДЕРЖИТСЯ И ДВИЖЕТСЯ ЖИЗНЬ

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

русская классика

Любовью держится и движется жизнь

Иван Сергеевич Тургенев

Аннотация
Иван Тургенев. Любовью держится и движется жизнь
Стихотворения в прозе
К читателю
‹I›
Деревня
Разговор
Старуха
Собака
Соперник
Нищий
«Услышишь суд глупца…»
Довольный человек
Житейское правило
Конец света
Маша
Дурак
Восточная легенда
Два четверостишия
Воробей

Черепа
Чернорабочий и белоручка
Роза
Памяти Ю. П. Вревской
Последнее свидание
Порог
Посещение
Necessitas, vis, libertas
Милостыня
Насекомое
Щи
Лазурное царство
Два богача
Старик
Корреспондент
Два брата
Эгоист
Пир у верховного существа
Сфинкс
Нимфы
Враг и друг
Христос
Камень
Голуби
Завтра! Завтра!
Природа

«Повесить его!»
Что я буду думать?..
«Как хороши, как свежи были розы...»
Морское плавание
Н. Н.
Стой!
Монах
Мы еще повоюем!
Молитва
Русский язык
‹II›
Встреча
Мне жаль...
Проклятие
Близнецы
Дрозд. I
Дрозд. II
Без гнезда
Кубок
Чья вина?
Житейское правило
Гад
Писатель и критик
С кем спорить...
«О моя молодость! О моя свежесть!»
К***

Я шел среди высоких гор…
Когда меня не будет…
Песочные часы
Я встал ночью…
Когда я один…
Путь к любви
Фраза
Простота
Брамин
Ты заплакал…
Любовь
Истина и правда
Куропатки
Nessun maggior dolore
Попался под колесо
У-а… У-а!
Мои деревья
Месяц в деревне. Комедия в пяти действиях
Действующие лица
Действие первое
Действие второе
Действие третье
Действие четвертое
Действие пятое

Аннотация

Цикл «Стихотворения в прозе», вошедший в данный сборник, Иван Тургенев написал в последние годы жизни. Совсем разные темы – размышления о России и мире, о любви и счастье, о красоте и жертвенности, о старости и одиночестве – писатель складывает в единую композицию, своего рода подведение итогов и ретроспективу пройденного пути.

Также в данное издание вошла пьеса «Месяц в деревне».

Иван Тургенев
Любовью держится и движется жизнь

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Стихотворения в прозе

К читателю

Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд: тебе, вероятно, скучно станет — и книга вывалится у тебя из рук. Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, — и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу.

‹I›
Деревня

Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия — родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на нем — не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь… воздух — молоко парное!

Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смирно повиливая хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой — и дегтем маленько — и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух.

Глубокий, но пологий овраг. По бокам в несколько рядов головастые, книзу исщепленные ракиты. По оврагу бежит ручей; на дне его мелкие камешки словно дрожат сквозь светлую рябь. Вдали, на конце-крае земли и неба — синеватая черта большой реки.

Вдоль оврага — по одной стороне опрятные амбарчики, клетушки с плотно закрытыми две-

рями; по другой стороне пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами. Над каждой крышей высокий шест скворечницы; над каждым крылечком вырезной железный крутогривый конек. Неровные стекла окон отливают цветами радуги. Кувшины с букетами намалеваны на ставнях. Перед каждой избой чинно стоит исправная лавочка; на завалинках кошки свернулись клубочком, насторожив прозрачные ушки; за высокими порогами прохладно темнеют сени.

Я лежу у самого края оврага на разостланной попоне; кругом целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена. Догадливые хозяева разбросали сено перед избами: пусть еще немного посохнет на припеке, а там и в сарай! То-то будет спать на нем славно!

Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый щенок барахтается в спутанных былинках.

Русокудрые парни, в чистых, низко подпоясанных рубахах, в тяжелых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телегу, — зубоскалят.

Из окна выглядывает круглолицая молодка; смеется не то их словам, не то возне ребят в на-

валенном сене.

Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца… Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные огнистые капли.

Передо мной стоит старуха хозяйка в новой клетчатой паневе, в новых котах.

Крупные дутые бусы в три ряда обвились вокруг смуглой худой шеи; седая голова повязана желтым платком с красными крапинками; низко навис он над потускневшими глазами.

Но приветливо улыбаются старческие глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десяток доживает старушка… а и теперь еще видать: красавица была в свое время!

Растопырив загорелые пальцы правой руки, держит она горшок с холодным неснятым молоком, прямо из погреба; стенки горшка покрыты росинками, точно бисером. На ладони левой руки старушка подносит мне большой ломоть еще теплого хлеба: кушай, мол, на здоровье, заезжий гость!

Петух вдруг закричал и хлопотливо захлопал крыльями; ему в ответ, не спеша, промычал запертой теленок.

— Ай да овес! — слышится голос моего кучера.

О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде и все, чего так добиваемся мы, городские люди?

Февраль, 1878

Разговор

Ни на Юнгфрау, ни на Финстерааргорне еще не бывало человеческой ноги.

Вершины Альп… Целая цепь крутых уступов… Самая сердцевина гор.

Над горами бледно-зеленое, светлое, немое небо. Сильный, жесткий мороз; твердый, искристый снег; из-под снегу торчат суровые глыбы обледенелых, обветренных скал.

Две громады, два великана вздымаются по обеим сторонам небосклона: Юнгфрау и Финстерааргорн.

И говорит Юнгфрау соседу:

— Что скажешь нового? Тебе видней. Что там внизу?

Проходят несколько тысяч лет — одна минута.

И грохочет в ответ Финстерааргорн:

— Сплошные облака застилают землю… Погоди!

Проходят еще тысячелетия — одна минута.

— Ну, а теперь? — спрашивает Юнгфрау.

— Теперь вижу; там внизу все то же: пестро, мелко. Воды синеют; чернеют леса; сереют груды скученных камней. Около них все еще копошатся козявки, знаешь, те двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

— Люди?

— Да; люди.

Проходят тысячи лет — одна минута.

— Ну, а теперь? — спрашивает Юнгфрау.

— Как будто меньше видать козявок, — гремит Финстерааргорн. — Яснее стало внизу; сузились воды; поредели леса.

Прошли еще тысячи лет — одна минута.

— Что ты видишь? — говорит Юнгфрау.

— Около нас, вблизи, словно прочистилось, — отвечает Финстерааргорн, — ну а там, вдали, по долинам есть еще пятна и шевелится что-то.

— А теперь? — спрашивает Юнгфрау спустя другие тысячи лет — одну минуту.

— Теперь хорошо, — отвечает Финстерааргорн, — опрятно стало везде, бело совсем, куда ни глянь… Везде наш снег, ровный снег и лед.

Застыло все. Хорошо теперь, спокойно.

— Хорошо, — промолвила Юнгфрау. — Однако довольно мы с тобой поболтали, старик. Пора вздремнуть.

— Пора.

Спят громадные горы; спит зеленое светлое небо над навсегда замолкшей землей.

Февраль, 1878

Старуха

Я шел по широкому полю, один.

И вдруг мне почудились легкие, осторожные шаги за моей спиною… Кто-то шел по моему следу.

Я оглянулся — и увидал маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную в серые лохмотья. Лицо старушки одно виднелось из-под них: желтое, морщинистое, востроносое, беззубое лицо.

Я подошел к ней… Она остановилась.

— Кто ты? Чего тебе нужно? Ты нищая? Ждешь милостыни?

Старушка не отвечала. Я наклонился к ней и заметил, что оба глаза у ней были застланы полупрозрачной, беловатой перепонкой, или плевой,

какая бывает у иных птиц: они защищают ею свои глаза от слишком яркого света.

Но у старушки та плева не двигалась и не открывала зениц… из чего я заключил, что она слепая.

— Хочешь милостыни? — повторил я свой вопрос. — Зачем ты идешь за мною?

Но старушка по-прежнему не отвечала, а только съежилась чуть-чуть.

Я отвернулся от нее и пошел своей дорогой.

И вот опять слышу я за собою те же легкие, мерные, словно крадущиеся шаги.

«Опять эта женщина! — подумалось мне. — Что она ко мне пристала? — Но я тут же мысленно прибавил: — Вероятно, она сослепу сбилась с дороги, идет теперь по слуху за моими шагами, чтобы вместе со мною выйти в жилое место. Да, да; это так».

Но странное беспокойство понемногу овладело моими мыслями: мне начало казаться, что старушка не идет только за мною, но что она направляет меня, что она меня толкает то направо, то налево, и что я невольно повинуюсь ей.

Однако я продолжаю идти… Но вот впереди на самой моей дороге что-то чернеет и ширится… какая-то яма… «Могила! — сверкнуло у меня в

голове. — Вот куда она толкает меня!»

Я круто поворачиваю назад… Старуха опять передо мною… но она видит! Она смотрит на меня большими, злыми, зловещими глазами… глазами хищной птицы… Я надвигаюсь к ее лицу, к ее глазам… Опять та же тусклая плева, тот же слепой и тупой облик…

«Ах! — думаю я… — эта старуха — моя судьба. Та судьба, от которой не уйти человеку!»

«Не уйти! не уйти! Что за сумасшествие?.. Надо попытаться». И я бросаюсь в сторону, по другому направлению.

Я иду проворно… Но легкие шаги по-прежнему шелестят за мною, близко, близко… И впереди опять темнеет яма.

Я опять поворачиваю в другую сторону… И опять тот же шелест сзади и то же грозное пятно впереди.

И куда я ни мечусь, как заяц на угонках… все то же, то же!

«Стой! — думаю я. — Обману ж я ее! Не пойду я никуда!» — и я мгновенно сажусь на землю.

Старуха стоит позади, в двух шагах от меня. Я ее не слышу, но я чувствую, что она тут.

И вдруг я вижу: то пятно, что чернело вдали, плывет, ползет само ко мне!

Боже! Я оглядываюсь назад… Старуха смотрит прямо на меня — и беззубый рот скривлен усмешкой…

— Не уйдешь!

Февраль, 1878

Собака

Нас двое в комнате: собака моя и я. На дворе воет страшная, неистовая буря.

Собака сидит передо мною — и смотрит мне прямо в глаза.

И я тоже гляжу ей в глаза.

Она словно хочет сказать мне что-то. Она немая, она без слов, она сама себя не понимает — но я ее понимаю.

Я понимаю, что в это мгновенье и в ней и во мне живет одно и то же чувство, что между нами нет никакой разницы. Мы тождественны; в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек.

Смерть налетит, махнет на него своим холодным широким крылом…

И конец!

Кто потом разберет, какой именно в каждом из

нас горел огонек?

Нет! это не животное и не человек меняются взглядами…

Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга.

И в каждой из этих пар, в животном и в человеке — одна и та же жизнь жмется пугливо к другой.

Февраль, 1878

Соперник

У меня был товарищ — соперник; не по занятиям, не по службе или любви; но наши воззрения ни в чем не сходились, и всякий раз, когда мы встречались, между нами возникали нескончаемые споры.

Мы спорили обо всем: об искусстве, о религии, о науке, о земной и загробной — особенно о загробной жизни.

Он был человек верующий и восторженный. Однажды он сказал мне:

— Ты надо всем смеешься; но если я умру прежде тебя, то я явлюсь к тебе с того света… Увидим, засмеешься ли ты тогда?

И он, точно, умер прежде меня, в молодых летах еще будучи; но прошли года — и я позабыл об его обещании, об его угрозе.

Раз, ночью, я лежал в постели — и не мог, да и не хотел заснуть.

В комнате было ни темно, ни светло; я принялся глядеть в седой полумрак.

И вдруг мне почудилось, что между двух окон стоит мой соперник — и тихо и печально качает сверху вниз головою.

Я не испугался — даже не удивился… но, приподнявшись слегка и опершись на локоть, стал еще пристальнее глядеть на неожиданно появившуюся фигуру.

Тот продолжал качать головою.

— Что? — промолвил я наконец. — Ты торжествуешь? или жалеешь? Что это: предостережение или упрек?.. Или ты мне хочешь дать понять, что ты был неправ? что мы оба неправы? Что ты испытываешь? Муки ли ада? Блаженство ли рая? Промолви хоть слово!

Но мой соперник не издал ни единого звука — и только по-прежнему печально и покорно качал головою — сверху вниз.

Я засмеялся… он исчез.

Февраль, 1878

Нищий

Я проходил по улице… меня остановил нищий, дряхлый старик.

Воспаленные, слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны… О, как безобразно обглодала бедность это несчастное существо!

Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку… Он стонал, он мычал о помощи.

Я стал шарить у себя во всех карманах… Ни кошелька, ни часов, ни даже платка… Я ничего не взял с собою.

А нищий ждал… и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку…

— Не взыщи, брат; нет у меня ничего, брат.

Нищий уставил на меня свои воспаленные глаза; его синие губы усмехнулись — и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы.

— Что же, брат, — прошамкал он, — и на том спасибо. Это тоже подаяние, брат.

Я понял, что и я получил подаяние от моего брата.

Февраль, 1878

«Услышишь суд глупца…»

Пушкин

Ты всегда говорил правду, великий наш певец; ты сказал ее и на этот раз.

«Суд глупца и смех толпы»… Кто не изведал и того и другого?

Все это можно — и должно переносить; а кто в силах — пусть презирает!

Но есть удары, которые больнее бьют по самому сердцу. Человек сделал все, что мог; работал усиленно, любовно, честно… И честные души гадливо отворачиваются от него; честные лица загораются негодованием при его имени.

— Удались! Ступай вон! — кричат ему честные молодые голоса. — Ни ты нам не нужен, ни твой труд; ты оскверняешь наше жилище — ты нас не знаешь и не понимаешь… Ты наш враг!

Что тогда делать этому человеку? Продолжать трудиться, не пытаться оправдываться — и даже не ждать более справедливой оценки.

Некогда землепашцы проклинали путешественника, принесшего им картофель, замену

хлеба, ежедневную пищу бедняка. Они выбивали из протянутых к ним рук драгоценный дар, бросали его в грязь, топтали ногами.

Теперь они питаются им — и даже не ведают имени своего благодетеля.

Пускай! На что им его имя? Он и безымянный спасает их от голода.

Будем стараться только о том, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей.

Горька неправая укоризна в устах людей, которых любишь… Но перенести можно и это…

«Бей меня! Но выслушай!» — говорил афинский вождь спартанскому.

«Бей меня — но будь здоров и сыт!» — должны говорить мы.

Февраль, 1878

Довольный человек

По улице столицы мчится вприпрыжку молодой еще человек. Его движенья веселы, бойки; глаза сияют, ухмыляются губы, приятно алеет умиленное лицо… Он весь — довольство и радость.

Что с ним случилось? Досталось ли ему наслед-

ство? Повысили ли его чином? Спешит ли он на любовное свиданье? Или просто он хорошо позавтракал — и чувство здоровья, чувство сытой силы взыграло во всех его членах? Уж не возложили ли на его шею твой красивый осьмиугольный крест, о польский король Станислав!

Нет. Он сочинил клевету на знакомого, распространил ее тщательно, услышал ее, эту самую клевету, из уст другого знакомого — и *сам ей поверил.*

О, как доволен, как даже добр в эту минуту этот милый, многообещающий молодой человек!

Февраль, 1878

Житейское правило

— Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, — говорил мне один старый пройдоха, — то упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы за собою чувствуете. Негодуйте… и упрекайте!

Во-первых — это заставит других думать, что у вас этого порока нет.

Во-вторых — негодование ваше может быть даже искренним… Вы можете воспользоваться

укорами собственной совести.

Если вы, например, ренегат, — упрекайте противника в том, что у него нет убеждений!

Если вы сами лакей в душе, — говорите ему с укоризной, что он лакей… лакей цивилизации, Европы, социализма!

— Можно даже сказать: лакей безлакейства! — заметил я.

— И это можно, — подхватил пройдоха.

Февраль, 1878

Конец света

Сон

Чудилось мне, что я нахожусь где-то в России, в глуши, в простом деревенском доме.

Комната большая, низкая, в три окна; стены вымазаны белой краской; мебели нет. Перед домом голая равнина; постепенно понижаясь, уходит она вдаль; серое, одноцветное небо висит над нею как полог.

Я не один; человек десять со мною в комнате. Люди всё простые, просто одетые; они ходят вдоль и поперек, молча, словно крадучись. Они избегают друг друга — и, однако, беспрестанно

меняются тревожными взорами.

Ни один не знает: зачем он попал в этот дом и что за люди с ним? На всех лицах беспокойство и унылость… все поочередно подходят к окнам и внимательно оглядываются, как бы ожидая чего-то извне.

Потом опять принимаются бродить вдоль и поперек. Между нами вертится небольшого росту мальчик; от времени до времени он пищит тонким, однозвучным голоском: «Тятенька, боюсь!» Мне тошно на сердце от этого писку — и я тоже начинаю бояться… чего? не знаю сам. Только я чувствую: идет и близится большая, большая беда.

А мальчик нет, нет — да запищит. Ах, как бы уйти отсюда! Как душно! Как томно! Как тяжело!.. Но уйти невозможно.

Это небо — точно саван. И ветра нет… Умер воздух, что ли?

Вдруг мальчик подскочил к окну и закричал тем же жалобным голосом:

— Гляньте! гляньте! земля провалилась!

— Как? провалилась?!

Точно: прежде перед домом была равнина, а теперь он стоит на вершине страшной горы! Небосклон упал, ушел вниз, а от самого дома

спускается почти отвесная, точно разрытая, черная круча.

Мы все столпились у окон… Ужас леденит наши сердца.

— Вот оно… вот оно! — шепчет мой сосед.

И вот вдоль всей далекой земной грани зашевелилось что-то, стали подниматься и падать какие-то небольшие кругловатые бугорки.

«Это — море! — подумалось всем нам в одно и то же мгновение. — Оно сейчас нас всех затопит… Только как же оно может расти и подниматься вверх? На эту кручу?»

И однако, оно растет, растет громадно… Это уже не отдельные бугорки мечутся вдали… Одна сплошная чудовищная волна обхватывает весь круг небосклона.

Она летит, летит на нас! Морозным вихрем несется она, крутится тьмой кромешной. Все задрожало вокруг — а там, в этой налетающей громаде, и треск, и гром, и тысячегортанный, железный лай…

Га! Какой рев и вой! Это земля завыла от страха…

Конец ей! Конец всему!

Мальчик пискнул еще раз… Я хотел было ухватиться за товарищей, но мы уже все раздавлены,

погребены, потоплены, унесены той, как чернила, черной, льдистой, грохочущей волной!

Темнота… темнота вечная!

Едва переводя дыхание, я проснулся.

Март, 1878

Маша

Проживая — много лет тому назад — в Петербурге, я, всякий раз как мне случалось нанимать извозчика, вступал с ним в беседу.

Особенно любил я беседовать с ночными извозчиками, бедными подгородными крестьянами, прибывавшими в столицу с окрашенными вохрой санишками и плохой клячонкой — в надежде и самим прокормиться, и собрать на оброк господам.

Вот однажды нанял я такого извозчика… Парень лет двадцати, рослый, статный, молодец молодцом; глаза голубые, щеки румяные; русые волосы вьются колечками из-под надвинутой на самые брови заплатанной шапоньки. И как только налез этот рваный армячишко на эти богатырские плечи!

Однако красивое безбородое лицо извозчика

казалось печальным и хмурым.

Разговорился я с ним. И в голосе его слышалась печаль.

— Что, брат? — спросил я его. — Отчего ты не весел? Али горе есть какое?

Парень не тотчас отвечал мне.

— Есть, барин, есть, — промолвил он наконец. — Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любил… жену-то свою?

Парень не обернулся ко мне; только голову наклонил немного.

— Любил, барин. Восьмой месяц пошел… а не могу забыть. Гложет мне сердце… да и ну! И с чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая!.. В един день холера порешила.

— И добрая она была у тебя?

— Ах, барин! — тяжело вздохнул бедняк. — И как же дружно мы жили с ней! Без меня скончалась. Я как узнал здесь, что ее, значит, уже похоронили, — сейчас в деревню поспешил, домой. Приехал — а уж за полночь стало. Вошел я к себе в избу, остановился посередке и говорю так-то тихонько: «Маша! а Маша!» Только сверчок трещит. Заплакал я тутотка, сел на избяной пол — да ладонью по земле как хлопну! «Ненасытная,

говорю, утроба!.. Сожрала ты ее… сожри ж и меня! Ах, Маша!»

— Маша! — прибавил он внезапно упавшим голосом. И, не выпуская из рук веревочных вожжей, он выдавил рукавицей из глаз слезу, стряхнул ее, сбросил в сторону, повел плечами — и уж больше не произнес ни слова.

Слезая с саней, я дал ему лишний пятиалтынный. Он поклонился мне низехонько, взявшись обеими руками за шапку, — и поплелся шажком по снежной скатерти пустынной улицы, залитой седым туманом январского мороза.

Апрель, 1878

Дурак

Жил-был на свете дурак.

Долгое время он жил припеваючи; но понемногу стали доходить до него слухи, что он всюду слывет за безмозглого пошлеца.

Смутился дурак и начал печалиться о том, как бы прекратить те неприятные слухи?

Внезапная мысль озарила наконец его темный умишко… И он, нимало не медля, привел ее в исполнение.

Встретился ему на улице знакомый — и принялся хвалить известного живописца…

— Помилуйте! — воскликнул дурак. — Живописец этот давно сдан в архив… Вы этого не знаете? Я от вас этого не ожидал… Вы — отсталый человек.

Знакомый испугался — и тотчас согласился с дураком.

— Какую прекрасную книгу я прочел сегодня! — говорил ему другой знакомый.

— Помилуйте! — воскликнул дурак. — Как вам не стыдно? Никуда эта книга не годится; все на нее давно махнули рукою. Вы этого не знаете? Вы — отсталый человек.

И этот знакомый испугался — и согласился с дураком.

— Что за чудесный человек мой друг N. N.! — говорил дураку третий знакомый. — Вот истинно благородное существо!

— Помилуйте! — воскликнул дурак. — N. N. — заведомый подлец! Родню всю ограбил. Кто ж этого не знает? Вы — отсталый человек!

Третий знакомый тоже испугался — и согласился с дураком, отступился от друга.

И кого бы, что бы ни хвалили при дураке — у него на все была одна отповедь.

Разве иногда прибавит с укоризной:

— А вы всё еще верите в авторитеты?

— Злюка! Желчевик! — начинали толковать о дураке его знакомые. — Но голова!

— И какой язык! — прибавляли другие. — О, да он талант!

Кончилось тем, что издатель одной газеты предложил дураку заведовать у него критическим отделом.

И дурак стал критиковать всё и всех, нисколько не меняя ни манеры своей, ни своих восклицаний.

Теперь он, кричавший некогда против авторитетов, — сам авторитет — и юноши перед ним благоговеют и боятся его.

Да и как им быть, бедным юношам? Хоть и не следует, вообще говоря, благоговеть… но тут поди не возблагоговей — в отсталые люди попадаешь!

Житье дуракам между трусами.

Апрель, 1878

Восточная легенда

Кто в Багдаде не знает великого Джиаффара, солнца вселенной?

Однажды, много лет тому назад, — он был еще

юношей, — прогуливался Джиаффар в окрестностях Багдада.

Вдруг до слуха его долетел хриплый крик: кто-то отчаянно взывал о помощи.

Джиаффар отличался между своими сверстниками благоразумием и обдуманностью; но сердце у него было жалостливое — и он надеялся на свою силу.

Он побежал на крик и увидел дряхлого старика, притиснутого к городской стене двумя разбойниками, которые его грабили.

Джиаффар выхватил свою саблю и напал на злодеев: одного убил, другого прогнал.

Освобожденный старец пал к ногам своего избавителя и, облобызав край его одежды, воскликнул:

— Храбрый юноша, твое великодушие не останется без награды. На вид я — убогий нищий; но только на вид. Я человек не простой. Приходи завтра ранним утром на главный базар; я буду ждать тебя у фонтана — и ты убедишься в справедливости моих слов.

Джиаффар подумал: «На вид человек этот нищий, точно; однако — всяко бывает. Отчего не попытаться?» — и отвечал:

— Хорошо, отец мой; приду.

Старик взглянул ему в глаза — и удалился. На другое утро, чуть забрезжил свет, Джиаффар отправился на базар. Старик уже ожидал его, облокотясь на мраморную чашу фонтана.

Молча взял он Джиаффара за руку и привел его в небольшой сад, со всех сторон окруженный высокими стенами.

По самой середине этого сада, на зеленой лужайке, росло дерево необычайного вида.

Оно походило на кипарис; только листва на нем была лазоревого цвета.

Три плода — три яблока — висело на тонких, кверху загнутых ветках: одно средней величины, продолговатое, молочно-белое; другое большое, круглое, ярко-красное; третье маленькое, сморщенное, желтоватое.

Все дерево слабо шумело, хоть и не было ветра. Оно звенело тонко и жалобно, словно стеклянное; казалось, оно чувствовало приближение Джиаффара.

— Юноша! — промолвил старец. — Сорви любой из этих плодов и знай: сорвешь и съешь белый — будешь умнее всех людей; сорвешь и съешь красный — будешь богат, как еврей Ротшильд; сорвешь и съешь желтый — будешь нравиться старым женщинам. Решайся!.. и не

мешкай. Через час и плоды завянут, и само дерево уйдет в немую глубь земли!

Джиаффар понурил голову — и задумался.

— Как тут поступить? — произнес он вполголоса, как бы рассуждая сам с собою. — Сделаешься слишком умным — пожалуй, жить не захочется; сделаешься богаче всех людей — будут все тебе завидовать; лучше же я сорву и съем третье, сморщенное яблоко!

Он так и поступил; а старец засмеялся беззубым смехом и промолвил:

— О мудрейший юноша! Ты избрал благую часть! На что тебе белое яблоко? Ты и так умнее Соломона. Красное яблоко также тебе не нужно… И без него ты будешь богат. Только богатству твоему никто завидовать не станет.

— Поведай мне, старец, — промолвил, встрепенувшись, Джиаффар, — где живет почтенная мать нашего богоспасаемого халифа?

Старик поклонился до земли — и указал юноше дорогу.

Кто в Багдаде не знает солнца вселенной, великого, знаменитого Джиаффара?

Апрель, 1878

Два четверостишия

Существовал некогда город, жители которого до того страстно любили поэзию, что если проходило несколько недель и не появлялось новых прекрасных стихов, — они считали такой поэтический неурожай общественным бедствием.

Они надевали тогда свои худшие одежды, посыпали пеплом головы — и, собираясь толпами на площадях, проливали слезы, горько роптали на музу, покинувшую их.

В один подобный злополучный день молодой поэт Юний появился на площади, переполненной скорбевшим народом.

Проворными шагами взобрался он на особенно устроенный амвон — и подал знак, что желает произнести стихотворение.

Ликторы тотчас замахали жезлами.

— Молчание! внимание! — зычно возопили они — и толпа затихла, выжидая.

— Друзья! Товарищи! — начал Юний громким, но не совсем твердым голосом:

Друзья! Товарищи! Любители стихов! Поклонники всего, что стройно и красиво! Да не смущает вас мгновенье грусти темной! Придет желанный

миг… и свет рассеет тьму!

Юний умолк… а в ответ ему, со всех концов площади, поднялся гам, свист, хохот.

Все обращенные к нему лица пылали негодованием, все глаза сверкали злобой, все руки поднимались, угрожали, сжимались в кулаки!

— Чем вздумал удивить! — ревели сердитые голоса. — Долой с амвона бездарного рифмоплета! Вон дурака! Гнилыми яблоками, тухлыми яйцами шута горохового! Подайте камней! Камней сюда!

Кубарем скатился с амвона Юний… но он еще не успел прибежать к себе домой, как до слуха его долетели раскаты восторженных рукоплесканий, хвалебных возгласов и кликов.

Исполненный недоуменья, стараясь, однако, не быть замеченным (ибо опасно раздражать залютевшего зверя), возвратился Юний на площадь.

И что же он увидел?

Высоко над толпою, над ее плечами, на золотом плоском щите, облеченный пурпурной хламидой, с лавровым венком на взвившихся кудрях, стоял его соперник, молодой поэт Юлий… А народ вопил кругом:

— Слава! Слава! Слава бессмертному Юлию! Он утешил нас в нашей печали, в нашем горе великом! Он подарил нас стихами слаще меду,

звучнее кимвала, душистее розы, чище небесной лазури! Несите его с торжеством, обдавайте его вдохновенную голову мягкой волной фимиама, прохлаждайте его чело мерным колебанием пальмовых ветвей, расточайте у ног его все благовония аравийских мирр! Слава!

Юний приблизился к одному из славословящих.

— Поведай мне, о мой согражданин! какими стихами осчастливил вас Юлий? Увы! меня не было на площади, когда он произнес их! Повтори их, если ты их запомнил, сделай милость!

— Такие стихи — да не запомнить? — ретиво ответствовал вопрошенный. — За кого ж ты меня принимаешь? Слушай — и ликуй, ликуй вместе с нами! «Любители стихов!» — так начал божественный Юлий…

Любители стихов! Товарищи! Друзья! Поклонники всего, что стройно, звучно, нежно! Да не смущает вас мгновенье скорби тяжкой! Желанный миг придет — и день прогонит ночь!

— Каково?

— Помилуй! — возопил Юний, — да это мои стихи! Юлий, должно быть, находился в толпе, когда я произнес их, — он услышал и повторил их, едва изменив, — и уж, конечно, не к лучше-

му, — несколько выражений!

— Ага! Теперь я узнаю тебя… Ты Юний, — возразил, насупив брови, остановленный им гражданин. — Завистник или глупец!.. Сообрази только одно, несчастный! У Юлия как возвышенно сказано: «И день прогонит ночь!..» А у тебя — чепуха какая-то: «И свет рассеет тьму»?! Какой свет?! Какую тьму?!

— Да разве это не все едино… — начал было Юний.

— Прибавь еще слово, — перебил его гражданин, — я крикну народу… и он тебя растерзает!

Юний благоразумно умолк, а слышавший его разговор с гражданином седовласый старец подошел к бедному поэту и, положив ему руку на плечо, промолвил:

— Юний! Ты сказал свое — да не вовремя; а тот не свое сказал — да вовремя. Следовательно, он прав — а тебе остаются утешения собственной твоей совести.

Но пока совесть — как могла и как умела… довольно плохо, правду сказать — утешала прижавшегося к сторонке Юния, — вдали, среди грома и плеска ликований, в золотой пыли всепобедного солнца, блистая пурпуром, темнея лавром сквозь волнистые струи обильного фимиама, с

величественной медленностью, подобно царю, шествующему на царство, плавно двигалась гордо выпрямленная фигура Юлия… и длинные ветви пальм поочередно склонялись перед ним, как бы выражая своим тихим вздыманьем, своим покорным наклоном — то непрестанно возобновлявшееся обожание, которое переполняло сердца очарованных им сограждан!

Апрель, 1878

Воробей

Я возвращался с охоты и шел по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидал молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал березы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой ее мордой — и, весь взъерошенный, искаженный,

с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище… но все его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И все-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке… Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился… Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущенного пса — и удалился, благоговея.

Да; не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой героической птицей, перед любовным ее порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Апрель, 1878

Черепа

Роскошная, пышно освещенная зала; множе-

ство кавалеров и дам.

Все лица оживлены, речи бойки… Идет трескучий разговор об одной известной певице. Ее величают божественной, бессмертной… О, как хорошо пустила она вчера свою последнюю трель!

И вдруг — словно по манию волшебного жезла — со всех голов и со всех лиц слетела тонкая шелуха кожи и мгновенно выступила наружу мертвенная белизна черепов, зарябили синеватым оловом обнаженные десны и скулы.

С ужасом глядел я, как двигались и шевелились эти десны и скулы, как поворачивались, лоснясь при свете ламп и свечей, эти шишковатые, костяные шары и как вертелись в них другие, меньшие шары — шары обессмысленных глаз.

Я не смел прикоснуться к собственному лицу, не смел взглянуть на себя в зеркало.

А черепа поворачивались по-прежнему… И с прежним треском, мелькая красными лоскуточками из-за оскаленных зубов, проворные языки лепетали о том, как удивительно, как неподражаемо бессмертная… да, бессмертная певица пустила свою последнюю трель!

Апрель, 1878

Чернорабочий и белоручка

Разговор

Чернорабочий
Что ты к нам лезешь? Чего тебе надо? Ты не наш… Ступай прочь!

Белоручка
Я ваш, братцы!

Чернорабочий
Как бы не так! Наш! Что выдумал! Посмотри хоть на мои руки. Видишь, какие они грязные? И навозом от них несет и дегтем — а твои вон руки белые. И чем от них пахнет?

Белоручка (подавая свои руки)
Понюхай.

Чернорабочий (понюхав руки)
Что за притча? Словно железом от них отдает.

Белоручка
Железом и есть. Целых шесть лет я на них носил кандалы.
Чернорабочий
А за что же это?

Белоручка

А за то, что я о вашем же добре заботился, хотел освободить вас, серых, темных людей, восставал против притеснителей ваших, бунтовал… Ну, меня и засадили.

Чернорабочий

Засадили? Вольно ж тебе было бунтовать!

Два года спустя

Тот же чернорабочий (другому)

Слышь, Петра!.. Помнишь, позапрошлым летом один такой белоручка с тобой беседовал?

Другой чернорабочий

Помню… а что?

Первый чернорабочий

Его сегодня, слышь, повесят; такой приказ вышел.

Второй чернорабочий

Всё бунтовал?

Первый чернорабочий

Всё бунтовал.

Второй чернорабочий

Да… Ну вот что, брат Митряй; нельзя ли нам той самой веревочки раздобыть, на которой его

вешать будут; говорят, ба-альшое счастье от этого в дому бывает!

Первый чернорабочий

Это ты справедливо. Надо попытаться, брат Петра.

Апрель, 1878

Роза

Последние дни августа… Осень уже наступала.

Солнце садилось. Внезапный порывистый ливень, без грому и без молний, только что промчался над нашей широкой равниной.

Сад перед домом горел и дымился, весь залитый пожаром зари и потопом дождя.

Она сидела за столом в гостиной и с упорной задумчивостью глядела в сад сквозь полураскрытую дверь.

Я знал, что свершалось тогда в ее душе; я знал, что после недолгой, хоть и мучительной борьбы она в этот самый миг отдавалась чувству, с которым уже не могла более сладить.

Вдруг она поднялась, проворно вышла в сад и скрылась.

Пробил час… пробил другой; она не возвра-

щалась.

Тогда я встал и, выйдя из дому, отправился по аллее, по которой — я в том не сомневался — пошла и она.

Все потемнело вокруг; ночь уже надвинулась. Но на сыром песку дорожки, ярко алея даже сквозь разлитую мглу, виднелся кругловатый предмет.

Я наклонился… То была молодая, чуть распустившаяся роза. Два часа тому назад я видел эту самую розу на ее груди.

Я бережно поднял упавший в грязь цветок и, вернувшись в гостиную, положил его на стол, перед ее креслом.

Вот и она вернулась наконец — и, легкими шагами пройдя всю комнату, села за стол.

Ее лицо и побледнело и ожило; быстро, с веселым смущеньем бегали по сторонам опущенные, как бы уменьшенные глаза.

Она увидала розу, схватила ее, взглянула на ее измятые, запачканные лепестки, взглянула на меня — и глаза ее, внезапно остановившись, засияли слезами.

— О чем вы плачете? — спросил я.

— Да вот об этой розе. Посмотрите, что с ней сталось.

Тут я вздумал выказать глубокомыслие.

— Ваши слезы смоют эту грязь, — промолвил я с значительным выраженьем.

— Слезы не моют, слезы жгут, — отвечала она и, обернувшись к камину, бросила цветок в умиравшее пламя.

— Огонь сожжет еще лучше слез, — воскликнула она не без удали, — и прекрасные глаза, еще блестевшие от слез, засмеялись дерзостно и счастливо.

Я понял, что и она была сожжена.

Апрель, 1878

Памяти Ю. П. Вревской

На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный гошпиталь, в разоренной болгарской деревушке — с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспамятстве — и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к

ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились… два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце… и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи… она не ведала другого счастия… не ведала — и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась — и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда — а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена… дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее трупу — хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!

Сентябрь, 1878

Последнее свидание

Мы были когда-то короткими, близкими друзьями… Но настал недобрый миг — и мы расстались, как враги.

Прошло много лет… И вот, заехав в город, где он жил, я узнал, что он безнадежно болен — и желает видеться со мною.

Я отправился к нему, вошел в его комнату… Взоры наши встретились.

Я едва узнал его. Боже! что с ним сделал недуг!

Желтый, высохший, с лысиной во всю голову, с узкой седой бородой, он сидел в одной, нарочно изрезанной рубахе… Он не мог сносить давление самого легкого платья. Порывисто протянул он мне страшно худую, словно обглоданную руку, усиленно прошептал несколько невнятных слов — привет ли то был, упрек ли, кто знает? Изможденная грудь заколыхалась — и на съеженные зрачки загоревшихся глаз скатились две скупые, страдальческие слезинки.

Сердце во мне упало… Я сел на стул возле него — и, опустив невольно взоры перед тем ужасом и безобразием, также протянул руку.

Но мне почудилось, что не его рука взялась

за мою.

Мне почудилось, что между нами сидит высокая, тихая, белая женщина. Длинный покров облекает ее с ног до головы. Никуда не смотрят ее глубокие бледные глаза; ничего не говорят ее бледные строгие губы…

Эта женщина соединила наши руки… Она навсегда примирила нас.

Да… Смерть нас примирила.

Апрель, 1878

Порог

Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью — угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка… Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с леденящей струей выносится из глубины здания медлительный, глухой голос.

— О ты, что желаешь переступить этот порог, — знаешь ли ты, что тебя ожидает?

— Знаю, — отвечает девушка.

— Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?

— Знаю.

— Отчуждение полное, одиночество?

— Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

— Не только от врагов — но и от родных, от друзей?

— Да… и от них.

— Хорошо… Ты готова на жертву?

— Да.

— На безымянную жертву? Ты погибнешь — и никто… никто не будет даже знать, чью память почтить!

— Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.

— Готова ли ты на преступление?

Девушка потупила голову…

— И на преступление готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

— Знаешь ли ты, — заговорил он наконец, — что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

— Войди!

Девушка перешагнула порог — и тяжелая завеса упала за нею.

— Дура! — проскрежетал кто-то сзади.
— Святая! — принеслось откуда-то в ответ.

Май, 1878

Посещение

Я сидел у раскрытого окна… утром, ранним утром первого мая.

Заря еще не занималась; но уже бледнела, уже холодела темная теплая ночь.

Туман не вставал, не бродил ветерок, все было одноцветно и безмолвно… но чуялась близость пробуждения — и в поредевшем воздухе пахло жесткой сыростью росы.

Вдруг в мою комнату, сквозь раскрытое окно, легко позванивая и шурша, влетела большая птица.

Я вздрогнул, вгляделся… То была не птица, то была крылатая маленькая женщина, одетая в тесное, длинное, книзу волнистое платье.

Вся она была серая, перламутрового цвета; одна лишь внутренняя сторона ее крылышек алела нежной алостью распускающейся розы; венок из ландышей охватывал разбросанные кудри круглой головки — и, подобные усикам бабочки,

два павлиньих пера забавно колебались над красивым, выпуклым лобиком.

Она пронеслась раза два под потолком; ее крошечное лицо смеялось; смеялись также огромные, черные, светлые глаза.

Веселая резвость прихотливого полета дробила их алмазные лучи.

Она держала в руке длинный стебель степного цветка: «царским жезлом» зовут его русские люди, — он и то похож на скипетр.

Стремительно пролетая надо мною, коснулась она моей головы тем цветком.

Я рванулся к ней… Но она уже выпорхнула из окна — и умчалась.

В саду, в глуши сиреневых кустов, горлинка встретила ее первым воркованьем — а там, где она скрылась, молочно-белое небо тихонько закраснелось.

Я узнал тебя, богиня фантазии! Ты посетила меня случайно — ты полетела к молодым поэтам.

О поэзия! Молодость! Женская, девственная красота! Вы только на миг можете блеснуть передо мною — ранним утром ранней весны!

Май, 1878

Necessitas, vis, libertas[1]

Барельеф

Высокая костлявая старуха с железным лицом и неподвижно-тупым взором идет большими шагами и сухою, как палка, рукою толкает перед собой другую женщину.

Женщина эта огромного росту, могучая, дебелая, с мышцами, как у Геркулеса, с крохотной головкой на бычачьей шее — и слепая — в свою очередь толкает небольшую, худенькую девочку.

У одной этой девочки зрячие глаза; она упирается, оборачивается назад, поднимает тонкие, красивые руки; ее оживленное лицо выражает нетерпенье и отвагу… Она не хочет слушаться, она не хочет идти, куда ее толкают… и все-таки должна повиноваться и идти.

Necessitas, vis, libertas.

Кому угодно — пусть переводит.

Май, 1878

---

[1] Примечания: 1
Необходимость, Сила, Свобода (*лат.*).

Милостыня

Вблизи большого города, по широкой проезжей дороге шел старый, больной человек.

Он шатался на ходу; его исхудалые ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжко и слабо, словно чужие; одежда на нем висела лохмотьями; непокрытая голова падала на грудь… Он изнемогал.

Он присел на придорожный камень, наклонился вперед, облокотился, закрыл лицо обеими руками — и сквозь искривленные пальцы закапали слезы на сухую, седую пыль.

Он вспоминал…

Вспоминал он, как и он был некогда здоров и богат — и как он здоровье истратил, а богатство роздал другим, друзьям и недругам… И вот теперь у него нет куска хлеба — и все его покинули, друзья еще раньше врагов… Неужели ж ему унизиться до того, чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердце и стыдно.

А слезы все капали да капали, пестря седую пыль.

Вдруг он услышал, что кто-то зовет его по имени; он поднял усталую голову — и увидал перед

собою незнакомца.

Лицо спокойное и важное, но не строгое; глаза не лучистые, а светлые; взор пронзительный, но не злой.

— Ты все свое богатство роздал, — послышался ровный голос… — Но ведь ты не жалеешь о том, что добро делал?

— Не жалею, — ответил со вздохом старик, — только вот умираю я теперь.

— И не было бы на свете нищих, которые к тебе протягивали руки, — продолжал незнакомец, — не над кем было бы тебе показать свою добродетель, не мог бы ты упражняться в ней?

Старик ничего не ответил — и задумался.

— Так и ты теперь не гордись, бедняк, — заговорил опять незнакомец, — ступай, протягивай руку, доставь и ты другим добрым людям возможность показать на деле, что они добры.

Старик встрепенулся, вскинул глазами… но незнакомец уже исчез; а вдали на дороге показался прохожий.

Старик подошел к нему — и протянул руку. Этот прохожий отвернулся с суровым видом и не дал ничего.

Но за ним шел другой — и тот подал старику малую милостыню.

И старик купил себе на данные гроши хлеба — и сладок показался ему выпрошенный кусок — и не было стыда у него на сердце, а напротив: его осенила тихая радость.

Май, 1878

Насекомое

Снилось мне, что сидит нас человек двадцать в большой комнате с раскрытыми окнами.

Между нами женщины, дети, старики… Все мы говорим о каком-то очень известном предмете — говорим шумно и невнятно.

Вдруг в комнату с сухим треском влетело большое насекомое, вершка в два длиною… влетело, покружилось и село на стену.

Оно походило на муху или на осу. Туловище грязно-бурого цвету; такого же цвету и плоские жесткие крылья; растопыренные мохнатые лапки да голова угловатая и крупная, как у коромыслов; и голова эта и лапки — ярко-красные, точно кровавые.

Странное это насекомое беспрестанно поворачивало голову вниз, вверх, вправо, влево, передвигало лапки… потом вдруг срывалось со

стены, с треском летало по комнате — и опять садилось, опять жутко и противно шевелилось, не трогаясь с места.

Во всех нас оно возбуждало отвращение, страх, даже ужас… Никто из нас не видал ничего подобного, все кричали: «Гоните вон это чудовище!», все махали платками издали… ибо никто не решался подойти… и когда насекомое взлетало — все невольно сторонились.

Лишь один из наших собеседников, молодой еще, бледнолицый человек, оглядывал нас всех с недоумением. Он пожимал плечами, он улыбался, он решительно не мог понять, что с нами сталось и с чего мы так волнуемся? Сам он не видел никакого насекомого — не слышал зловещего треска его крыл.

Вдруг насекомое словно уставилось на него, взвилось и, приникнув к его голове, ужалило его в лоб повыше глаз… Молодой человек слабо ахнул — и упал мертвым.

Страшная муха тотчас улетела… Мы только тогда догадались, что это была за гостья.

Май, 1878

Щи

У бабы-вдовы умер ее единственный двадцатилетний сын, первый на селе работник.

Барыня, помещица того самого села, узнав о горе бабы, пошла навестить ее в самый день похорон.

Она застала ее дома.

Стоя посреди избы, перед столом, она, не спеша, ровным движеньем правой руки (левая висела плетью) черпала пустые щи со дна закоптелого горшка и глотала ложку за ложкой.

Лицо бабы осунулось и потемнело; глаза покраснели и опухли… но она держалась истово и прямо, как в церкви.

«Господи! — подумала барыня. — Она может есть в такую минуту… Какие, однако, у них у всех грубые чувства!»

И вспомнила тут барыня, как, потеряв несколько лет тому назад девятимесячную дочь, она с горя отказалась нанять прекрасную дачу под Петербургом и прожила целое лето в городе!

А баба продолжала хлебать щи.

Барыня не вытерпела наконец.

— Татьяна! — промолвила она. — Помилуй! Я

удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Как у тебя не пропал аппетит? Как можешь ты есть эти щи!

— Вася мой помер, — тихо проговорила баба, и наболевшие слезы снова побежали по ее впалым щекам. — Значит, и мой пришел конец: с живой с меня сняли голову. А щам не пропадать же: ведь они посоленные.

Барыня только плечами пожала — и пошла вон. Ей-то соль доставалась дешево.

Май, 1878

Лазурное царство

О лазурное царство! О царство лазури, света, молодости и счастья! Я видел тебя… во сне.

Нас было несколько человек на красивой, разубранной лодке. Лебединой грудью вздымался белый парус под резвыми вымпелами.

Я не знал, кто были мои товарищи; но я всем своим существом чувствовал, что они были так же молоды, веселы и счастливы, как и я!

Да я и не замечал их. Я видел кругом одно безбрежное лазурное море, все покрытое мелкой рябью золотых чешуек, а над головою такое же

безбрежное, такое же лазурное небо — и по нем, торжествуя и словно смеясь, катилось ласковое солнце.

И между нами по временам поднимался смех звонкий и радостный, как смех богов!

А не то вдруг с чьих-нибудь уст слетали слова, стихи, исполненные дивной красоты и вдохновенной силы… Казалось, самое небо звучало им в ответ — и кругом море сочувственно трепетало… А там опять наступала блаженная тишина.

Слегка ныряя по мягким волнам, плыла наша быстрая лодка. Не ветром двигалась она; ею правили наши собственные играющие сердца. Куда мы хотели, туда она и неслась, послушно, как живая.

Нам попадались острова, волшебные, полупрозрачные острова с отливами драгоценных камней, яхонтов и изумрудов. Упоительные благовония неслись с округлых берегов; одни из этих островов осыпали нас дождем белых роз и ландышей; с других внезапно поднимались радужные длиннокрылые птицы.

Птицы кружились над нами, ландыши и розы таяли в жемчужной пене, скользившей вдоль гладких боков нашей лодки.

Вместе с цветами, с птицами прилетали слад-

кие, сладкие звуки… Женские голоса чудились в них… И все вокруг: небо, море, колыхание паруса в вышине, журчание струи за кормою — все говорило о любви, о блаженной любви!

И та, которую каждый из нас любил, — она была тут… невидимо и близко. Еще мгновение — и вот засияют ее глаза, расцветет ее улыбка… Ее рука возьмет твою руку — и увлечет тебя за собою в неувядаемый рай!

О лазурное царство! я видел тебя… во сне.

Июнь, 1878

Два богача

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на нее пойдут, — не на что

будет соли добыть, похлебку посолить…

— А мы ее… и не соленую, — ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!

Июль, 1878

Старик

Настали темные, тяжелые дни…

Свои болезни, недуги людей милых, холод и мрак старости… Все, что ты любил, чему отдавался безвозвратно, — никнет и разрушается. Под гору пошла дорога.

Что же делать? Скорбеть? Горевать? Ни себе, ни другим ты этим не поможешь.

На засыхающем, покоробленном дереве лист мельче и реже — но зелень его та же.

Сожмись и ты, уйди в себя, в свои воспоминанья, — и там, глубоко-глубоко, на самом дне сосредоточенной души, твоя прежняя, тебе одному доступная жизнь блеснет перед тобою своей пахучей, все еще свежей зеленью и лаской и силой весны!

Но будь осторожен… не гляди вперед, бедный старик!

Июль, 1878

Корреспондент

Двое друзей сидят за столом и пьют чай.

Внезапный шум поднялся на улице. Слышны жалобные стоны, ярые ругательства, взрывы злорадного смеха.

— Кого-то бьют, — заметил один из друзей, выглянув из окна.

— Преступника? Убийцу? — спросил другой. — Слушай, кто бы он ни был, нельзя допустить бессудную расправу. Пойдем заступимся за него.

— Да это бьют не убийцу.

— Не убийцу? Так вора? Все равно, пойдем отнимем его у толпы.

— И не вора.

— Не вора? Так кассира, железнодорожника, военного поставщика, российского мецената, адвоката, благонамеренного редактора, общественного жертвователя?... Все-таки пойдем поможем ему!

— Нет... это бьют корреспондента.

— Корреспондента? Ну знаешь что: допьем сперва стакан чаю.

Июль, 1878

Два брата

То было видение…

Передо мною появилось два ангела… два гения.

Я говорю: ангелы… гении — потому что у обоих на обнаженных телах не было никакой одежды и за плечами у каждого вздымались сильные длинные крылья.

Оба — юноши. Один — несколько полный, гладкокожий, чернокудрый. Глаза карие, с поволокой, с густыми ресницами; взгляд вкрадчивый, веселый и жадный. Лицо прелестное, пленительное, чуть-чуть дерзкое, чуть-чуть злое. Алые пухлявые губы слегка вздрагивают. Юноша улыбается, как власть имеющий — самоуверенно и лениво; пышный цветочный венок слегка покоится на блестящих волосах, почти касаясь бархатных бровей. Пестрая шкурка леопарда, перехваченная золотой стрелою, легко повисла с округлого плеча на выгнутое бедро. Перья крыльев отливают розовым цветом; концы их ярко-красны, точно омочены багряной, свежей кровью. От времени до времени они трепещут быстро, с приятным

серебристым шумом, шумом весеннего дождя.

Другой был худ и желтоват телом. Ребра слабо виднелись при каждом вдыхании. Волосы белокурые, жидкие, прямые; огромные, круглые, бледно-серые глаза… взгляд беспокойный и странно-светлый. Все черты лица заостренные; маленький полураскрытый рот с рыбьими зубами; сжатый, орлиный нос, выдающийся подбородок, покрытый беловатым пухом. Эти сухие губы ни разу, никогда не улыбнулись.

То было правильное, страшное, безжалостное лицо! (Впрочем, и у первого, у красавца, — лицо, хоть и милое и сладкое, жалости не выражало тоже.) Вокруг головы второго зацепилось несколько пустых поломанных колосьев, перевитых поблеклой былинкой. Грубая серая ткань обвивала чресла; крылья за спиною, темно-синие, матового цвета, двигались тихо и грозно.

Оба юноши казались неразлучными товарищами.

Каждый из них опирался на плечо другого. Мягкая ручка первого лежала, как виноградный грозд, на сухой ключице второго; узкая кисть второго с длинными тонкими пальцами протянулась, как змея, по женоподобной груди первого.

И послышался мне голос… Вот что произнес

он:

«Перед тобой Любовь и Голод — два родных брата, две коренных основы всего живущего.

Все, что живет, — движется, чтобы питаться, и питается, чтобы воспроизводить.

Любовь и Голод — цель их одна: нужно, чтобы жизнь не прекращалась, собственная и чужая — все та же, всеобщая жизнь».

Август, 1878

Эгоист

В нем было все нужное для того, чтобы сделаться бичом своей семьи.

Он родился здоровым; родился богатым — и в теченье всей своей долгой жизни, оставаясь богатым и здоровым, не совершил ни одного проступка, не впал ни в одну ошибку, не обмолвился и не промахнулся ни разу.

Он был безукоризненно честен!.. И, гордый сознаньем своей честности, давил ею всех: родных, друзей, знакомых.

Честность была его капиталом… и он брал с него ростовщичьи проценты.

Честность давала ему право быть безжалост-

ным и не делать неуказного добра; и он был безжалостным — и не делал добра… потому что добро по указу — не добро.

Он никогда не заботился ни о ком, кроме собственной — столь примерной! — особы, и искренно возмущался, если и другие так же старательно не заботились о ней!

И в то же время он не считал себя эгоистом — и пуще всего порицал и преследовал эгоистов и эгоизм! Еще бы! Чужой эгоизм мешал его собственному.

Не ведая за собой ни малейшей слабости, он не понимал, не допускал ничьей слабости. Он вообще никого и ничего не понимал, ибо был весь, со всех сторон, снизу и сверху, сзади и спереди, окружен самим собою.

Он даже не понимал: что значит прощать? Самому себе прощать ему не приходилось… С какой стати стал бы он прощать другим?

Перед судом собственной совести, перед лицом собственного бога — он, это чудо, этот изверг добродетели, возводил очи горе и твердым и ясным голосом произносил: «Да, я достойный, я нравственный человек!»

Он повторит эти слова на смертном ложе — и ничего не дрогнет даже и тогда в его каменном

сердце, в этом сердце без пятнышка и без трещины.

О безобразие самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродетели, ты едва ли не противней откровенного безобразия порока!

Декабрь, 1878

Пир у верховного существа

Однажды верховное существо вздумало задать великий пир в своих лазоревых чертогах.

Все добродетели были им позваны в гости. Одни добродетели… мужчин он не приглашал… одних только дам.

Собралось их очень много — великих и малых. Малые добродетели были приятнее и любезнее великих; но все казались довольными и вежливо разговаривали между собою, как приличествует близким родственникам и знакомым.

Но вот верховное существо заметило двух прекрасных дам, которые, казалось, вовсе не были знакомы друг с дружкой.

Хозяин взял за руку одну из этих дам и подвел ее к другой.

«Благодетельность!» — сказал он, указав на

первую.

«Благодарность!» — прибавил он, указав на вторую.

Обе добродетели несказанно удивились: с тех пор как свет стоял — а стоял он давно, — они встречались в первый раз!

Декабрь, 1878

Сфинкс

Изжелта-серый, сверху рыхлый, исподнизу твердый, скрыпучий песок… песок без конца, куда ни взглянешь!

И над этой песчаной пустыней, над этим морем мертвого праха высится громадная голова египетского сфинкса.

Что хотят сказать эти крупные, выпяченные губы, эти неподвижно-расширенные, вздернутые ноздри — и эти глаза, эти длинные, полусонные, полувнимательные глаза под двойной дугой высоких бровей?

А что-то хотят сказать они! Они даже говорят — но один лишь Эдип умеет разрешить загадку и понять их безмолвную речь.

Ба! Да я узнаю эти черты… в них уже нет ничего

египетского. Белый низкий лоб, выдающиеся скулы, нос короткий и прямой, красивый белозубый рот, мягкий ус и бородка курчавая — и эти широко расставленные небольшие глаза… а на голове шапка волос, рассеченная пробором… Да это ты, Карп, Сидор, Семен, ярославский, рязанский мужичок, соотчич мой, русская косточка! Давно ли попал ты в сфинксы?

Или и ты тоже что-то хочешь сказать? Да и ты тоже — сфинкс.

И глаза твои — эти бесцветные, но глубокие глаза говорят тоже… И так же безмолвны и загадочны их речи.

Только где твой Эдип?

Увы! не довольно надеть мурмолку, чтобы сделаться твоим Эдипом, о всероссийский сфинкс!

Декабрь, 1878

Нимфы

Я стоял перед цепью красивых гор, раскинутых полукругом; молодой зеленый лес покрывал их сверху донизу.

Прозрачно синело над ними южное небо; солнце с вышины играло лучами; внизу, полуза-

крытые травою, болтали проворные ручьи.

И вспомнилось мне старинное сказание о том, как, в первый век по Рождестве Христове, один греческий корабль плыл по Эгейскому морю.

Час был полуденный… Стояла тихая погода. И вдруг, в высоте, над головою кормчего, кто-то явственно произнес:

— Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громким голосом: «Умер Великий Пан!»

Кормчий удивился… испугался. Но когда корабль побежал мимо острова, он послушался, он воззвал:

— Умер Великий Пан!

И тотчас же, в ответ на его клик, по всему протяжению берега (а остров был необитаем) раздались громкие рыданья, стоны, протяжные, жалостные возгласы:

— Умер! Умер Великий Пан!

Мне вспомнилось это сказание… и странная мысль посетила меня: «Что, если и я кликну клич?»

Но в виду окружавшего меня ликования я не мог подумать о смерти — и что было во мне силы закричал:

— Воскрес! Воскрес Великий Пан!

И тотчас же — о чудо! — в ответ на мое вос-

клицание по всему широкому полукружию зеленых гор прокатился дружный хохот, поднялся радостный говор и плеск. «Он воскрес! Пан воскрес!» — шумели молодые голоса. Всё там впереди внезапно засмеялось, ярче солнца в вышине, игривее ручьев, болтавших под травою. Послышался торопливый топот легких шагов, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная белизна волнистых туник, живая алость обнаженных тел… То нимфы, нимфы, дриады, вакханки бежали с высот в равнину…

Они разом показались по всем опушкам. Локоны вьются по божественным головам, стройные руки поднимают венки и тимпаны — и смех, сверкающий, олимпийский смех бежит и катится вместе с ними…

Впереди несется богиня. Она выше и прекраснее всех, — колчан за плечами, в руках лук, на поднятых кудрях серебристый серп луны…

Диана, это — ты?

Но вдруг богиня остановилась… и тотчас, вслед за нею, остановились все нимфы. Звонкий смех замер. Я видел, как лицо внезапно онемевшей богини покрылось смертельной бледностью; я видел, как опустились и повисли ее руки, как окаменели ноги, как невыразимый ужас разверз

ее уста, расширил глаза, устремленные вдаль… Что она увидала? Куда глядела она?

Я обернулся в ту сторону, куда она глядела…

На самом краю неба, за низкой чертою полей, горел огненной точкой золотой крест на белой колокольне христианской церкви… Этот крест увидала богиня.

Я услышал за собою неровный, длинный вздох, подобный трепетанию лопнувшей струны, — и когда я обернулся снова, уже от нимф не осталось следа… Широкий лес зеленел по-прежнему, — и только местами сквозь частую сеть ветвей виднелись, таяли клочки чего-то белого. Были ли то туники нимф, поднимался ли пар со дна долин — не знаю.

Но как мне было жаль исчезнувших богинь!

Декабрь, 1878

Враг и друг

Осужденный на вечное заточенье узник вырвался из тюрьмы и стремглав пустился бежать… За ним по пятам мчалась погоня.

Он бежал изо всех сил… Преследователи начинали отставать.

Но вот перед ним река с крутыми берегами, узкая — но глубокая река… А он не умеет плавать!

С одного берега на другой перекинута тонкая гнилая доска. Беглец уже занес на нее ногу… Но случилось так, что тут же возле реки стояли: лучший его друг и самый жестокий его враг.

Враг ничего не сказал и только скрестил руки; зато друг закричал во все горло:

— Помилуй! Что ты делаешь? Опомнись, безумец! Разве ты не видишь, что доска совсем сгнила? Она сломится под твоею тяжестью — и ты неизбежно погибнешь!

— Но ведь другой переправы нет… а погоню слышишь? — отчаянно простонал несчастный и ступил на доску.

— Не допущу!.. Нет, не допущу, чтобы ты погибнул! — возопил ревностный друг и выхватил из-под ног беглеца доску. Тот мгновенно бухнул в бурные волны — и утонул.

Враг засмеялся самодовольно — и пошел прочь; а друг присел на бережку — и начал горько плакать о своем бедном… бедном друге!

Обвинять самого себя в его гибели он, однако, не подумал… ни на миг.

— Не послушался меня! Не послушался! — шептал он уныло.

— А впрочем! — промолвил он наконец. — Ведь он всю жизнь свою должен был томиться в ужасной тюрьме! По крайней мере, он теперь не страдает! Теперь ему легче! Знать, уж такая ему выпала доля!

— А все-таки жалко, по человечеству!

И добрая душа продолжала неутешно рыдать о своем злополучном друге.

Декабрь, 1878

Христос

Я видел себя юношей, почти мальчиком в низкой деревенской церкви. Красными пятнышками теплились перед старинными образами восковые тонкие свечи.

Радужный венчик окружал каждое маленькое пламя. Темно и тускло было в церкви… Но народу стояло передо мною много.

Все русые, крестьянские головы. От времени до времени они начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрелые колосья, когда по ним медленной волной пробегает летний ветер.

Вдруг какой-то человек подошел сзади и стал со мною рядом.

Я не обернулся к нему — но тотчас почувствовал, что этот человек — Христос.

Умиление, любопытство, страх разом овладели мною. Я сделал над собою усилие… и посмотрел на своего соседа.

Лицо как у всех — лицо, похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нем как на всех.

«Какой же это Христос! — подумалось мне. — Такой простой, простой человек! Быть не может!»

Я отвернулся прочь. Но не успел я отвести взор от того простого человека, как мне опять почудилось, что это именно Христос стоит со мной рядом.

Я опять сделал над собою усилие… И опять увидел то же лицо, похожее на все человеческие лица, те же обычные, хоть и незнакомые черты.

И мне вдруг стало жутко — и я пришел в себя. Только тогда я понял, что именно такое лицо — лицо, похожее на все человеческие лица, — оно и есть лицо Христа.

Декабрь, 1878

Камень

Видали ли вы старый серый камень на морском прибрежье, когда в него, в час прилива, в солнечный веселый день, со всех сторон бьют живые волны — бьют и играют и ластятся к нему — и обливают его мшистую голову рассыпчатым жемчугом блестящей пены?

Камень остается тем же камнем — но по хмурой его поверхности выступают яркие цвета.

Они свидетельствуют о том далеком времени, когда только что начинал твердеть расплавленный гранит и весь горел огнистыми цветами.

Так и на мое старое сердце недавно со всех сторон нахлынули молодые женские души — и под их ласкающим прикосновением зарделось оно уже давно поблекшими красками, следами бывалого огня!

Волны отхлынули… но краски еще не потускнели — хоть и сушит их резкий ветер.

Май, 1879

Голуби

Я стоял на вершине пологого холма; передо мною — то золотым, то посеребренным морем — раскинулась и пестрела спелая рожь.

Но не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая.

Около меня солнце еще светило — горячо и тускло, но там, за рожью, не слишком далеко, темно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона.

Все притаилось… все изнывало под зловещим блеском последних солнечных лучей. Не слыхать, не видать ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только где-то вблизи упорно шептал и хлопал одинокий крупный лист лопуха.

Как сильно пахнет полынь на межах! Я глядел на синюю громаду… и смутно было на душе. «Ну скорей же, скорей! — думалось мне, — сверкни, золотая змейка, дрогни, гром! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томленье!»

Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила безмолвную землю… и только словно пухла да темнела.

И вот по одноцветной ее синеве замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь.

Летел, летел — все прямо, прямо… и потонул за лесом.

Прошло несколько мгновений — та же стояла жестокая тишь… Но глядь! Уже *два* платка мелькают, *два* комочка несутся назад: то летят домой ровным полетом *два* белых голубя.

И вот наконец, сорвалась буря — и пошла потеха!

Я едва домой добежал. Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные облака, все закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбами рьяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой…

Но под навесом крыши, на самом краюшке слухового окна, рядышком сидят два белых голубя — и тот, кто слетал за товарищем, и тот, кого он привел и, может быть, спас.

Нахохлились оба — и чувствует каждый своим крылом крыло соседа…

Хорошо им! И мне хорошо, глядя на них… Хоть

я и один… один, как всегда.

Май, 1879

Завтра! Завтра!

Как пуст, и вял, и ничтожен почти всякий прожитой день! Как мало следов оставляет он за собою! Как бессмысленно глупо пробежали эти часы за часами!

И между тем человеку хочется существовать; он дорожит жизнью, он надеется на нее, на себя, на будущее… О, каких благ он ждет от будущего!

Но почему же он воображает, что другие, грядущие дни не будут похожи на этот только что прожитой день?

Да он этого и не воображает. Он вообще не любит размышлять — и хорошо делает.

«Вот завтра, завтра!» — утешает он себя, пока это «завтра» не свалит его в могилу.

Ну, а раз в могиле — поневоле размышлять перестанешь.

Май, 1879

Природа

Мне снилось, что я вошел в огромную подъемную храмину с высокими сводами. Ее всю наполнял какой-то тоже подземный, ровный свет.

По самой середине храмины сидела величавая женщина в волнистой одежде зеленого цвета. Склонив голову на руку, она казалась погруженной в глубокую думу.

Я тотчас понял, что эта женщина — сама Природа, — и мгновенным холодом внедрился в мою душу благоговейный страх.

Я приблизился к сидящей женщине — и, отдав почтительный поклон:

— О наша общая мать! — воскликнул я. — О чем твоя дума? Не о будущих ли судьбах человечества размышляешь ты? Не о том ли, как ему дойти до возможного совершенства и счастья?

Женщина медленно обратила на меня свои темные, грозные глаза. Губы ее шевельнулись — и раздался зычный голос, подобный лязгу железа:

— Я думаю о том, как бы придать большую силу мышцам ног блохи, чтобы ей удобнее было спасаться от врагов своих. Равновесие нападения

и отпора нарушено… Надо его восстановить.

— Как? — пролепетал я в ответ. — Ты вот о чем думаешь? Но разве мы, люди, не любимые твои дети?

Женщина чуть-чуть наморщила брови:

— Все твари мои дети, — промолвила она, — и я одинаково о них забочусь — и одинаково их истребляю.

— Но добро… разум… справедливость… — пролепетал я снова.

— Это человеческие слова, — раздался железный голос. — Я не ведаю ни добра, ни зла… Разум мне не закон — и что такое справедливость? Я тебе дала жизнь — я ее отниму и дам другим, червям или людям… мне все равно… А ты пока защищайся — и не мешай мне!

Я хотел было возражать… но земля кругом глухо застонала и дрогнула — и я проснулся.

Август, 1879

«Повесить его!»

— Это случилось в 1805 году, — начал мой старый знакомый, — незадолго до Аустерлица. Полк, в котором я служил офицером, стоял на кварти-

рах в Моравии.

Нам было строго запрещено беспокоить и притеснять жителей; они и так смотрели на нас косо, хоть мы и считались союзниками.

У меня был денщик, бывший крепостной моей матери, Егор по имени. Человек он был честный и смирный; я знал его с детства и обращался с ним как с другом.

Вот однажды в доме, где я жил, поднялись бранчивые крики, вопли: у хозяйки украли двух кур, и она в этой краже обвиняла моего денщика. Он оправдывался, призывал меня в свидетели… «Станет он красть, он, Егор Автамонов!» Я уверял хозяйку в честности Егора, но она ничего слушать не хотела.

Вдруг вдоль улицы раздался дружный конский топот: то сам главнокомандующий проезжал со своим штабом.

Он ехал шагом, толстый, обрюзглый, с понурой головой и свислыми на грудь эполетами.

Хозяйка увидала его — и, бросившись наперерез его лошади, пала на колени — и, вся растерзанная, простоволосая, начала громко жаловаться на моего денщика, указывала на него рукою.

— Господин генерал! — кричала она, — ваше сиятельство! Рассудите! Помогите! Спасите! Этот

солдат меня ограбил!

Егор стоял на пороге дома, вытянувшись в струнку, с шапкой в руке, даже грудь выставил и ноги сдвинул, как часовой, — и хоть бы слово! Смутил ли его весь этот остановившийся посреди улицы генералитет, окаменел ли он перед налетающей бедою — только стоит мой Егор да мигает глазами — а сам бел, как глина!

Главнокомандующий бросил на него рассеянный и угрюмый взгляд, промычал сердито:

— Ну?..

Стоит Егор как истукан и зубы оскалил! Со стороны посмотреть: словно смеется человек.

Тогда главнокомандующий промолвил отрывисто:

— Повесить его! — толкнул лошадь под бока и двинулся дальше — сперва опять-таки шагом, а потом шибкой рысью. Весь штаб помчался вслед за ним; один только адъютант, повернувшись на седле, взглянул мельком на Егора.

Ослушаться было невозможно… Егора тотчас схватили и повели на казнь.

Тут он совсем помертвел — и только раза два с трудом воскликнул:

— Батюшки! батюшки! — а потом вполголоса: — Видит бог — не я!

Горько, горько заплакал он, прощаясь со мною. Я был в отчаянии.

— Егор! Егор! — кричал я, — как же ты это ничего не сказал генералу!

— Видит бог, не я, — повторял, всхлипывая, бедняк.

Сама хозяйка ужаснулась. Она никак не ожидала такого страшного решения и в свою очередь разревелась! Начала умолять всех и каждого о пощаде, уверяла, что куры ее отыскались, что она сама готова все объяснить…

Разумеется, все это ни к чему не послужило. Военные, сударь, порядки! Дисциплина! Хозяйка рыдала все громче и громче.

Егор, которого священник уже исповедал и причастил, обратился ко мне:

— Скажите ей, ваше благородие, чтоб она не убивалась… Ведь я ей простил.

Мой знакомый повторил эти последние слова своего слуги, прошептал: «Егорушка, голубчик, праведник!» — и слезы закапали по его старым щекам.

Август, 1879

Что я буду думать?..

Что я буду думать тогда, когда мне придется умирать, — если я только буду в состоянии тогда думать?

Буду ли я думать о том, что плохо воспользовался жизнью, проспал ее, продремал, не сумел вкусить от ее даров?

«Как? это уже смерть? Так скоро? Невозможно! Ведь я еще ничего не успел сделать… Я только собирался делать!»

Буду ли я вспоминать о прошедшем, останавливаться мыслию на немногих светлых, прожитых мною мгновениях, на дорогих образах и лицах?

Предстанут ли моей памяти мои дурные дела — и найдет на мою душу жгучая тоска позднего раскаяния?

Буду ли я думать о том, что меня ожидает за гробом… да и ожидает ли меня там что-нибудь?

Нет… мне кажется, я буду стараться не думать — и насильно займусь каким-нибудь вздором, чтобы только отвлечь собственное мое внимание от грозного мрака, чернеющего впереди.

При мне один умирающий все жаловался на то, что не хотят дать ему погрызть каленых ореш-

ков… и только там, в глубине его потускневших глаз, билось и трепетало что-то, как перешибленное крыло насмерть раненной птицы.

Август, 1879

«Как хороши, как свежи были розы…»

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною… но первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы…

Теперь зима; мороз запушил стекла окон; в темной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол; а в голове все звенит да звенит:

Как хороши, как свежи были розы…

И вижу я себя перед низким окном загородного русского дома. Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет резедой и липой; а на окне, опершись на выпрямленную руку и склонив голову к плечу, сидит девушка — и безмолвно и пристально смотрит на небо, как бы выжидая появления первых звезд. Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит еще не вполне

расцветшая, еще ничем не взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с нею — но как она мне дорога, как бьется мое сердце!

Как хороши, как свежи были розы…

А в комнате все темней да темней… Нагоревшая свеча трещит, беглые тени колеблются на низком потолке, мороз скрыпит и злится за стеною — и чудится скучный, старческий шепот…

Как хороши, как свежи были розы…

Встают передо мною другие образы… Слышится веселый шум семейной деревенской жизни. Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками, алые щеки трепещут сдержанным смехом, руки ласково сплелись, вперебивку звучат молодые, добрые голоса; а немного подальше, в глубине уютной комнаты, другие, тоже молодые руки бегают, путаясь пальцами, по клавишам старенького пианино — и ланнеровский вальс не может заглушить воркотню патриархального самовара…

Как хороши, как свежи были розы…

Свеча меркнет и гаснет… Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жмется и вздрагивает у ног моих старый пес,

мой единственный товарищ… Мне холодно… Я зябну… И все они умерли… умерли…

Как хороши, как свежи были розы…

Сентябрь, 1879

Морское плавание

Я плыл из Гамбурга в Лондон на небольшом пароходе. Нас было двое пассажиров: я да маленькая обезьяна, самка из породы уистити, которую один гамбургский купец отправлял в подарок своему английскому компаньону.

Она была привязана тонкой цепочкой к одной из скамеек на палубе и металась и пищала жалобно, по-птичьи.

Всякий раз, когда я проходил мимо, она протягивала мне свою черную холодную ручку — и взглядывала на меня своими грустными, почти человеческими глазенками. Я брал ее руку — и она переставала пищать и метаться.

Стоял полный штиль. Море растянулось кругом неподвижной скатертью свинцового цвета. Оно казалось невеликим; густой туман лежал на нем, заволакивая самые концы мачт, и слепил и утомлял взор своей мягкой мглою. Солнце висе-

ло тускло-красным пятном в этой мгле; а перед вечером она вся загоралась и алела таинственно и странно.

Длинные прямые складки, подобные складкам тяжелых шелковых тканей, бежали одна за другой от носа парохода и, все ширясь, морщась да ширясь, сглаживались наконец, колыхались, исчезали. Взбитая пена клубилась под однообразно топотавшими колесами; молочно белея и слабо шипя, разбивалась она на змеевидные струи — а там сливалась, исчезала тоже, поглощенная мглою.

Непрестанно и жалобно, не хуже писка обезьяны, звякал небольшой колокол у кормы.

Изредка всплывал тюлень — и, круто кувыркнувшись, уходил под едва возмущенную гладь.

А капитан, молчаливый человек с загорелым сумрачным лицом, курил короткую трубку и сердито плевал в застывшее море.

На все мои вопросы он отвечал отрывистым ворчанием; поневоле приходилось обращаться к моему единственному спутнику — обезьяне.

Я садился возле нее; она переставала пищать — и опять протягивала мне руку.

Снотворной сыростью обдавал нас обоих неподвижный туман; и погруженные в одинаковую,

бессознательную думу, мы пребывали друг возле друга, словно родные.

Я улыбаюсь теперь… но тогда во мне было другое чувство.

Все мы дети одной матери — и мне было приятно, что бедный зверок так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному.

Ноябрь, 1879

Н. Н.

Стройно и тихо проходишь ты по жизненному пути, без слез и без улыбки, едва оживленная равнодушным вниманием.

Ты добра и умна… и все тебе чуждо — и никто тебе не нужен.

Ты прекрасна — и никто не скажет: дорожишь ли ты своей красотою или нет? Ты безучастна сама — и не требуешь участия.

Твой взор глубок — и не задумчив; пусто в этой светлой глубине.

Так, в Елисейских Полях — под важные звуки глюковских мелодий — беспечально и безрадостно проходят стройные тени.

Ноябрь, 1879

Стой!

Стой! Какою я теперь тебя вижу — останься навсегда такою в моей памяти!

С губ сорвался последний вдохновенный звук — глаза не блестят и не сверкают — они меркнут, отягощенные счастьем, блаженным сознанием той красоты, которую удалось тебе выразить, той красоты, вослед которой ты словно простираешь твои торжествующие, твои изнеможенные руки!

Какой свет, тоньше и чище солнечного света, разлился по всем твоим членам, по малейшим складкам твоей одежды?

Какой бог своим ласковым дуновеньем откинул назад твои рассыпанные кудри?

Его лобзание горит на твоем, как мрамор, побледневшем челе!

Вот она — открытая тайна, тайна поэзии, жизни, любви! Вот оно, вот оно, бессмертие! Другого бессмертия нет — и не надо. В это мгновение ты бессмертна.

Оно пройдет — и ты снова щепотка пепла, женщина, дитя… Но что тебе за дело! В это мгновенье — ты стала выше, ты стала вне всего преходящего, временного. Это *твое* мгновение не кончится

никогда.

Стой! И дай мне быть участником твоего бессмертия, урони в душу мою отблеск твоей вечности!

Ноябрь, 1879

Монах

Я знавал одного монаха, отшельника, святого. Он жил одною сладостью молитвы — и, упиваясь ею, так долго простаивал на холодном полу церкви, что ноги его, ниже колен, отекли и уподобились столбам. Он их не чувствовал, стоял — и молился.

Я его понимал — я, быть может, завидовал ему, — но пускай же и он поймет меня и не осуждает меня — меня, которому недоступны его радости.

Он добился того, что уничтожил себя, свое ненавистное *я;* но ведь и я — не молюсь не из самолюбия.

Мое *я* мне, может быть, еще тягостнее и противнее, чем его — ему.

Он нашел, в чем забыть себя… да ведь и я нахожу, хоть и не так постоянно.

Он не лжет… да ведь и я не лгу.

Ноябрь, 1879

Мы еще повоюем!

Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека!

Полный раздумья, шел я однажды по большой дороге.

Тяжкие предчувствия стесняли мою грудь; унылость овладевала мною.

Я поднял голову… Передо мною, между двух рядов высоких тополей, стрелою уходила вдаль дорога.

И через нее, через эту самую дорогу, в десяти шагах от меня, вся раззолоченная ярким летним солнцем, прыгала гуськом целая семейка воробьев, прыгала бойко, забавно, самонадеянно!

Особенно один из них так и надсаживал бочком, бочком, выпуча зоб и дерзко чирикая, словно и черт ему не брат! Завоеватель — и полно!

А между тем высоко на небе кружил ястреб, которому, быть может, суждено сожрать именно этого самого завоевателя.

Я поглядел, рассмеялся, встряхнулся — и грустные думы тотчас отлетели прочь: отвагу, удаль, охоту к жизни почувствовал я.

И пускай надо мной кружит *мой* ястреб…
— Мы еще повоюем, черт возьми!

Ноябрь, 1879

Молитва

О чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: «Великий Боже, сделай, чтобы дважды два — не было четыре!»

Только такая молитва и есть настоящая молитва — от лица к лицу. Молиться всемирному духу, высшему существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безобразному богу — невозможно и немыслимо.

Но может ли даже личный, живой, образный бог сделать, чтобы дважды два — не было четыре?

Всякий верующий обязан ответить: *может* — и обязан убедить самого себя в этом.

Но если разум его восстанет против такой бессмыслицы?

Тут Шекспир придет ему на помощь: «Есть многое на свете, друг Горацио…» и т. д.

А если ему станут возражать во имя истины, —

ему стоит повторить знаменитый вопрос: «Что есть истина?»

И потому: станем пить и веселиться — и молиться.

Июнь, 1881

Русский язык

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

Июнь, 1882

‹II›
Встреча

Сон

Мне снилось: я шел по широкой голой степи, усеянной крупными угловатыми камнями, под черным, низким небом.

Между камнями вилась тропинка… Я шел по ней, не зная сам куда и зачем…

Вдруг передо мною на узкой черте тропинки появилось нечто вроде тонкого облачка… Я начал вглядываться: облачко стало женщиной, стройной и высокой, в белом платье, с узким светлым поясом вокруг стана. Она спешила прочь от меня проворными шагами.

Я не видел ее лица, не видел даже ее волос: их закрывала волнистая ткань; но все сердце мое устремилось вслед за нею. Она казалась мне прекрасной, дорогой и милой… Я непременно хотел догнать ее, хотел заглянуть в ее лицо… в ее глаза… О да! Я хотел увидеть, я должен был увидеть эти глаза.

Однако, как я ни спешил, она двигалась еще проворнее меня — и я не мог ее настигнуть.

Но вот поперек тропинки показался плоский, широкий камень… Он преградил ей дорогу.

Женщина остановилась перед ним… и я подбежал, дрожа от радости и ожидания, не без страха.

Я ничего не промолвил… Но она тихо обернулась ко мне…

И я все-таки не увидал ее глаз. Они были закрыты.

Лицо ее было белое… белое, как ее одежда; обнаженные руки висели недвижно. Она вся словно окаменела; всем телом своим, каждой чертою лица своего эта женщина походила на мраморную статую.

Медленно, не сгибаясь ни одним членом, отклонилась она назад и опустилась на ту плоскую плиту.

И вот уже я лежу с ней рядом, лежу на спине, вытянутый весь, как надгробное изваяние, руки мои сложены молитвенно на груди, и чувствую я, что окаменел я тоже.

Прошло несколько мгновений… Женщина вдруг приподнялась и пошла прочь.

Я хотел броситься за нею, но я не мог пошевельнуться, не мог разжать сложенных рук — и только глядел ей вслед, с тоской несказанной.

Тогда она внезапно обернулась — и я увидел светлые, лучистые глаза на живом подвижном лице. Она устремила их на меня и засмеялась одними устами… без звука. Встань, мол, и приди ко мне!

Но я все не мог пошевельнуться.

Тогда она засмеялась еще раз и быстро удалилась, весело покачивая головою, на которой вдруг ярко заалел венок из маленьких роз.

А я остался неподвижен и нем на могильной моей плите.

Февраль, 1878

Мне жаль…

Мне жаль самого себя, других, всех людей, зверей, птиц… всего живущего.

Мне жаль детей и стариков, несчастных и счастливых… счастливых более, чем несчастных.

Мне жаль победоносных, торжествующих вождей, великих художников, мыслителей, поэтов…

Мне жаль убийцы и его жертвы, безобразия и красоты, притесненных и притеснителей.

Как мне освободиться от этой жалости? Она

мне жить не дает… Она — да вот еще скука.

О скука, скука, вся растворенная жалостью! Ниже спуститься человеку нельзя.

Уж лучше бы я завидовал… право!

Да я и завидую — камням.

Февраль, 1878

Проклятие

Я читал байроновского «Манфреда»…

Когда я дошел до того места, где дух женщины, погубленной Манфредом, произносит над ним свое таинственное заклинание, — я ощутил некоторый трепет.

Помните: «Да будут без сна твои ночи, да вечно ощущает твоя злая душа мое незримое неотвязное присутствие, да станет она своим собственным адом…»

Но тут мне вспомнилось иное… Однажды, в России, я был свидетелем ожесточенной распри между двумя крестьянами, отцом и сыном.

Сын кончил тем, что нанес отцу нестерпимое оскорбление.

— Прокляни его, Васильич, прокляни, окаянного! — закричала жена старика.

— Изволь, Петровна, — отвечал старик глухим голосом и широко перекрестился: — Пускай же и он дождется сына, который на глазах своей матери плюнет отцу в его седую бороду!

Сын раскрыл было рот, да пошатнулся на ногах, позеленел в лице — и вышел вон.

Это проклятие показалось мне ужаснее манфредовского.

Февраль, 1878

Близнецы

Я видел спор двух близнецов. Как две капли воды походили они друг на друга всем: чертами лица, их выражением, цветом волос, ростом, складом тела — и ненавидели друг друга непримиримо.

Они одинаково корчились от ярости. Одинаково пылали близко друг на дружку надвинутые, до странности схожие лица; одинаково сверкали и грозились схожие глаза; те же самые бранные слова, произнесенные одинаковым голосом, вырывались из одинаково искривленных губ.

Я не выдержал, взял одного за руку, подвел его к зеркалу и сказал ему:

— Бранись уж лучше тут, перед этим зеркалом… Для тебя не будет никакой разницы… но мне-то не так будет жутко.

Февраль, 1878

Дрозд
I

Я лежал на постели — но мне не спалось. Забота грызла меня; тяжелые, утомительно однообразные думы медленно проходили в уме моем, подобно сплошной цепи туманных облаков, безостановочно ползущих в ненастный день по вершинам сырых холмов.

Ах! я любил тогда безнадежной, горестной любовью, какою можно любить лишь под снегом и холодом годов, когда сердце, не затронутое жизнию, осталось… не молодым! нет… но ненужно и напрасно моложавым.

Белесоватым пятном стоял передо мною призрак окна; все предметы в комнате смутно виднелись: они казались еще неподвижнее и тише в дымчатом полусвете раннего летнего утра. Я посмотрел на часы: было без четверти три часа. И за стенами дома чувствовалась та же

неподвижность… И роса, целое море росы!

А в этой росе, в саду, под самым моим окном уже пел, свистал, тюрюлюкал — немолчно, громко, самоуверенно — черный дрозд. Переливчатые звуки проникали в мою затихшую комнату, наполняли ее всю, наполняли мой слух, мою голову, отягченную сухостью бессонницы, горечью болезненных дум.

Они дышали вечностью, эти звуки, — всею свежестью, всем равнодушием, всею силою вечности. Голос самой природы слышался мне в них, тот красивый, бессознательный голос, который никогда не начинался — и не кончится никогда.

Он пел, он распевал самоуверенно, этот черный дрозд; он знал, что скоро, обычной чередою, блеснет неизменное солнце; в его песни не было ничего *своего*, личного; он был тот же самый черный дрозд, который тысячу лет тому назад приветствовал то же самое солнце и будет его приветствовать через другие тысячи лет, когда то, что останется от меня, быть может, будет вертеться незримыми пылинками вокруг его живого звонкого тела, в воздушной струе, потрясенной его пением.

И я, бедный, смешной, влюбленный, личный человек, говорю тебе: спасибо, маленькая птица,

спасибо твоей сильной и вольной песенке, так неожиданно зазвеневшей под моим окном в тот невеселый час.

Она не утешила меня — да я и не искал утешения… Но глаза мои омочились слезами, и шевельнулось в груди, приподнялось на миг недвижное, мертвое бремя. Ах! и то существо — не так же ли оно молодо и свеже, как твои ликующие звуки, предрассветный певец!

Да и стоит ли горевать, и томиться, и думать о самом себе, когда уже кругом, со всех сторон разлиты те холодные волны, которые не сегодня-завтра увлекут меня в безбрежный океан?

Слезы лились… а мой милый черный дрозд продолжал, как ни в чем не бывало, свою безучастную, свою счастливую, свою вечную песнь!

О, какие слезы на разгоревшихся щеках моих осветило взошедшее наконец солнце!

Но днем я улыбался по-прежнему.

8 июля 1877

Дрозд
II

Опять я лежу в постели… опять мне не спится.

То же летнее раннее утро охватывает меня со всех сторон; и опять под окном моим поет черный дрозд — и в сердце горит та же рана.

Но не приносит мне облегчения песенка птицы — и не думаю я о моей ране. Меня терзают другие, бесчисленные, зияющие раны; из них багровыми потоками льется родная, дорогая кровь, льется бесполезно, бессмысленно, как дождевые воды с высоких крыш на грязь и мерзость улицы.

Тысячи моих братий, собратий гибнут теперь там, вдали, под неприступными стенами крепостей; тысячи братий, брошенных в разверстую пасть смерти неумелыми вождями.

Они гибнут без ропота; их губят без раскаяния; они о себе не жалеют; не жалеют о них и те неумелые вожди.

Ни правых тут нет, ни виноватых: то молотилка треплет снопы колосьев, пустых ли, с зерном ли — покажет время.

Что же значат *мои* раны? Что значат *мои* страданья? Я не смею даже плакать. Но голова горит и душа замирает — и я, как преступник, прячу голову в постылые подушки.

Горячие, тяжелые капли пробираются, скользят по моим щекам… скользят мне на губы… Что это? Слезы… или кровь?

Август, 1877

Без гнезда

Куда мне деться? Что предпринять? Я как одинокая птица без гнезда… Нахохлившись, сидит она на голой, сухой ветке. Оставаться тошно… а куда полететь?

И вот она расправляет свои крылья — и бросается вдаль стремительно и прямо, как голубь, вспугнутый ястребом. Не откроется ли где зеленый, приютный уголок, нельзя ли будет свить где-нибудь хоть временное гнездышко?

Птица летит, летит и внимательно глядит вниз.

Под нею желтая пустыня, безмолвная, недвижная, мертвая.

Птица спешит, перелетает пустыню — и все глядит вниз, внимательно и тоскливо.

Под нею море, желтое, мертвое, как пустыня. Правда, оно шумит и движется — но в нескончаемом грохоте, в однообразном колебании его валов тоже нет жизни и тоже негде приютиться.

Устала бедная птица… Слабеет взмах ее крыл; ныряет ее полет. Взвилась бы она к небу… но не свить же гнезда в той бездонной пустоте!..

Она сложила наконец крылья… и с протяжным стоном пала в море.

Волна ее поглотила… и покатилась вперед, по-прежнему бессмысленно шумя.

Куда же деться мне? И не пора ли и мне — упасть в море?

Январь, 1878

Кубок

Мне смешно… и я дивлюсь на самого себя.

Непритворна моя грусть, мне действительно тяжело жить, горестны и безотрадны мои чувства. И между тем я стараюсь придать им блеск и красивость, я ищу образов и сравнений; я округляю мою речь, тешусь звоном и созвучием слов.

Я, как ваятель, как золотых дел мастер, старательно леплю и вырезываю и всячески украшаю тот кубок, в котором я сам же подношу себе отраву.

Январь, 1878

Чья вина?

Она протянула мне свою нежную, бледную

руку… а я с суровой грубостью оттолкнул ее.

Недоумение выразилось на молодом, милом лице; молодые добрые глаза глядят на меня с укором; не понимает меня молодая, чистая душа.

— Какая моя вина? — шепчут ее губы.

— Твоя вина? Самый светлый ангел в самой лучезарной глубине небес скорее может провиниться, нежели ты.

И все-таки велика твоя вина передо мною. Хочешь ты ее узнать, эту тяжкую вину, которую ты не можешь понять, которую я растолковать тебе не в силах?

Вот она: ты — молодость; я — старость.

Январь, 1878

Житейское правило

Хочешь быть спокойным? Знайся с людьми, но живи один, не предпринимай ничего и не жалей ни о чем.

Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать.

Апрель, 1878

Гад

Я видел перерубленного гада.

Облитый сукровицей и слизью собственных извержений, он еще корчился и, судорожно поднимая голову, выставлял жало… он грозил еще… грозил бессильно.

Я прочел фельетон опозоренного писаки.

Захлебываясь собственной слюной, вывалянный в гное собственных мерзостей, он тоже корчился и кривлялся… Он упоминал о «барьере», — он предлагал поединком омыть свою честь… свою честь!!!

Я вспомнил о том перерубленном гаде с его бессильным жалом.

Май, 1878

Писатель и критик

Писатель сидел у себя в комнате за рабочим столом. Вдруг входит к нему критик.

— Как! — воскликнул он, — вы всё еще продолжаете строчить, сочинять, после всего, что я написал против вас? после всех тех больших

статей, фельетонов, заметок, корреспонденций, в которых я доказал как дважды два четыре, что у вас нет — да и не было никогда — никакого таланта, что вы позабыли даже родной язык, что вы всегда отличались невежеством, а теперь совсем выдохлись, устарели, превратились в тряпку?

Сочинитель спокойно обратился к критику.

— Вы написали против меня множество статей и фельетонов, — отвечал он, — это несомненно; но известна ли вам басня о лисе и кошке? У лисы много было хитростей — а она все-таки попалась; у кошки была только одна: взлезть на дерево… и собаки ее не достали. Так и я: в ответ на все ваши статьи — я вывел вас целиком в одной только книге; надел на вашу разумную голову шутовской колпак — и будете вы в нем щеголять перед потомством.

— Перед потомством! — расхохотался критик, — как будто ваши книги дойдут до потомства?! Лет через сорок, много пятьдесят их никто и читать не будет.

— Я с вами согласен, — отвечал писатель, — но с меня и этого довольно. Гомер пустил на вечные времена своего Ферсита; а для вашего брата и полвека за глаза. Вы не заслуживаете даже шутовского бессмертия. Прощайте, господин…

Прикажете назвать вас по имени? Едва ли это нужно… все произнесут его и без меня.

Июнь, 1878

С кем спорить…

Спорь с человеком умнее тебя: он тебя победит… но из самого твоего поражения ты можешь извлечь пользу для себя.

Спорь с человеком ума равного: за кем бы ни осталась победа — ты, по крайней мере, испытаешь удовольствие борьбы.

Спорь с человеком ума слабейшего… спорь не из желания победы; но ты можешь быть ему полезным.

Спорь даже с глупцом; ни славы, ни выгоды ты не добудешь; но отчего иногда и не позабавиться?

Не спорь только с Владимиром Стасовым!

Июнь, 1878

«О моя молодость! О моя свежесть!»

Гоголь

«О моя молодость! о моя свежесть!» — восклицал и я когда-то.

Но когда я произносил это восклицание — я сам еще был молод и свеж.

Мне просто хотелось тогда побаловать самого себя грустным чувством — пожалеть о себе въявь, порадоваться втайне.

Теперь я молчу и не сокрушаюсь вслух о тех утратах… Они и так грызут меня постоянно, глухою грызью.

«Эх! лучше не думать!» — уверяют мужики.

Июнь, 1878

К***

То не ласточка щебетунья, не резвая касаточка тонким крепким клювом себе в твердой скале гнездышко выдолбила…

То с чужой жестокой семьей ты понемногу сжилась да освоилась, моя терпеливая умница!

Июль, 1878

Я шел среди высоких гор…

Я шел среди высоких гор, Вдоль светлых рек и по долинам… И все, что ни встречал мой взор, Мне говорило об едином: Я был любим! любим я был! Я все другое позабыл! Сияло небо надо мной, Шумели листья, птицы пели… И тучки резвой чередой Куда-то весело летели… Дышало счастьем все кругом, Но сердце не нуждалось в нем. Меня несла, несла волна, Широкая, как волны моря! В душе стояла тишина Превыше радости и горя… Едва себя я сознавал: Мне целый мир принадлежал! Зачем не умер я тогда? Зачем потом мы оба жили? Пришли года… прошли года — И ничего не подарили, Что б было слаще и ясней Тех глупых и блаженных дней.

Ноябрь, 1878

Когда меня не будет…

Когда меня не будет, когда все, что было мною, рассыплется прахом, — о ты, мой единственный друг, о ты, которую я любил так глубоко и так нежно, ты, которая наверно переживешь меня, —

не ходи на мою могилу… Тебе там делать нечего.

Не забывай меня… но и не вспоминай обо мне среди ежедневных забот, удовольствий и нужд… Я не хочу мешать твоей жизни, не хочу затруднять ее спокойное течение.

Но в часы уединения, когда найдет на тебя та застенчивая и беспричинная грусть, столь знакомая добрым сердцам, возьми одну из наших любимых книг и отыщи в ней те страницы, те строки, те слова, от которых, бывало, — помнишь? — у нас обоих разом выступали сладкие и безмолвные слезы.

Прочти, закрой глаза и протяни мне руку… Отсутствующему другу протяни руку твою.

Я не буду в состоянии пожать ее моей рукой — она будет лежать неподвижно под землею… но мне теперь отрадно думать, что, быть может, ты на твоей руке почувствуешь легкое прикосновение.

И образ мой предстанет тебе — и из-под закрытых век твоих глаз польются слезы, подобные тем слезам, которые мы, умиленные Красотою, проливали некогда с тобою вдвоем, о ты, мой единственный друг, о ты, которую я любил так глубоко и так нежно!

Декабрь, 1878

Песочные часы

День за днем уходит без следа, однообразно и быстро.

Страшно скоро помчалась жизнь, — скоро и без шума, как речное стремя перед водопадом.

Сыплется она ровно и гладко, как песок в тех часах, которые держит в костлявой руке фигура Смерти.

Когда я лежу в постели и мрак облегает меня со всех сторон — мне постоянно чудится этот слабый и непрерывный шелест утекающей жизни.

Мне не жаль ее, не жаль того, что я мог бы еще сделать… Мне жутко.

Мне сдается: стоит возле моей кровати та неподвижная фигура… В одной руке песочные часы, другую она занесла над моим сердцем…

И вздрагивает и толкается в грудь мое сердце, как бы спеша достучать свои последние удары.

Декабрь, 1878

Я встал ночью…

Я встал ночью с постели… Мне показалось, что кто-то позвал меня по имени… там, за темным окном.

Я прижался лицом к стеклу, приник ухом, вперил взоры — и начал ждать.

Но там, за окном, только деревья шумели — однообразно и смутно, — и сплошные, дымчатые тучи, хоть и двигались и менялись беспрестанно, оставались все те же да те же…

Ни звезды на небе, ни огонька на земле.

Скучно и томно там… как и здесь, в моем сердце.

Но вдруг где-то вдали возник жалобный звук и, постепенно усиливаясь и приближаясь, зазвенел человеческим голосом — и, понижаясь и замирая, промчался мимо.

«Прощай! прощай! прощай!» — чудилось мне в его замираниях.

Ах! Это всё мое прошедшее, всё мое счастье, всё, всё, что я лелеял и любил, — навсегда и безвозвратно прощалось со мною!

Я поклонился моей улетевшей жизни — и лег в постель, как в могилу.

Ах, кабы в могилу!

Июнь, 1879

Когда я один…

Двойник

Когда я один, совсем и долго один — мне вдруг начинает чудиться, что кто-то другой находится в той же комнате, сидит со мною рядом или стоит за моей спиною.

Когда я оборачиваюсь или внезапно устремляю глаза туда, где мне чудится тот человек, я, разумеется, никого не вижу. Самое ощущение его близости исчезает… но через несколько мгновений оно возвращается снова.

Иногда я возьму голову в обе руки — и начинаю думать о нем.

Кто он? Что он? Он мне не чужой… он меня знает, — и я знаю его… Он мне как будто сродни… и между нами бездна.

Ни звука, ни слова я от него не жду… Он так же нем, как и недвижен… И однако, он говорит мне… говорит что-то неясное, непонятное — и знакомое. Он знает все мои тайны.

Я его не боюсь… но мне неловко с ним и не

хотелось бы иметь такого свидетеля моей внутренней жизни… И со всем тем отдельного, чужого существования я в нем не ощущаю.

Уж не мой ли ты двойник? Не мое ли прошедшее *я?* Да и точно: разве между тем человеком, каким я себя помню, и теперешним мною — не целая бездна?

Но он приходит не по моему веленью — словно у него своя воля.

Невесело, брат, ни тебе, ни мне — в постылой тишине одиночества!

А вот погоди… Когда я умру, мы сольемся с тобою — мое прежнее, мое теперешнее *я* — и умчимся навек в область невозвратных теней.

Ноябрь, 1879

Путь к любви

Все чувства могут привести к любви, к страсти, все: ненависть, сожаление, равнодушие, благоговение, дружба, страх, — даже презрение.

Да, все чувства… исключая одного: благодарности.

Благодарность — долг; всякий честный человек платит свои долги… но любовь — не деньги.

Июнь, 1881

Фраза

Я боюсь, я избегаю фразы; но страх фразы — тоже претензия.

Так, между этими двумя иностранными словами, между претензией и фразой, так и катится и колеблется наша сложная жизнь.

Июнь, 1881

Простота

Простота! простота! Тебя зовут святою… Но святость — не человеческое дело.

Смирение — вот это так. Оно попирает, оно побеждает гордыню. Но не забывай: в самом чувстве победы есть уже своя гордыня.

Июнь, 1881

Брамин

Брамин твердит слово «Ом!», глядя на свой пупок, — и тем самым близится к божеству. Но есть

ли во всем человеческом теле что-либо менее божественное, что-либо более напоминающее связь с человеческой бренностью, чем именно этот пупок?

Июнь, 1881

Ты заплакал…

Ты заплакал о моем горе; и я заплакал из сочувствия к твоей жалости обо мне.

Но ведь и ты заплакал о своем горе; только ты увидал его — во мне.

Июнь, 1881

Любовь

Все говорят: любовь — самое высокое, самое неземное чувство. Чужое *я* внедрилось в твое: ты расширен — и ты нарушен; ты только теперь зажил ‹?› и твое *я* умерщвлено. Но человека с плотью и кровью возмущает даже такая смерть… Воскресают одни бессмертные боги…

Июнь, 1881

Истина и правда

— Почему вы так дорожите бессмертием души? — спросил я.

— Почему? Потому что я буду тогда обладать Истиной вечной, несомненной… А в этом, по моему понятию, и состоит высочайшее блаженство!

— В обладании Истиной?

— Конечно.

— Позвольте; в состоянье ли вы представить себе следующую сцену? Собралось несколько молодых людей, толкуют между собою… И вдруг вбегает один их товарищ: глаза его блестят необычайным блеском, он задыхается от восторга, едва может говорить. «Что такое? Что такое?» — «Друзья мои, послушайте, что я узнал, какую истину! Угол падения равен углу отражения! Или вот еще: между двумя точками самый краткий путь — прямая линия!» — «Неужели! о, какое блаженство!» — кричат все молодые люди, с умилением бросаются друг другу в объятия! Вы не в состоянии себе представить подобную сцену? Вы смеетесь… В том-то и дело: Истина не может доставить блаженства… Вот Правда может. Это человеческое, наше земное дело… Правда и Справедливость! За

Правду и умереть согласен. На знании Истины вся жизнь построена; но как это «обладать ею»? Да еще находить в этом блаженство?

Июнь, 1882

Куропатки

Лежа в постели, томимый продолжительным и безысходным недугом, я подумал: чем я это заслужил? за что наказан я? я, именно я? Это несправедливо, несправедливо!

И пришло мне в голову следующее…

Целая семейка молодых куропаток — штук двадцать — столпилась в густом жнивье. Они жмутся друг к дружке, роются в рыхлой земле, счастливы.

Вдруг их вспугивает собака — они дружно, разом взлетают; раздается выстрел — и одна из куропаток, с подбитым крылом, вся израненная, падает — и, с трудом волоча лапки, забивается в куст полыни.

Пока собака ее ищет, несчастная куропатка, может быть, тоже думает: «Нас было двадцать таких же, <как> я… Почему же именно я, я попалась под выстрел и должна умереть? Почему? Чем я это

заслужила перед остальными моими сестрами? Это несправедливо!»

Лежи, больное существо, пока смерть тебя сыщет.

Июнь, 1882

Nessun maggior dolore[2]

Голубое небо, как пух легкие облака, запах цветов, сладкие звуки молодого голоса, лучезарная красота великих творений искусства, улыбка счастья на прелестном женском лице и эти волшебные глаза… к чему, к чему все это?

Ложка скверного, бесполезного лекарства через каждые два часа — вот, вот что нужно.

Июнь, 1882

Попался под колесо

— Что значат эти стоны?

— Я страдаю, страдаю сильно.

— Слыхал ли ты плеск ручья, когда он толкается о каменья?

---

[2] Примечания: 2
Нет большей скорби (*итал.*).

— Слыхал… но к чему этот вопрос?

— А к тому, что этот плеск и стоны твои — те же звуки, и больше ничего. Только разве вот что: плеск ручья может порадовать иной слух, а стоны твои никого не разжалобят. Ты не удерживай их, но помни: это всё звуки, звуки, как скрып надломленного дерева… звуки — и больше ничего.

Июнь, 1882

У-а… У-а!

Я проживал тогда в Швейцарии… Я был очень молод, очень самолюбив — и очень одинок. Мне жилось тяжело — и невесело. Еще ничего не изведав, я уже скучал, унывал и злился. Все на земле мне казалось ничтожным и пошлым, — и, как это часто случается с очень молодыми людьми, я с тайным злорадством лелеял мысль… о самоубийстве. «Докажу… отомщу…» — думалось мне… Но что доказать? За что мстить? Этого я сам не знал. Во мне просто кровь бродила, как вино в закупоренном сосуде… а мне казалось, что надо дать этому вину вылиться наружу и что пора разбить стесняющий сосуд… Байрон был моим идолом, Манфред моим героем.

Однажды вечером я, как Манфред, решился отправиться туда, на темя гор, превыше ледников, далеко от людей, — туда, где нет даже растительной жизни, где громоздятся одни мертвые скалы, где застывает всякий звук, где не слышен даже рев водопадов!

Что я намерен был там делать… я не знал… Быть может, покончить с собою?!

Я отправился…

Шел я долго, сперва по дороге, потом по тропинке, все выше поднимался… все выше. Я уже давно миновал последние домики, последние деревья… Камни — одни камни кругом, — резким холодом дышит на меня близкий, но уже невидимый снег, — со всех сторон черными клубами надвигаются ночные тени.

Я остановился наконец.

Какая страшная тишина!

Это царство Смерти.

И я здесь один, один живой человек, со всем своим надменным горем, и отчаяньем, и презреньем… Живой, сознательный человек, ушедший от жизни и не желающий жить. Тайный ужас леденил меня — но я воображал себя великим!..

Манфред — да и полно!

— Один! Я один! — повторял я, — один лицом к

лицу со смертью! Уж не пора ли? Да… пора. Прощай, ничтожный мир! Я отталкиваю тебя ногою!

И вдруг в этот самый миг долетел до меня странный, не сразу мною понятый, но живой… человеческий звук… Я вздрогнул, прислушался… звук повторился… Да это… это крик младенца, грудного ребенка!.. В этой пустынной, дикой выси, где всякая жизнь, казалось, давно и навсегда замерла, — крик младенца?!!

Изумление мое внезапно сменилось другим чувством, чувством задыхающейся радости… И я побежал стремглав, не разбирая дороги, прямо на этот крик, на этот слабый, жалкий — и спасительный крик!

Вскоре мелькнул предо мною трепетный огонек. Я побежал еще скорее — и через несколько мгновений увидел низкую хижинку. Сложенные из камней, с придавленными плоскими крышами, такие хижины служат по целым неделям убежищем для альпийских пастухов.

Я толкнул полураскрытую дверь — и так и ворвался в хижину, словно смерть по пятам гналась за мною…

Прикорнув на скамейке, молодая женщина кормила грудью ребенка… пастух, вероятно ее муж, сидел с нею рядом.

Они оба уставились на меня… но я ничего не мог промолвить… я только улыбался и кивал головою…

Байрон, Манфред, мечты о самоубийстве, моя гордость и мое величье, куда вы все делись?..

Младенец продолжал кричать — и я благословлял и его, и мать его, и ее мужа…

О горячий крик человеческой, только что народившейся жизни, ты меня спас, ты меня вылечил!

Ноябрь, 1882

Мои деревья

Я получил письмо от бывшего университетского товарища, богатого помещика, аристократа. Он звал меня к себе в имение.

Я знал, что он давно болен, ослеп, разбит параличом, едва ходит… Я поехал к нему.

Я застал его в одной из аллей его обширного парка. Закутанный в шубе — а дело было летом, — чахлый, скрюченный, с зелеными зонтами над глазами, он сидел в небольшой колясочке, которую сзади толкали два лакея в богатых ливреях…

— Приветствую вас, — промолвил он могиль-

ным голосом, — на *моей* наследственной земле, под сенью *моих* вековых деревьев!

Над его головою шатром раскинулся могучий тысячелетний дуб.

И я подумал: «О тысячелетний исполин, слышишь? Полумертвый червяк, ползающий у корней твоих, называет тебя *своим* деревом!»

Но вот ветерок набежал волною и промчался легким шорохом по сплошной листве исполина… И мне показалось, что старый дуб отвечал добродушным и тихим смехом и на мою думу — и на похвальбу больного.

Ноябрь, 1882

Месяц в деревне
Комедия в пяти действиях

Действующие лица

Аркадий Сергеич Ислаев, богатый помещик, 36 лет.

Наталья Петровна, жена его, 29 лет.

Коля, сын их, 10 лет.

Верочка, воспитанница, 17 лет.

Анна Семеновна Ислаева, мать Ислаева, 58 лет.

Лизавета Богдановна, компаньонка, 37 лет.

Шааф, немец-гувернер, 45 лет.

Михайла Александрович Ракитин, друг дома, 30 лет.

Алексей Николаевич Беляев, студент, учитель Коли, 21 год.

Афанасий Иванович Большинцов, сосед, 48 лет.

Игнатий Ильич Шпигельский, доктор, 40 лет.

Матвей, слуга, 40 лет.

Катя, служанка, 20 лет.

Действие происходит в имении Ислаева в начале сороковых годов. Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 действиями проходит по дню.

Действие первое

Театр представляет гостиную. Направо карточный стол и дверь в кабинет, прямо дверь в залу, налево два окна и круглый стол. По углам диваны. За карточным столом Анна Семеновна, Лизавета Богдановна и Шааф играют в преферанс; у круглого стола сидят Наталья Петровна и Ракитин. Наталья Петровна вышивает по канве, у Ракитина в руках книга. Стенные часы показывают три часа.

Шааф. Ф червёх.

Анна Семеновна. Опять? Да ты нас, батюшка, эдак совсем заиграешь.

Шааф (*флегматически*). Фоземь ф червёх.

Анна Семеновна (*Лизавете Богдановне*). Каков! С ним играть нельзя. (*Лизавета Богдановна улыбается.*)

Наталья Петровна (*Ракитину*). Что ж вы перестали? Читайте.

Ракитин (*медленно поднимая книгу*). «Monte-Cristo se redressa haletant…»[3]. Наталья Петровна,

---

[3] Примечания: 3

«Монте-Кристо вскочил, прерывисто дыша…» (*фр.*)

вас это занимает?

Наталья Петровна. Нисколько.

Ракитин. Для чего же мы читаем?

Наталья Петровна. А вот для чего. На днях мне одна дама говорила: «Вы не читали Монте-Кристо? Ах, прочтите — это прелесть». Я ничего ей не отвечала тогда, а теперь могу ей сказать, что читала и никакой прелести не нашла.

Ракитин. Ну да, если вы теперь уже успели убедиться…

Наталья Петровна. Ах, какой вы ленивый!

Ракитин. Я готов, помилуйте… (*Отыскав место, где остановился.*) Se redressa haletant, et…[4]

Наталья Петровна (*сама перебивая его*). Видели вы Аркадия сегодня?

Ракитин. Я с ним встретился на плотине… Ее у вас чинят. Он объяснял что-то рабочим и для большей ясности вошел в песок по колена.

Наталья Петровна. Он за все принимается со слишком большим жаром… слишком старается. Это недостаток. Как вы думаете?

Ракитин. Я с вами согласен.

Наталья Петровна. Как это скучно!.. Вы всегда со мною согласны. Читайте.

---

[4] Примечания: 4
Вскочил, прерывисто дыша, и… (*фр.*)

Ракитин. А! стало быть, вы хотите, чтобы я с вами спорил… Извольте.

Наталья Петровна. Я хочу… Я хочу!.. Я хочу, чтоб вы хотели… Читайте, говорят вам.

Ракитин. Слушаю-с. (*Опять принимается за книгу*.)

Шааф. Ф червёх.

Анна Семеновна. Как? Опять? Это нестерпимо! (*Наталье Петровне*.) Наташа… Наташа…

Наталья Петровна. Что?

Анна Семеновна. Вообрази себе, Шааф нас совсем заиграл… То и дело семь, восемь в червях.

Шааф. И деберь зем.

Анна Семеновна. Слышишь? Это ужасно.

Наталья Петровна. Да… ужасно.

Анна Семеновна. Так вист же! (*Наталье Петровне*.) А где Коля?

Наталья Петровна. Он ушел гулять с новым учителем.

Анна Семеновна. А! Лизавета Богдановна, я вас приглашаю.

Ракитин (*Наталье Петровне*). С каким учителем?

Наталья Петровна. Ах да! Я вам и забыла сказать… мы без вас нового учителя наняли.

Ракитин. На место Дюфура?

Наталья Петровна. Нет… Русского учителя. Француза нам княгиня из Москвы пришлет.

Ракитин. Что он за человек, этот русский? старый?

Наталья Петровна. Нет, молодой… Мы его, впрочем, только на летние месяцы взяли.

Ракитин. А! на кондицию.

Наталья Петровна. Да, это у них, кажется, так называется. И знаете ли что, Ракитин? Вы вот любите наблюдать людей, разбирать их, копаться в них…

Ракитин. Помилуйте, с чего вы…

Наталья Петровна. Ну да, да… Обратите-ка на него ваше внимание. Мне он нравится. Худой, стройный, веселый взгляд, смелое выражение… Вы увидите. Он, правда, довольно неловок… а для вас это беда.

Ракитин. Наталья Петровна, вы меня сегодня ужасно преследуете.

Наталья Петровна. Кроме шуток, обратите на него внимание. Мне кажется, из него может выйти человек славный. А впрочем, бог знает!

Ракитин. Вы возбуждаете мое любопытство…

Наталья Петровна. В самом деле? (*Задумчиво.*) Читайте.

Ракитин. Se redressa haletant, et…

Наталья Петровна (*вдруг оглядываясь*). А где Вера? Я ее с утра не видала. (*С улыбкой Ракитину.*) Бросьте эту книгу… Я вижу, нам сегодня читать не удастся… Расскажите мне лучше что-нибудь…

Ракитин. Извольте… Что ж мне вам рассказать?.. Вы знаете, я несколько дней провел у Криницыных… Вообразите, наши молодые уже скучают.

Наталья Петровна. Почему вы это могли заметить?

Ракитин. Да разве скуку можно скрыть? Все другое можно… но скуку нет.

Наталья Петровна (*поглядев на него*). А другое все можно?

Ракитин (*помолчав немного*). Я думаю.

Наталья Петровна (*опустив глаза*). Так что ж вы делали у Криницыных?

Ракитин. Ничего. Скучать с друзьями — ужасная вещь: вам ловко, вы не стеснены, вы их любите, злиться вам не на что, а скука вас все-таки томит, и сердце глупо ноет, словно голодное.

Наталья Петровна. Вам, должно быть, часто с друзьями скучно бывает.

Ракитин. Как будто и вы не знаете, что значит присутствие человека, которого любишь и который надоедает!

Наталья Петровна (*медленно*). Которого любишь… это великое слово. Вы что-то мудрено говорите.

Ракитин. Мудрено… почему же мудрено?

Наталья Петровна. Да, это ваш недостаток. Знаете ли что, Ракитин: вы, конечно, очень умны, но… (*останавливаясь*), иногда мы с вами разговариваем точно кружево плетем… А вы видали, как кружево плетут? В душных комнатах, не двигаясь с места… Кружево — прекрасная вещь, но глоток свежей воды в жаркий день гораздо лучше.

Ракитин. Наталья Петровна, вы сегодня…

Наталья Петровна. Что?

Ракитин. Вы сегодня на меня за что-то сердитесь.

Наталья Петровна. О, тонкие люди, как вы мало проницательны, хотя и тонки!.. Нет, я на вас не сержусь.

Анна Семеновна. А! Наконец обремизился! Попался! (*Наталье Петровне.*) Наташа, злодей наш поставил ремиз.

Шааф (*кисло*). Лисафет Богдановне финоват…

Лизавета Богдановна (*с сердцем*). Извините-с, я не могла знать, что у Анны Семеновны не было червей.

Шааф. Фперет я Лисафет Богдановне не при-

клашаю.

Анна Семеновна (*Шаафу*). Да чем же она виновата?

Шааф (*повторяет точно тем же голосом*). Фперет я Лисафет Богдановне не приклашаю.

Лизавета Богдановна. А мне что! Вот еще!..

Ракитин. Чем более я на вас гляжу, Наталья Петровна, тем более я не узнаю вашего лица сегодня.

Наталья Петровна (*с некоторым любопытством*). В самом деле?

Ракитин. Право. Я нахожу в вас какую-то перемену.

Наталья Петровна. Да?.. В таком случае сделайте одолженье… Вы ведь меня знаете — угадайте, в чем состоит эта перемена, что во мне такое произошло — а?

Ракитин. А вот погодите… (*Коля вдруг с шумом вбегает из залы прямо к Анне Семеновне.*)

Коля. Бабушка, бабушка! Посмотри-ка, что у меня! (*Показывает ей лук и стрелы.*) Посмотри-ка!

Анна Семеновна. Покажи, душа моя… Ах, какой славный лук! Кто тебе его сделал?

Коля. Вот он… он… (*Указывает на Беляева, который остановился у двери залы.*)

Анна Семеновна. А! Да как он хорошо сделан…

Коля. Я уже стрелял из него в дерево, бабушка, и попал два раза… (*Прыгает.*)

Наталья Петровна. Покажи, Коля.

Коля (*бежит к ней и пока Наталья Петровна рассматривает лук*). Ах, maman! как Алексей Николаич на деревья лазит! Он меня хочет выучить, и плавать тоже он меня выучит. Он меня всему, всему выучит! (*Прыгает.*)

Наталья Петровна (*Беляеву*). Я вам очень благодарна за ваше внимание к Коле…

Коля (*с жаром ее перебивая*). Я его очень люблю, maman, очень!

Наталья Петровна (*гладя Колю по голове*). Он у меня немножко изнежен… Сделайте мне из него ловкого и проворного мальчика. (*Беляев кланяется.*)

Коля. Алексей Николаич, пойдемте в конюшню, отнесем Фавориту хлеба.

Беляев. Пойдемте.

Анна Семеновна (*Коле*). Поди сюда, поцелуй меня сперва…

Коля (*убегая*). После, бабушка, после! (*Убегает в залу; Беляев уходит за ним.*)

Анна Семеновна (*глядя вслед Коле*). Что за милый ребенок! (*К Шаафу и Лизавете Богдановне.*) Не правда ли?

Лизавета Богдановна. Как же-с.

Шааф (*помолчав немного*). Я пасс.

Наталья Петровна (*с некоторой живостью Ракитину*). Ну как он вам показался?

Ракитин. Кто?

Наталья Петровна (*помолчав*). Этот… русский учитель.

Ракитин. Ах, извините — я и забыл… Я так был занят вопросом, который вы мне задали… (*Наталья Петровна глядит на него с едва заметной усмешкой.*) Впрочем, его лицо… действительно… Да; у него хорошее лицо. Он мне нравится. Только, кажется, он очень застенчив.

Наталья Петровна. Да.

Ракитин (*глядя на нее*). Но все-таки я не могу себе дать отчета…

Наталья Петровна. Что бы нам с вами позаняться им, Ракитин? Хотите? Окончимте его воспитание. Вот превосходный случай для степенных, рассудительных людей, каковы мы с вами! Ведь мы очень рассудительны, не правда ли?

Ракитин. Этот молодой человек вас занимает. Если б он это знал… его бы это польстило.

Наталья Петровна. О, поверьте, нисколько! О нем нельзя судить по тому, что… наш брат сделал

бы на его месте. Ведь он нисколько на нас не похож, Ракитин. В том-то и беда, друг мой: мы самих себя изучаем с большим прилежанием и воображаем потом, что знаем людей.

Ракитин. Чужая душа — темный лес. Но к чему эти намеки… За что вы меня то и дело колете?

Наталья Петровна. Кого же колоть, коли не друзей… А вы мой друг… Вы это знаете. (*Жмет ему руку. Ракитин улыбается и светлеет.*) Вы мой старый друг.

Ракитин. Боюсь я только… как бы этот старый друг вам не приелся…

Наталья Петровна (*смеясь*). Одни хорошие вещи приедаются.

Ракитин. Может быть… Только от этого им не легче.

Наталья Петровна. Полноте… (*Понизив голос.*) Как будто вы не знаете… ce que vous êtes pour moi[5].

Ракитин. Наталья Петровна, вы играете со мной, как кошка с мышью… Но мышь не жалуется.

Наталья Петровна. О, бедный мышонок!

Анна Семеновна. Двадцать с вас, Адам Ива-

---

[5] Примечания: 5
Что вы для меня (*фр.*).

ныч… Ага!

Шааф. Я фперет Лисафет Богдановне не приклашаю.

Матвей (*входит из залы и докладывает*). Игнатий Ильич приехали-с.

Шпигельский (*входя по его следам*). Об докторах не докладывают. (*Матвей уходит.*) Нижайшее мое почтенье всему семейству. (*Подходит к Анне Семеновне к ручке.*) Здравствуйте, барыня. Чай, в выигрыше?

Анна Семеновна. Какое в выигрыше! Насилу отыгралась… И то слава богу! Все вот этот злодей. (*Указывая на Шаафа.*)

Шпигельский (*Шаафу*). Адам Иваныч, с дамами-то! это нехорошо… Я вас не узнаю.

Шааф (*ворча сквозь зубы*). З-дамами, з-дамами…

Шпигельский (*подходит к круглому столу налево*). Здравствуйте, Наталья Петровна! Здравствуйте, Михайло Александрыч!

Наталья Петровна. Здравствуйте, доктор. Как вы поживаете?

Шпигельский. Мне этот вопрос очень нравится… Значит, вы здоровы. Что со мною делается? Порядочный доктор никогда болен не бывает; разве вдруг возьмет да умрет… Ха-ха.

Наталья Петровна. Сядьте. Я здорова, точно…

но я не в духе… А ведь это тоже нездоровье.

Шпигельский (*садясь подле Натальи Петровны*). А позвольте-ка ваш пульс… (*Щупает у ней пульс.*) Ох, уж эти мне нервы, нервы… Вы мало гуляете, Наталья Петровна… мало смеетесь… вот что… Михайло Александрыч, что вы смотрите? А впрочем, можно белые капли прописать.

Наталья Петровна. Я не прочь смеяться… (*С живостью.*) Да вот вы, доктор… у вас злой язык, я вас за это очень люблю и уважаю, право… расскажите мне что-нибудь смешное. Михайло Александрыч сегодня все философствует.

Шпигельский (*украдкою поглядывая на Ракитина*). А, видно, не одни нервы страдают, и желчь тоже немножко расходилась…

Наталья Петровна. Ну и вы туда же! Наблюдайте сколько хотите, доктор, да только не вслух. Мы все знаем, что вы ужасно проницательны… Вы оба очень проницательны.

Шпигельский. Слушаю-с.

Наталья Петровна. Расскажите нам что-нибудь смешное.

Шпигельский. Слушаю-с. Вот не думал, не гадал — цап-царап, рассказывай… Позвольте табачку понюхать. (*Нюхает.*)

Наталья Петровна. Какие приготовленья!

Шпигельский. Да ведь, матушка моя, Наталья Петровна, вы извольте сообразить: смешное смешному розь. Что для кого. Соседу вашему, например, господину Хлопушкину, стоит только эдак палец показать, уж он и залился, и хрипит, и плачет… а ведь вы… Ну, однако, позвольте. Знаете ли вы Вереницына, Платона Васильевича?

Наталья Петровна. Кажется, знаю или слыхала.

Шпигельский. У него еще сестра сумасшедшая. По-моему, они либо оба сумасшедшие, либо оба в здравом смысле; потому что между братом и сестрой решительно нет никакой разницы, но дело не в том. Судьба-с, везде судьба-с, и во всем судьба-с. У Вереницына дочь, зелененькая, знаете, такая, глазки бледненькие, носик красненький, зубки желтенькие, ну, словом, очень любезная девица; на фортепианах играет и сюсюкает тоже, стало быть, все в порядке. За ней двести душ да теткиных полтораста. Тетка-то еще жива и долго проживет, сумасшедшие все долго живут, да ведь всякому горю пособить можно. Подписала же она духовную в пользу племянницы, а накануне я ей собственноручно на голову холодную воду лил — и совершенно, впрочем, напрасно лил, потому что вылечить ее нет никакой возможности. Ну стало быть, у Вереницына

дочь, невеста не из последних. Начал он ее вывозить, стали женихи появляться, между прочими некто Перекузов, худосочный молодой человек, робкий, но с отличными правилами. Вот-с, понравился наш Перекузов отцу; понравился и дочери… Кажись, за чем бы дело стало? С Богом, под венец! И действительно, все шло прекрасно: господин Вереницын, Платон Васильич, уже начинал господина Перекузова по желудку эдак, знаете, хлопать и по плечу трепать, как вдруг откуда ни возьмись заезжий офицер, Ардалион Протобекасов! На бале у предводителя увидал Вереницынову дочь, протанцевал с ней три польки, сказал ей, должно быть, эдак закативши глаза: «О, как я несчастлив!» — барышня моя так разом и свихнулась. Слезы пошли, вздохи, охи… На Перекузова не глядят, с Перекузовым не говорят, от одного слова «свадьба» корчи делаются… Фу ты, господи боже мой, что за притча! Ну, думает Вереницын, коли Протобекасова, так Протобекасова. Благо же он человек тоже с состояньем. Приглашают Протобекасова, дескать, сделайте честь… Протобекасов делает честь; Протобекасов приезжает, волочится, влюбляется, наконец, предлагает руку и сердце. Что ж вы думаете? Девица Вереницына тотчас с радостью соглаша-

ется? Как бы не так! Сохрани бог! Опять слезы, вздохи, припадки. Отец приходит в тупик. Что же наконец? Чего надобно? А она, что вы думаете, ему отвечает? Я, дескать, батюшка, не знаю, кого люблю, того или этого. «Как?» — ей-богу, не знаю, и уж лучше ни за кого не выйду, а люблю! С Вереницыным, разумеется, тотчас холера, женихи тоже не знают, что ж такое наконец? А она все на своем. Вот-с, извольте рассудить, какие чудеса у нас происходят!

Наталья Петровна. Я в этом ничего удивительного не нахожу… Как будто нельзя двух людей разом любить?

Ракитин. А! Вы думаете…

Наталья Петровна (*медленно*). Я думаю… а впрочем, не знаю… может быть, это доказывает только то, что ни того ни другого не любишь.

Шпигельский (*нюхая табак и посматривая то на Наталью Петровну, то на Ракитина*). Вот как-с, вот как-с…

Наталья Петровна (*с живостью Шпигельскому*). Ваш рассказ очень хорош, но вы все-таки меня не рассмешили

Шпигельский. Да, барыня вы моя, кто вас рассмешит теперь, помилуйте? Вам теперь не того нужно.

Наталья Петровна. Чего же мне нужно?

Шпигельский (*с притворно-смиренным видом*). А господь ведает!

Наталья Петровна. Ах, какой вы скучный, не лучше Ракитина.

Шпигельский. Много чести, помилуйте… (*Наталья Петровна делает нетерпеливое движение.*)

Анна Семеновна (*поднимаясь с места*). Ну наконец. (*Вздыхает.*) Ноги себе отсидела совсем. (*Лизавета Богдановна и Шааф тоже встают.*) О-ох.

Наталья Петровна (*встает и идет к ним*). Охота же вам так долго сидеть… (*Шпигельский и Ракитин встают.*)

Анна Семеновна (*Шаафу*). За тобою семь гривен, батюшка. (*Шааф сухо кланяется.*) Не все тебе нас наказывать. (*Наталье Петровне.*) Ты сегодня как будто бледна, Наташа. Здорова ты?.. Шпигельский, здорова она?

Шпигельский (*который о чем-то перешептывался с Ракитиным*). О, совершенно!

Анна Семеновна. То-то же… А я пойду немножко отдохнуть перед обедом… Устала, смерть. Лиза, пойдем… ох, ноги, ноги… (*Идет с Лизаветой Богдановной в залу. Наталья Петровна провожает*

ее до дверей. Шпигельский, Ракитин и Шааф остаются на авансцене.)

Шпигельский (*Шаафу, подавая ему табакерку*). Ну, Адам Иваныч, ви бефинден зи зих?[6]

Шааф (*нюхая с важностью*). Карашо. А фи как?

Шпигельский. Покорно благодарю, помаленьку. (*Ракитину вполголоса.*) Так вы точно не знаете, что с Натальей Петровной сегодня?

Ракитин. Право, не знаю.

Шпигельский. Ну коли вы не знаете… (*Оборачивается и идет навстречу Наталье Петровне, которая возвращается от двери.*) А у меня есть до вас дельце, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*идя к окну*). Неужели? Какое?

Шпигельский. Мне нужно с вами поговорить наедине…

Наталья Петровна. Вот как… вы меня пугаете. (*Ракитин между тем взял Шаафа под руку, ходит с ним взад и вперед и шепчет ему что-то по-немецки. Шааф смеется и говорит вполголоса: «Ja, ja, ja, jawohl, jawohl, sehr gut»* [7].)

Шпигельский (*понизив голос*). Это дело, соб-

---

[6] Примечания: 6
Как поживаете? (*нем.*)

[7] Примечания: 7
Да, да, да, конечно, конечно, очень хорошо (*нем.*).

ственно, не до вас одних касается…

Наталья Петровна (*глядя в сад*). Что вы хотите сказать?

Шпигельский. Вот в чем дело-с. Один хороший знакомый меня просил узнать… то есть… ваши намерения насчет вашей воспитанницы… Веры Александровны.

Наталья Петровна. Мои намерения?

Шпигельский. То есть… говоря без обиняков, мой знакомый…

Наталья Петровна. Уж не сватается ли за нее?

Шпигельский. Точно так-с.

Наталья Петровна. Вы шутите?

Шпигельский. Никак нет-с.

Наталья Петровна (*смеясь*). Да помилуйте, она еще ребенок; какое странное поручение!

Шпигельский. Чем же странное, Наталья Петровна? мой знакомый…

Наталья Петровна. Вы большой делец, Шпигельский. А кто такой ваш знакомый?

Шпигельский (*улыбаясь*). Позвольте, позвольте. Вы мне еще ничего не сказали положительного насчет…

Наталья Петровна. Полноте, доктор. Вера еще дитя. Вы сами это знаете, господин дипломат. (*Оборачиваясь.*) Да вот, кстати, и она. (*Из залы*

вбегают Вера и Коля.)

Коля (*бежит к Ракитину*). Ракитин, вели нам клею дать, клею…

Наталья Петровна (*к Вере*). Откуда вы? (*Гладит ее по щеке.*) Как ты раскраснелась…

Вера. Из саду… (*Шпигельский ей кланяется.*) Здравствуйте, Игнатий Ильич.

Ракитин (*Коле*). На что тебе клею?

Коля. Нужно, нужно… Алексей Николаич нам змея делает… Прикажи…

Ракитин (*хочет позвонить*). Постой, сейчас…

Шааф. Erlauben Sie…[8] Каспадин Колия сифодне сфой лекцион не брочидал… (*Берет Колю за руку.*) Kommen Sie[9].

Коля (*печально*). Morgen, Herr Schaaf, morgen…[10]

Шааф (*резко*). Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule Leute… Kommen Sie…[11] (*Коля упирается.*)

---

[8] Примечания: 8
Позвольте (*нем.*).

[9] Примечания: 9
Идемте (*нем.*).

[10] Примечания: 10
Завтра, господин Шааф, завтра (*нем.*).

[11] Примечания: 11
Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят… Идемте (*нем.*).

Наталья Петровна (*Вере*). С кем это ты так долго гуляла? Я тебя не видала с утра.

Вера. С Алексеем Николаичем… с Колей…

Наталья Петровна. А! (*Оборачиваясь.*) Коля, что это значит?

Коля (*понизив голос*). Господин Шааф… Мама-ша…

Ракитин (*Наталье Петровне*). Они там змея делают, а здесь вот ему урок хотят задать.

Шааф (*с чувством достоинства*). Gnädige Frau…[12]

Наталья Петровна (*строго Коле*). Извольте слушаться, довольно вы сегодня бегали… Ступайте с господином Шааф.

Шааф (*уводя Колю в залу*). Es ist unerhört![13]

Коля (*уходя, шепотом Ракитину*). А ты все-таки клей прикажи… (*Ракитин кивает.*)

Шааф (*дергая Колю*). Kommen Sie, mein Herr…[14] (*Уходит с ним в залу. Ракитин уходит вслед за ними.*)

Наталья Петровна (*Вере*). Сядь… ты, должно

---

[12] Примечания: 12
Сударыня (*нем.*).

[13] Примечания: 13
Это неслыханно! (*нем.*)

[14] Примечания: 14
Идемте, сударь… (*нем.*)

быть, устала… (*Садится сама.*)

Вера (*садясь*). Никак нет-с.

Наталья Петровна (*с улыбкой Шпигельскому*). Шпигельский, посмотрите на нее, ведь она устала?

Шпигельский. Да ведь это Вере Александровне здорово.

Наталья Петровна. Я не говорю… (*Вере.*) Ну, что вы в саду делали?

Вера. Играли-с; бегали-с. Сперва мы смотрели, как плотину копают, а потом Алексей Николаич за белкой на дерево полез, высоко-высоко, и начал верхушку качать… Нам всем даже страшно стало… Белка наконец упала, и Трезор чуть-чуть ее не поймал… Однако она ушла.

Наталья Петровна (*с улыбкой взглянув на Шпигельского*). А потом?

Вера. А потом Алексей Николаич Коле лук сделал… да так скоро… а потом он к нашей корове на лугу подкрался и вдруг ей на спину вскочил… корова испугалась и побежала, забрыкала… а он смеется (*смеется сама*), а потом Алексей Николаич хотел нам змея сделать, вот мы и пришли сюда.

Наталья Петровна (*треплет ее по щеке*). Дитя, дитя, совершенное ты дитя… а? как вы думаете,

Шпигельский?

Шпигельский (*медленно и глядя на Наталью Петровну*). Я с вами согласен.

Наталья Петровна. То-то же.

Шпигельский. Да ведь это ничему не мешает… Напротив…

Наталья Петровна. Вы думаете? (*Вере*.) Ну, и очень вы веселились?

Вера. Да-с… Алексей Николаич такой забавный.

Наталья Петровна. Вот как. (*Помолчав немного*.) Верочка, а сколько тебе лет? (*Вера с некоторым изумлением глядит на нее*.) Дитя… дитя… (*Ракитин входит из залы*.)

Шпигельский (*хлопотливо*). Ах, я и забыл… у вас кучер болен… а я его еще не видал…

Наталья Петровна. Что у него?

Шпигельский. Горячка; впрочем, опасности нет никакой.

Наталья Петровна (*ему вслед*). Вы у нас обедаете, доктор?

Шпигельский. Если позволите. (*Уходит в залу*.)

Наталья Петровна. Mon enfant, vous feriez bien de mettre une autre robe pour le diner…[15] (*Вера*

---

[15] Примечания: 15

Дитя мое, вы бы надели другое платье к обеду (*фр*.).

встает.) Подойди ко мне. (*Целует ее в лоб*.) Дитя, дитя! (*Вера целует у ней руку и идет в кабинет*.)

Ракитин (*тихонько Вере, мигая глазом*). А я Алексею Николаичу послал все, что нужно.

Вера (*вполголоса*). Благодарствуйте, Михайло Александрыч. (*Уходит*.)

Ракитин (*подходит к Наталье Петровне. Она ему протягивает руку. Он тотчас ее пожимает*). Наконец мы одни… Наталья Петровна, скажите мне, что с вами?

Наталья Петровна. Ничего, Michel, ничего. И если что было, теперь все прошло. Сядьте. (*Ракитин садится подле нее*.) С кем этого не случается? Ходят же по небу тучки. Что вы на меня так глядите?

Ракитин. Я гляжу на вас… Я счастлив.

Наталья Петровна (*улыбается ему в ответ*). Откройте окно, Michel. Как хорошо в саду! (*Ракитин встает и открывает окно*.) Здравствуй, ветер. (*Смеется*.) Он словно ждал случая ворваться. (*Оглядываясь*.) Как он завладел всей комнатой… Теперь его не выгонишь…

Ракитин. Вы сами теперь мягки и тихи, как вечер после грозы.

Наталья Петровна (*задумчиво повторяя последние слова*). После грозы… Да разве была гроза?

Ракитин (*качая головой*). Собиралась.

Наталья Петровна. В самом деле? (*Глядя на него, после небольшого молчания.*) А знаете ли что, Мишель, я не могу вообразить себе человека добрее вас. Право. (*Ракитин хочет ее остановить.*) Нет, не мешайте мне высказаться. Вы снисходительны, ласковы, постоянны. Вы не изменяетесь. Я вам многим обязана.

Ракитин. Наталья Петровна, зачем вы мне это говорите именно теперь?

Наталья Петровна. Не знаю; мне весело, я отдыхаю; не запрещайте мне болтать…

Ракитин (*жмет ей руку*). Вы добры, как ангел.

Наталья Петровна (*смеясь*). Сегодня поутру вы бы этого не сказали… Но послушайте, Michel, вы меня знаете, вы должны меня извинить. Наши отношения так чисты, так искренни… и все-таки не совсем естественны. Мы с вами имеем право не только Аркадию, но всем прямо в глаза глядеть… Да; но… (*Задумывается.*) Вот оттого-то мне иногда и тяжело бывает, и неловко, я злюсь, я готова, как дитя, выместить свою досаду на другом, особенно на вас… Вас это предпочтение не сердит?

Ракитин (*с живостью*). Напротив…

Наталья Петровна. Да, иногда весело помучить кого любишь… кого любишь… Ведь я, как Татья-

на, тоже могу сказать: «К чему лукавить?»

Ракитин. Наталья Петровна, вы…

Наталья Петровна (*перебивая его*). Да… я вас люблю; но знаете ли что, Ракитин? Знаете ли, что мне иногда странным кажется: я вас люблю… и это чувство так ясно, так мирно. Оно меня не волнует… я им согрета, но… (*С живостью.*) Вы никогда не заставили меня плакать… а я бы, кажется, должна была… (*Перерываясь.*) Что это значит?

Ракитин (*несколько печально*). Такой вопрос не требует ответа.

Наталья Петровна (*задумчиво*). А ведь мы давно с вами знакомы.

Ракитин. Четыре года. Да, мы старые друзья.

Наталья Петровна. Друзья… Нет, вы мне более, чем друг…

Ракитин. Наталья Петровна, не касайтесь до этого вопроса… Я боюсь за мое счастье, как бы оно не исчезло у вас под руками.

Наталья Петровна. Нет… нет… нет. Все дело в том, что вы слишком добры… Вы мне слишком потакаете… Вы меня избаловали… Вы слишком добры, слышите?

Ракитин (*с улыбкою*). Слушаю-с.

Наталья Петровна (*глядя на него*). Я не знаю,

как вы… Я не желаю другого счастья… Многие могут мне позавидовать. (*Протягивая ему обе руки.*) Не правда ли?

Ракитин. Я в вашей власти… делайте из меня, что хотите… (*В зале раздается голос Ислаева: «Так вы послали за ним?»*)

Наталья Петровна (*быстро приподнимаясь*). Он! Я не могу теперь его видеть… Прощайте! (*Уходит в кабинет.*)

Ракитин (*глядя ей вслед*). Что это такое? Начало конца или просто конец? (*Помолчав немного.*) Или начало? (*Входит Ислаев с озабоченным видом и снимает шляпу.*)

Ислаев. Здравствуй, Michel.

Ракитин. Мы уже виделись сегодня.

Ислаев. А! Извини… Я совершенно захлопотался. (*Ходит по комнате.*) Странное дело! Русский мужик очень смышлен, очень понятлив, я уважаю русского мужика… а между тем иногда говоришь ему, говоришь, толкуешь, толкуешь… Ясно, кажется, а пользы никакой. У русского мужика нет этого… этого…

Ракитин. Да ты все еще над плотиной хлопочешь?

Ислаев. Этого… так сказать… этой любви к работе нету… именно любви нет. Он тебе мненья

твоего хорошо высказать не даст. «Слушаю, батюшка…» А какое: слушаю — просто ничего не понял. Посмотри-ка на немца — то ли дело! Терпенья у русского нет. Со всем тем, я его уважаю… А где Наташа? Не знаешь?

Ракитин. Она сейчас здесь была.

Ислаев. Да который час? Пора бы обедать. С утра на ногах — дела пропасть… А еще сегодня на постройке не был. Время так вот и уходит. Беда! — просто никуда не поспеваешь! (*Ракитин улыбается.*) Ты, я вижу, смеешься надо мной… Да что ж, брат, делать? Кому что. Я человек положительный, рожден быть хозяином — и больше ничем. Было время — я о другом мечтал; да осекся, брат! Пальцы себе обжег — во как! Что это Беляев не идет?

Ракитин. Кто такое Беляев?

Ислаев. А новый наш учитель, русский. Дичок еще порядочный; ну, да привыкнет. Малый неглупый. Я его попросил сегодня посмотреть, что постройка… (*Входит Беляев.*) А, да вот и он! Ну что? Как там? Ничего не делают небось? А?

Беляев. Нет-с; работают.

Ислаев. Второй сруб кончили?

Беляев. Начали третий.

Ислаев. А насчет венцов — вы сказали?

Беляев. Сказал.

Ислаев. Ну — а они что?

Беляев. Они говорят, что иначе они и не делали никогда.

Ислаев. Гм. Ермил-плотник там?

Беляев. Там.

Ислаев. А!.. Ну, благодарствуйте! (*Входит Наталья.*) А! Наташа! Здравствуй!

Ракитин. Что ты это сегодня со всеми двадцать раз здороваешься?

Ислаев. Говорят тебе, захлопотался. Ах, кстати! Я тебе не показывал новую мою веялку? Пойдем, пожалуйста; это любопытно. Вообрази — ураган из нее, просто ураган. До обеда еще успеем… Хочешь?

Ракитин. Изволь.

Ислаев. А ты, Наташа, не идешь с нами?

Наталья Петровна. Будто я понимаю что в ваших веялках! Ступайте вы одни — да смотрите не замешкайтесь.

Ислаев (*уходя с Ракитиным*). Мы сейчас… (*Беляев собирается за ними идти.*)

Наталья Петровна (*Беляеву*). Куда же вы, Алексей Николаич?

Беляев. Я-с… я…

Наталья Петровна. Впрочем, если вы хотите

гулять…

Беляев. Нет-с, я целое утро был на воздухе!

Наталья Петровна. А! ну в таком случае сядьте… Сядьте здесь. (*Указывая на стул.*) Мы с вами еще не поговорили как следует, Алексей Николаич. Мы еще не познакомились. (*Беляев кланяется и садится.*) А я желаю с вами познакомиться.

Беляев. Я-с… мне очень лестно.

Наталья Петровна (*с улыбкой*). Вы меня теперь боитесь, я это вижу… но погодите, вы меня узнаете, вы перестанете меня бояться. Скажите… Скажите, сколько вам лет?

Беляев. Двадцать один год-с.

Наталья Петровна. Ваши родители живы?

Беляев. Мать моя умерла. Отец жив.

Наталья Петровна. И давно ваша матушка скончалась?

Беляев. Давно-с.

Наталья Петровна. Но вы ее помните?

Беляев. Как же… помню-с.

Наталья Петровна. А батюшка ваш в Москве живет?

Беляев. Никак нет-с, в деревне.

Наталья Петровна. А! что, у вас есть братья… сестры?

Беляев. Одна сестра.

Наталья Петровна. Вы ее очень любите?

Беляев. Люблю-с. Она гораздо моложе меня.

Наталья Петровна. А как ее зовут?

Беляев. Натальей.

Наталья Петровна (*с живостью*). Натальей? Это странно. И меня также Натальей зовут… (*Останавливается.*) И вы очень ее любите?

Беляев. Да-с.

Наталья Петровна. Скажите, как вы находите моего Колю?

Беляев. Он очень милый мальчик.

Наталья Петровна. Не правда ли? И такой любящий! Он уже успел привязаться к вам.

Беляев. Я готов стараться… Я рад…

Наталья Петровна. Вот, видите ли, Алексей Николаич, конечно, я бы желала сделать из него дельного человека. Я не знаю, удастся ли это мне, но во всяком случае я хочу, чтобы он всегда с удовольствием вспоминал о времени своего детства. Пусть он растет себе на воле — это главное. Я сама была иначе воспитана, Алексей Николаич; мой отец был человек не злой, но раздражительный и строгий… все в доме, начиная с маменьки, его боялись. Мы с братом, бывало, всякий раз украдкой крестились, когда нас звали к нему. Иногда мой отец принимался меня ласкать, но даже в

его объятиях я, помнится, вся замирала. Брат мой вырос, и вы, может быть, слыхали об его разрыве с отцом… Я никогда не забуду этого страшного дня… Я до самой кончины батюшки осталась покорною дочерью… он называл меня своим утешеньем, своей Антигоной… (он ослеп в последние годы своей жизни); но самые его нежные ласки не могли изгладить во мне первые впечатления моей молодости… Я боялась его, слепого старика, и никогда в его присутствии не чувствовала себя свободной… Следы этой робости, этого долгого принужденья, может быть, до сих пор не исчезли совершенно… я знаю, я с первого взгляда кажусь… как это сказать?.. холодной, что ли… Но я замечаю, что я рассказываю вам о самой себе, вместо того чтобы говорить вам о Коле. Я только хотела сказать, что я по собственному опыту знаю, как хорошо ребенку расти на воле… Вот вас, я думаю, в детстве не стесняли, не правда ли?

Беляев. Как вам сказать-с… Меня, конечно, никто не стеснял… мной никто не занимался.

Наталья Петровна (*робко*). А ваш батюшка разве…

Беляев. Ему было не до того-с. Он все больше по соседям ездил… по делам-с… Или хотя и не по делам, а… Он через них, можно сказать, хлеб свой

добывал. Через свои услуги.

Наталья Петровна. А! И так-таки никто не занимался вашим воспитанием?

Беляев. По правде сказать, никто. Впрочем, оно, должно быть, заметно. Я слишком хорошо чувствую свои недостатки.

Наталья Петровна. Может быть… но зато… (*Останавливается и продолжает с некоторым смущением.*) Ах, кстати, Алексей Николаич, это вы вчера в саду пели?

Беляев. Когда-с?

Наталья Петровна. Вечером, возле пруда, вы?

Беляев. Я-с. (*Поспешно.*) Я не думал… пруд отсюда так далеко… Я не думал, чтобы здесь можно было слышать…

Наталья Петровна. Да вы как будто извиняетесь? У вас очень приятный, звонкий голос, и вы так хорошо поете. Вы учились музыке?

Беляев Никак нет-с. Я понаслышке пою-с… одни простые песни.

Наталья Петровна. Вы их прекрасно поете… Я вас когда-нибудь попрошу… не теперь, а вот когда мы с вами больше познакомимся, когда мы сблизимся с вами… ведь, не правда ли, Алексей Николаич, мы с вами сблизимся? Я чувствую к вам доверие, моя болтовня вам это может до-

казать… (*Она протягивает ему руку для того, чтобы он ее пожал. Беляев нерешительно берет ее и после некоторого недоумения, не зная, что делать с этой рукой, целует ее. Наталья Петровна краснеет и отнимает у него руку. В это время входит из залы Шпигельский, останавливается и делает шаг назад. Наталья Петровна быстро встает, Беляев тоже.*)

Наталья Петровна (*со смущением*). А, это вы, доктор… а мы вот здесь с Алексеем Николаичем… (*Останавливается.*)

Шпигельский (*громко и развязно*). Вообразите себе, Наталья Петровна, какие дела у вас происходят. Вхожу я в людскую, спрашиваю больного кучера, глядь! а мой больной сидит за столом и в обе щеки уписывает блин с луком. Вот после этого и занимайся медициной, надейся на болезнь да на безобидные доходы!

Наталья Петровна (*принужденно улыбаясь*). А! в самом деле… (*Беляев хочет уйти.*) Алексей Николаич, я забыла вам сказать…

Вера (*вбегая из залы*). Алексей Николаич! Алексей Николаич! (*Она вдруг останавливается при виде Натальи Петровны.*)

Наталья Петровна (*с некоторым удивлением*). Что такое? Что тебе надобно?

Вера (*краснея и потупя глаза, указывает на Беляева*). Их зовут.

Наталья Петровна. Кто?

Вера. Коля… то есть Коля меня просил насчет змея…

Наталья Петровна. А! (*Вполголоса Вере.*) On n'ent-re pas comme cela dans une chambre… Cela ne convient pas[16]. (*Обращаясь к Шпигельскому.*) Да который час, доктор? У вас всегда верные часы… Пора обедать.

Шпигельский. А вот, позвольте. (*Вынимает часы из кармана.*) Теперь-с… теперь-с, доложу вам — пятого двадцать минут.

Наталья Петровна. Вот видите. Пора. (*Подходит к зеркалу и поправляет себе волосы. Между тем Вера шепчет что-то Беляеву. Оба смеются. Наталья Петровна их видит в зеркале. Шпигельский сбоку поглядывает на нее.*)

Беляев (*смеясь, вполголоса*). Неужели?

Вера (*кивая головой, тоже вполголоса*). Да, да, так и упала.

Наталья Петровна (*с притворным равнодушием оборачиваясь к Вере*). Что такое? кто упал?

Вера (*со смущением*). Нет-с… там качели

---

[16] Примечания: 16

Так не входят в комнату… Это неприлично (*фр.*).

Алексей Николаич устроил, так нянюшка вот вздумала…

Наталья Петровна (*не дожидаясь конца ответа, к Шпигельскому*). Ах, кстати, Шпигельский, подите-ка сюда… (*Отводит его в сторону и обращается опять к Вере*.) Она не ушиблась?

Вера. О нет-с!

Наталья Петровна. Да… а все-таки, Алексей Николаич, это вы напрасно…

Матвей (*входит из залы и докладывает*). Кушанье готово-с.

Наталья Петровна. А! Да где ж Аркадий Сергеич? Вот они опять опоздают с Михаилом Александровичем.

Матвей. Они уж в столовой-с.

Наталья Петровна. А маменька?

Матвей. В столовой и оне-с.

Наталья Петровна. А! ну, так пойдемте. (*Указывая на Беляева*.) Вера, allez en avant avec monsieur[17]. (*Матвей выходит, за ним идут Беляев и Вера*.)

Шпигельский (*Наталье Петровне*). Вы мне что-то хотели сказать?

Наталья Петровна. Ах да! Точно… Вот видите

---

[17] Примечания: 17
Вера, идите вперед с этим господином (*фр*.).

ли… Мы еще с вами поговорим о… о вашем предложенье.

Шпигельский. Насчет… Веры Александровны?

Наталья Петровна. Да. Я подумаю… я подумаю. (*Оба уходят в залу*.)

Действие второе

Театр представляет сад. Направо и налево, под деревьями, скамейки; прямо малинник. Входят справа Катя и Матвей. У Кати в руках корзинка.

Матвей. Так как же, Катерина Васильевна? Извольте наконец объясниться, убедительно вас прошу.

Катя. Матвей Егорыч, я, право…

Матвей. Вам, Катерина Васильевна, слишком хорошо известно, как то есть я к вам расположен. Конечно, я старше вас летами; об этом точно спорить нельзя; но все-таки я еще постою за себя, я еще в самом прыску-с. Нрава я тоже, как вы изволите знать, кроткого; кажется, чего еще?

Катя. Матвей Егорыч, поверьте, я очень чувствую, очень благодарна, Матвей Егорыч… Да вот… Подождать, я думаю, надо.

Матвей. Да чего ждать, помилуйте, Катерина Васильевна? Прежде, позвольте вам заметить, вы этого не говорили-с. А что касается до уваженья, кажется, я могу за себя то есть поручиться. Такое уважение получать будете, Катерина Васильевна, какого лучше и требовать нельзя. Притом я человек непьющий, ну, и от господ тоже худого

слова не слыхал.

Катя. Право, Матвей Егорыч, я не знаю, что мне вам сказать…

Матвей. Эх, Катерина Васильевна, это вы недавно что-то начали того-с…

Катя (*слегка покраснев*). Как недавно? Отчего недавно?

Матвей. Да уж я не знаю-с… а только прежде вы… вы со мной прежде иначе изволили поступать.

Катя (*глянув в кулисы, торопливо*). Берегитесь… Немец идет.

Матвей (*с досадой*). А ну его, долгоносого журавля!.. А я с вами еще поговорю-с. (*Уходит направо. Катя тоже хочет идти в малинник. Входит слева Шааф, с удочкой на плече.*)

Шааф (*вслед Кате*). Кута? Кута, Катерин?

Катя (*останавливаясь*). Нам малины велено набрать, Адам Иваныч.

Шааф. Малин?.. Малин преятный фрукт. Фи любит малин?

Катя. Да, люблю.

Шааф. Хе, хе!.. И я… и я тоже. Я фзе люблю, что фи любит. (*Видя, что она хочет уйти.*) О Катерин, ботождит немношко.

Катя. Да некогда-с. Ключница браниться будет.

Шааф. Э! ничефо. Фот и я иту… (*Указывая на уду.*) Как это скасать, рибить, фи понимайт, рибить, то ись риб брать. Фи любит? риб?

Катя. Да-с.

Шааф. Э, хе, хе, и я, и я. А знаете ли, чево я вам зкажу, Катерин… По-немецки есть безенка (*поет*): «Cathrinchen, Cathrinchen, wie lieb'ich dich so sehr!..» то исть по-русски: «О Катринушка, Катринушка, фи карош, я тиебия люблю». (*Хочет обнять ее одной рукой.*)

Катя. Полноте, полноте, как вам не стыдно… Господа вон идут. (*Спасается в малинник.*)

Шааф (*принимая суровый вид, вполголоса*). Das ist dumm…[18] (*Входит справа Наталья Петровна, под руку с Ракитиным.*)

Наталья Петровна (*Шаафу*). А! Адам Иваныч! Вы идете рыбу удить?

Шааф. Дочно дак-с.

Наталья Петровна. А где Коля?

Шааф. З Лисафет Богдановне… урок на форте-пиано…

Наталья Петровна. А! (*Оглядываясь.*) Вы здесь одни?

Шааф. Атин-с.

---

[18] Примечания: 18
Это глупо (*нем.*).

Наталья Петровна. Вы не видали Алексея Николаича?

Шааф. Никак нет.

Наталья Петровна (*помолчав*). Мы с вами пойдем, Адам Иваныч, хотите? посмотрим, как-то вы рыбу ловите?

Шааф. Я одшень рад.

Ракитин (*вполголоса Наталье Петровне*). Что за охота?

Наталья Петровна (*Ракитину*). Пойдемте, пойдемте, beau ténébreux...[19] (*Все трое уходят направо.*)

Катя (*осторожно выставляя голову из малинника*). Ушли... (*Выходит, немного останавливается и задумывается.*) Вишь, немец!.. (*Вздыхает и опять принимается рвать малину, напевая вполголоса.*)

Не огонь горит, не смола кипит, А кипит-горит ретиво сердце...

А Матвей Егорыч-то прав! (*Продолжая напевать.*)

А кипит-горит ретиво сердце Не по батюшке, не по матушке...

Крупная какая малина... (*Продолжая напе-*

---

[19] Примечания: 19
Демоническое существо (*фр.*).

вать.)

Не по батюшке, не по матушке…

Экая жара! Даже душно. (*Продолжая напевать*.)

Не по батюшке, не по матушке… А кипит-горит по…

(*Вдруг оглядывается; умолкает и до половины прячется за куст. Слева входят Беляев и Верочка; у Беляева в руках змей*.)

Беляев (*проходя мимо малинника, Кате*). Что ж ты перестала, Катя? (*Поет*.)

А кипит-горит по красной девице…

Катя (*краснея*). У нас она не так поется.

Беляев. А как же? (*Катя смеется и не отвечает*.) Что это ты, малину набираешь? Дай-ка отведать.

Катя (*отдавая ему корзинку*). Возьмите все…

Беляев. Зачем все… Вера Александровна, хотите? (*Вера берет из корзинки, и он берет*.) Ну вот и довольно. (*Хочет отдать корзинку Кате*.)

Катя (*отталкивая его руку*). Да возьмите все, возьмите.

Беляев. Нет, спасибо, Катя. (*Отдает ей корзинку*.) Спасибо. (*Вере*.) Вера Александровна, сядемте-ка на скамейку. Вот (*указывая на змея*) нужно ему хвост привязать. Вы мне поможете. (*Оба идут и садятся на скамейку. Беляев дает ей*

змея в руки.) Вот так. Смотрите же, держите прямо. (*Начинает привязывать хвост*.) Что же вы?

Вера. Да эдак я вас не вижу.

Беляев. Да на что ж вам меня видеть?

Вера. То есть я хочу видеть, как вы привязываете хвост.

Беляев. А! Ну, постойте. (*Устраивает так змей, что ей можно его видеть*.) Катя, что ж ты не поешь? Пой. (*Спустя немного Катя начинает напевать вполголоса*.)

Вера. Скажите, Алексей Николаич, вы в Москве тоже иногда пускали змея?

Беляев. Не до змеев в Москве! Подержите-ка веревку… вот так. Вы думаете, нам в Москве другого нечего делать?

Вера. Что ж вы делаете в Москве?

Беляев. Как что? мы учимся, профессоров слушаем.

Вера. Чему же вас учат?

Беляев. Всему.

Вера. Вы, должно быть, очень хорошо учитесь. Лучше всех других.

Беляев. Нет, не очень хорошо. Какое лучше всех! Я ленив.

Вера. Зачем же вы ленитесь?

Беляев. А бог знает! Таким уж, видно, родился.

Вера (*помолчав*). Что, у вас есть друзья в Москве?

Беляев. Как же. Эх, эта веревка не довольно крепка.

Вера. И вы их любите?

Беляев. Еще бы!.. Вы разве не любите ваших друзей?

Вера. Друзей… У меня нет друзей.

Беляев. То есть я хотел сказать, ваших приятельниц.

Вера (*медленно*). Да.

Беляев. Ведь у вас есть приятельницы?..

Вера. Да… только я не знаю, отчего… я с некоторых пор что-то мало об них думаю… даже Лизе Мошниной не отвечала, а уж она как меня просила в своем письме.

Беляев. Как же это вы говорите, у вас нет друзей… а я-то что?

Вера (*с улыбкой*). Ну вы… Вы другое дело. (*Помолчав.*) Алексей Николаич!

Беляев. Что?

Вера. Вы пишете стихи?

Беляев. Нет. А что?

Вера. Так. (*Помолчав.*) У нас в пансионе одна барышня писала стихи.

Беляев (*затягивая зубами узел*). Вот как! и хо-

рошие?

Вера. Я не знаю. Она нам их читала, а мы плакали.

Беляев. Отчего же вы плакали?

Вера. От жалости. Так ее было жаль нам!

Беляев. Вы воспитывались в Москве?

Вера. В Москве, у госпожи Болюс. Наталья Петровна меня оттуда в прошлом году взяла.

Беляев. Вы любите Наталью Петровну?

Вера. Люблю; она такая добрая. Я ее очень люблю.

Беляев (*с усмешкой*). И, чай, боитесь ее?

Вера (*тоже с усмешкой*). Немножко.

Беляев (*помолчав*). А кто вас в пансион поместил?

Вера. Натальи Петровны матушка покойница. Я у нее в доме выросла. Я сирота.

Беляев (*опустив руки*). Вы сирота? И ни отца, ни матери вы не помните?

Вера. Нет.

Беляев. И у меня мать умерла. Мы оба с вами сироты. Что ж делать! Унывать нам все-таки не следует.

Вера. Говорят, сироты меж собою скоро дружатся.

Беляев (*глядя ей в глаза*). В самом деле? А вы

как думаете?

Вера (*тоже глядя ему в глаза, с улыбкой*). Я думаю, что скоро.

Беляев (*смеется и снова принимается за змей*). Хотел бы я знать, сколько уж я времени в здешних местах?

Вера. Сегодня двадцать восьмой день.

Беляев. Какая у вас память! Ну вот и кончен змей. Посмотрите, каков хвост! Надо за Колей сходить.

Катя (*подходя к ним с корзинкой*). Хотите еще малины?

Беляев. Нет, спасибо, Катя. (*Катя молча отходит.*)

Вера. Коля с Лизаветой Богдановной.

Беляев. И охота же в такую погоду ребенка в комнате держать!

Вера. Лизавета Богдановна нам бы только мешала…

Беляев. Да я не об ней говорю…

Вера (*поспешно*). Коля без нее не мог бы с нами пойти… Впрочем, она вчера об вас с большой похвалой отзывалась.

Беляев. В самом деле?

Вера. Вам она не нравится?

Беляев. Ну ее! Пусть себе табак нюхает на здо-

ровье!.. Зачем вы вздыхаете?

Вера (*помолчав*). Так. Как небо ясно!

Беляев. Так вы от этого вздыхаете? (*Молчание.*) Вам, может быть, скучно?

Вера. Мне скучно? Нет! Я иногда сама не знаю, о чем я вздыхаю… Мне вовсе не скучно. Напротив… (*Помолчав.*) Я не знаю… я, должно быть, не совсем здорова. Вчера я шла наверх за книжкой — и вдруг на лестнице, вообразите, вдруг села на ступеньку и заплакала… Бог знает отчего, и потом долго все слезы навертывались… Что такое это значит? А между тем мне хорошо…

Беляев. Это от роста. Вы растете. Это бывает. То-то у вас вчера вечером глаза как будто распухли.

Вера. А вы заметили?

Беляев. Как же.

Вера. Вы все замечаете.

Беляев. Ну нет… не все.

Вера (*задумчиво*). Алексей Николаич…

Беляев. Что?

Вера (*помолчав*). Что бишь я хотела спросить у вас? Я забыла, право, что я хотела спросить.

Беляев. Вы так рассеянны?

Вера. Нет… но… ах да! Вот что я хотела спросить. Вы мне, кажется, сказывали — у вас есть сестра?

Беляев. Есть.

Вера. Скажите — похожа я на нее?

Беляев. О нет. Вы гораздо лучше ее.

Вера. Как это можно! Ваша сестра… я бы желала быть на ее месте.

Беляев. Как? вы желали бы быть теперь в нашем домишке?

Вера. Я не то хотела сказать… У вас разве домик маленький?

Беляев. Очень маленький… Не то что здесь.

Вера. Да и на что так много комнат?

Беляев. Как на что? вот вы со временем узнаете, на что нужны комнаты.

Вера. Со временем… Когда?

Беляев. Когда вы сами станете хозяйкой…

Вера (*задумчиво*). Вы думаете?

Беляев. Вот вы увидите. (*Помолчав.*) Так что ж, сходить за Колей, Вера Александровна… а?

Вера. Отчего вы меня не зовете Верочкой?

Беляев. А вы меня разве можете называть Алексеем?..

Вера. Отчего же… (*Вдруг вздрагивая.*) Ах!

Беляев. Что такое?

Вера (*вполголоса*). Наталья Петровна сюда идет.

Беляев (*тоже вполголоса*). Где?

Вера (*указывая головой*). Вон — по дорожке, с

Михаилом Александрычем.

Беляев (*вставая*). Пойдемте к Коле… Он, должно быть, уж кончил свой урок.

Вера. Пойдемте… а то я боюсь, она меня бранить будет… (*Оба встают и быстро уходят налево. Катя опять прячется в малинник. Справа входят Наталья Петровна и Ракитин.*)

Наталья Петровна (*останавливаясь*). Это, кажется, господин Беляев уходит с Верочкой?

Ракитин. Да, это они…

Наталья Петровна. Они как будто от нас убегают.

Ракитин. Может быть.

Наталья Петровна (*помолчав*). Однако я не думаю, чтобы Верочке следовало… эдак, наедине с молодым человеком, в саду… Конечно, она дитя; но все-таки это неприлично… Я ей скажу.

Ракитин. Сколько ей лет?

Наталья Петровна. Семнадцать! Ей уже семнадцать лет… А сегодня жарко. Я устала. Сядемте. (*Оба садятся на скамейку, на которой сидели Вера и Беляев.*) Шпигельский уехал?

Ракитин. Уехал.

Наталья Петровна. Напрасно вы его не удержали. Я не знаю, зачем этому человеку вздумалось сделаться уездным доктором… Он очень забавен.

Он меня смешит.

Ракитин. А я так вообразил, что вы сегодня не в духе смеяться.

Наталья Петровна. Почему вы это думали?

Ракитин. Так!

Наталья Петровна. Потому что мне сегодня все чувствительное не нравится? О да! Предупреждаю вас, сегодня решительно ничего не в состоянии меня тронуть. Но это не мешает мне смеяться, напротив. Притом мне нужно было с Шпигельским переговорить.

Ракитин. Можно узнать — о чем?

Наталья Петровна. Нет, нельзя. Вы и без того все знаете, что я думаю, что я делаю… Это скучно.

Ракитин. Извините меня… Я не предполагал…

Наталья Петровна. Мне хочется хоть что-нибудь скрыть от вас.

Ракитин. Помилуйте! Из ваших слов можно заключить, что мне все известно…

Наталья Петровна (*перебивая его*). А будто нет?

Ракитин. Вам угодно смеяться надо мной.

Наталья Петровна. Так вам точно не все известно, что во мне происходит? В таком случае я вас не поздравляю. Как? человек наблюдает за мной с утра до вечера…

Ракитин. Что это, упрек?

Наталья Петровна. Упрек? (*Помолчав.*) Нет, я теперь точно вижу: вы не проницательны.

Ракитин. Может быть… но так как я наблюдаю за вами с утра до вечера, то позвольте мне сообщить вам одно замечание…

Наталья Петровна. На мой счет? Сделайте одолжение.

Ракитин. Вы на меня не рассердитесь?

Наталья Петровна. Ах нет! Я бы хотела, да нет.

Ракитин. Вы с некоторых пор, Наталья Петровна, находитесь в каком-то постоянно раздраженном состоянии, и это раздраженье в вас невольное, внутреннее: вы словно боретесь сами с собою, словно недоумеваете. Перед моей поездкой к Криницыным я этого не замечал; это в вас недавно. (*Наталья Петровна чертит зонтиком перед собой.*) Вы иногда так глубоко вздыхаете… вот как усталый, очень усталый человек вздыхает, которому никак не удается отдохнуть.

Наталья Петровна. Что ж вы из этого заключаете, господин наблюдатель?

Ракитин. Я ничего… Но меня это беспокоит.

Наталья Петровна. Покорно благодарю за участие.

Ракитин. И притом…

Наталья Петровна (*с некоторым нетерпением*).

Пожалуйста, переменимте разговор. (*Молчание*.)

Ракитин. Вы никуда не намерены выехать сегодня?

Наталья Петровна. Нет.

Ракитин. Отчего же? Погода хорошая.

Наталья Петровна. Лень. (*Молчание*.) Скажите мне… ведь вы знаете Большинцова?

Ракитин. Нашего соседа, Афанасья Иваныча?

Наталья Петровна. Да.

Ракитин. Что за вопрос? Не далее как третьего дня мы с ним у вас играли в преферанс.

Наталья Петровна. Что он за человек, желаю я знать.

Ракитин. Большинцов?

Наталья Петровна. Да, да, Большинцов.

Ракитин. Вот уж этого я, признаться, никак не ожидал!

Наталья Петровна (*с нетерпением*). Чего вы не ожидали?

Ракитин. Чтобы вы когда-нибудь стали спрашивать о Большинцове! Глупый, толстый, тяжелый человек — а впрочем, дурного ничего об нем сказать нельзя.

Наталья Петровна. Он совсем не так глуп и не так тяжел, как вы думаете.

Ракитин. Может быть. Я, признаюсь, не слиш-

ком внимательно изучал этого господина.

Наталья Петровна (*иронически*). Вы за ним не наблюдали?

Ракитин (*принужденно улыбается*). И с чего вам вздумалось…

Наталья Петровна. Так! (*Опять молчание.*)

Ракитин. Посмотрите, Наталья Петровна, как хорош этот темно-зеленый дуб на темно-синем небе. Он весь затоплен лучами солнца, и что за могучие краски… Сколько в нем несокрушимой жизни и силы, особенно когда вы его сравните с той молоденькой березой… Она словно вся готова исчезнуть в сиянии, ее мелкие листочки блестят каким-то жидким блеском, как будто тают, а между тем и она хороша…

Наталья Петровна. Знаете ли что, Ракитин? Я уже давно это заметила… Вы очень тонко чувствуете так называемые красоты природы и очень изящно, очень умно говорите об них… так изящно, так умно, что, я воображаю, природа должна быть вам несказанно благодарна за ваши изысканно счастливые выражения; вы волочитесь за ней, как раздушенный маркиз на красных каблучках за хорошенькой крестьянкой… Только вот в чем беда: мне иногда кажется, что она никак бы не могла понять, оценить ваших тонких заме-

чаний, точно так же, как крестьянка не поняла бы придворных учтивостей маркиза; природа гораздо проще, даже грубее, чем вы предполагаете, потому что она, слава богу, здорова… Березы не тают и не падают в обморок, как нервические дамы.

Ракитин. Quelle tirade![20] Природа здорова… то есть, другими словами, я болезненное существо.

Наталья Петровна. Не вы одни болезненное существо, оба мы с вами не слишком здоровы.

Ракитин. О, мне известен также этот способ говорить другому самым безобидным образом самые неприятные вещи… Вместо того чтобы сказать ему, например, прямо в лицо: ты, братец, глуп, — стоит только заметить ему с добродушной улыбкой: мы ведь, дескать, оба с вами глупы.

Наталья Петровна. Вы обижаетесь? Полноте, что за вздор! Я только хотела сказать, что мы оба с вами… слово болезненный — вам не нравится… что мы оба стары, очень стары.

Ракитин. Почему же стары? Я про себя этого не думаю.

Наталья Петровна. Ну однако, послушайте; вот мы с вами теперь сидим здесь… может быть, на

---

[20] Примечания: 20
Какая тирада! (*фр.*)

этой же самой скамейке, за четверть часа до нас, сидели… два точно молодые существа.

Ракитин. Беляев и Верочка? Конечно, они моложе нас… между нами несколько лет разницы, вот и все… Но мы от этого еще не старики.

Наталья Петровна. Между нами разница не в одних летах…

Ракитин. А! я понимаю… Вы завидуете их… naivete[21], их свежести, невинности… словом, их глупости…

Наталья Петровна. Вы думаете? А! Вы думаете, что они глупы? у вас, я вижу, все глупы сегодня. Нет, вы меня не понимаете. Да и притом… глупы! Что за беда! Что хорошего в уме, когда он не забавляет?.. Ничего нет утомительнее невеселого ума.

Ракитин. Гм. Отчего вы не хотите говорить прямо, без обиняков? я вас не забавляю — вот что вы хотите сказать… К чему вы ум вообще за меня грешного заставляете страдать?

Наталья Петровна. Это вы все не то… (*Катя выходит из малинника.*) Что это, ты малины набрала, Катя?

Катя. Точно так-с.

Наталья Петровна. Покажи-ка… (*Катя подхо-*

---

[21] Примечания: 21
Наивности (*фр.*).

дит к ней.) Славная малина! Какая алая… а твои щеки еще алей. (*Катя улыбается и потупляет глаза.*) Ну, ступай. (*Катя уходит.*)

Ракитин. Вот еще молодое существо в вашем вкусе.

Наталья Петровна. Конечно. (*Встает.*)

Ракитин. Куда вы?

Наталья Петровна. Во-первых, я хочу посмотреть, что делает Верочка… Пора ей домой… а во-вторых, признаюсь, наш разговор что-то мне не нравится. Лучше на некоторое время прекратить наши рассуждения о природе и молодости.

Ракитин. Вам, может быть, угодно гулять одной?

Наталья Петровна. По правде сказать, да. Мы увидимся скоро… Впрочем, мы расстаемся друзьями? (*Протягивает ему руку.*)

Ракитин (*вставая*). Еще бы! (*Жмет ей руку.*)

Наталья Петровна. До свиданья. (*Она раскрывает зонтик и уходит налево.*)

Ракитин (*ходит некоторое время взад и вперед*). Что с ней? (*Помолчав.*) Так! Каприз. Каприз? Прежде я этого в ней не замечал. Напротив, я не знаю женщины, более ровной в обхожденье. Какая причина?.. (*Ходит опять и вдруг останавливается.*) Ах, как смешны люди, у которых одна мысль

в голове, одна цель, одно занятие в жизни… Вот как я, например. Она правду сказала: с утра до вечера наблюдаешь мелочи и сам становишься мелким… Все так; но без нее я жить не могу, в ее присутствии я более чем счастлив; этого чувства нельзя назвать счастьем, я весь принадлежу ей, расстаться с нею мне было бы, без всякого преувеличения, точно то же, что расстаться с жизнию. Что с ней? Что значит эта внутренняя тревога, эта невольная едкость речи? Не начинаю ли я надоедать ей? Гм. (*Садится.*) Я никогда себя не обманывал; я очень хорошо знаю, как она меня любит; но я надеялся, что это спокойное чувство со временем… Я надеялся! Разве я вправе, разве я смею надеяться? Признаюсь, мое положение довольно смешно… почти презрительно. (*Помолчав.*) Ну к чему такие слова? Она честная женщина, а я не ловелас. (*С горькой усмешкой.*) К сожалению. (*Быстро поднимаясь.*) Ну, полно! Вон весь этот вздор из головы! (*Прохаживаясь.*) Какой сегодня прекрасный день! (*Помолчав.*) Как она ловко уязвила меня… Мои «изысканно счастливые» выражения… Она очень умна, особенно когда не в духе. И что за внезапное поклонение простоте и невинности?.. Этот русский учитель… Она мне часто говорит о нем. Признаюсь, я в нем

ничего особенного не вижу. Просто студент, как все студенты. Неужели она… Быть не может! Она не в духе… сама не знает, чего ей хочется, и вот царапает меня. Бьют же дети свою няню… Какое лестное сравнение! Но не надобно мешать ей. Когда этот припадок тоскливого беспокойства пройдет, она сама первая будет смеяться над этим долговязым птенцом, над этим свежим юношей… Объяснение ваше недурно, Михайло Александрыч, друг мой, да верно ли оно? А господь ведает! Вот увидим. Уж не раз случалось вам, мой любезнейший, после долгой возни с самим собою отказаться вдруг от всех предположений и соображений, сложить спокойно ручки и смиренно ждать, что-то будет. А пока сознайтесь, вам самим порядочно неловко и горько… Таково уже ваше ремесло… (*Оглядывается.*) А! да вот и он сам, наш непосредственный юноша… Кстати пожаловал… Я с ним еще ни разу не поговорил как следует. Посмотрим, что за человек (*Слева входит Беляев.*) А, Алексей Николаич! И вы вышли погулять на свежий воздух?

Беляев. Да-с.

Ракитин. То есть, признаться, воздух сегодня не совсем свеж; жара страшная, но здесь, под этими липами, в тени, довольно сносно. (*Помолчав.*)

Видели вы Наталью Петровну?

Беляев. Я сейчас их встретил… Оне с Верой Александровной в дом пошли.

Ракитин. Да уж это не вас ли я с Верой Александровной здесь видел, с полчаса тому назад?

Беляев. Да-с… Я с ней гулял.

Ракитин. А! (*Берет его под руку.*) Ну, как вам нравится жизнь в деревне?

Беляев. Я люблю деревню. Одна беда: здесь охота плохая.

Ракитин. А вы охотник?

Беляев. Да-с… А вы?

Ракитин. Я? Нет; я, признаться, плохой стрелок. Я слишком ленив.

Беляев. Да и я ленив… только не ходить.

Ракитин. А! Что ж вы — читать ленивы?

Беляев. Нет, я люблю читать. Мне лень долго работать; особенно одним и тем же предметом заниматься мне лень.

Ракитин (*улыбаясь*). Ну, а, например, с дамами разговаривать?

Беляев. Э! Да вы надо мной смеетесь… Дам я больше боюсь.

Ракитин (*с некоторым смущением*). С чего вы вздумали… с какой стати стану я над вами смеяться?

Беляев. Да так… что за беда! (*Помолчав.*) Скажите, где здесь можно достать пороху?

Ракитин. Да в городе, я думаю; он там продается под именем мака. Вам нужно хорошего?

Беляев. Нет; хоть винтовочного. Мне не стрелять, мне фейерверки делать.

Ракитин. А! Вы умеете…

Беляев. Умею. Я уже выбрал место: за прудом. Я слышал, через неделю именины Натальи Петровны; так вот бы кстати.

Ракитин. Наталье Петровне будет очень приятно такое внимание с вашей стороны… Вы ей нравитесь, Алексей Николаич, скажу вам.

Беляев. Мне это очень лестно… Ах, кстати, Михайло Александрыч, вы, кажется, получаете журнал. Можете вы мне дать почитать?

Ракитин. Извольте, с удовольствием… Там есть хорошие стихи.

Беляев. Я до стихов не охотник.

Ракитин. Почему же?

Беляев. Да так. Смешные стихи мне кажутся натянутыми, да притом их немного; а чувствительные стихи… я не знаю… Не верится им что-то.

Ракитин. Вы предпочитаете повести?

Беляев. Да-с, хорошие повести я люблю… но

критические статьи — вот те меня забирают,

Ракитин. А что?

Беляев. Теплый человек их пишет…

Ракитин. А сами вы — не занимаетесь литературой?

Беляев. О нет-с! Что за охота писать, коли таланту Бог не дал. Только людей смешить. Да и притом вот что удивительно, вот что объясните мне, сделайте одолженье: иной и умный, кажется, человек, а как возьмется за перо — хоть святых вон неси. Нет, куда нам писать — дай бог понимать написанное!

Ракитин. Знаете ли что, Алексей Николаич? Не у многих молодых людей столько здравого смысла, сколько у вас.

Беляев. Покорно вас благодарю за комплимент. (*Помолчав.*) Я выбрал место для фейерверка за прудом, потому что я умею делать римские свечи, которые горят на воде…

Ракитин. Это, должно быть, очень красиво… Извините меня, Алексей Николаич, но позвольте вас спросить… Вы знаете по-французски?

Беляев. Нет. Я перевел роман Поль де Кока «Монфермельскую молочницу» может быть, слыхали — за пятьдесят рублей ассигнациями; но я ни слова не знаю по-французски. Вообразите:

«катр-вен-дис» я перевел: четыре двадцать-десять… Нужда, знаете ли, заставила. А жаль. Я бы желал по-французски знать. Да лень проклятая. Жорж Санда я бы желал по-французски прочесть. Да выговор… как с выговором прикажете сладить? ан, он, ен, ён… Беда!

Ракитин. Ну, этому горю еще можно помочь…

Беляев. Позвольте узнать, который час?

Ракитин (*смотрит на часы*). Половина второго.

Беляев. Что это Лизавета Богдановна так долго Колю держит за фортепианами… Ему, чай, смерть теперь хочется побегать.

Ракитин (*ласково*). Да ведь надобно же и учиться, Алексей Николаич…

Беляев (*со вздохом*). Не вам бы это говорить, Михайло Александрыч — не мне бы слушать… Конечно, не всем же быть такими шалопаями, как я.

Ракитин. Ну, полноте…

Беляев. Да уж про это я знаю…

Ракитин. А я, так напротив, тоже знаю, и наверное, что именно то, что вы в себе считаете недостатком, эта ваша непринужденность, ваша свобода — это именно и нравится.

Беляев. Кому, например?

Ракитин. Да хоть бы Наталье Петровне.

Беляев. Наталье Петровне? С ней-то я и не чувствую себя, как вы говорите, свободным.

Ракитин. А! В самом деле?

Беляев. Да и наконец помилуйте, Михайло Александрыч, разве воспитание не первая вещь в человеке? Вам легко говорить… Я, право, не понимаю вас… (*Вдруг останавливаясь.*) Что это? Как будто коростель в саду крикнул? (*Хочет идти.*)

Ракитин. Может быть… но куда же вы?

Беляев. За ружьем… (*Идет в кулисы налево, навстречу ему выходит Наталья Петровна.*)

Наталья Петровна (*увидав его, вдруг улыбается*). Куда вы, Алексей Николаич?

Беляев. Я-с…

Ракитин. За ружьем… Он коростеля в саду услыхал…

Наталья Петровна. Нет, не стреляйте, пожалуйста, в саду… Дайте этой бедной птице пожить… Притом вы бабушку испугать можете.

Беляев. Слушаю-с.

Наталья Петровна (*смеясь*). Ах, Алексей Николаич, как вам не стыдно? «Слушаю-с» — что это за слово? Как можно… так говорить? Да постойте; мы вот с Михайлом Александрычем займемся вашим воспитаньем… Да, да… Мы уже с ним не

раз говорили о вас… Против вас заговор, я вас предупреждаю. Ведь вы позволите мне заняться вашим воспитанием?

Беляев. Помилуйте… Я-с…

Наталья Петровна. Во-первых — не будьте застенчивы, это к вам вовсе не пристало. Да, мы займемся вами. (*Указывая на Ракитина.*) Ведь мы с ним старики — а вы молодой человек… Не правда ли? Посмотрите, как это все хорошо пойдет. Вы будете заниматься Колей — а я… а мы вами.

Беляев. Я вам буду очень благодарен.

Наталья Петровна. То-то же. О чем вы тут разговаривали с Михайлой Александрычем?

Ракитин (*улыбаясь*). Он мне рассказывал, каким образом он перевел французскую книгу — ни слова не знавши по-французски.

Наталья Петровна. А! Ну вот мы вас и по-французски выучим. Да кстати, что вы сделали с вашим змеем?

Беляев. Я его домой отнес. Мне показалось, что вам… неприятно было…

Наталья Петровна (*с некоторым смущением*). Отчего ж вам это показалось? Оттого, что я Верочке… что я Верочку домой взяла? Нет, это… Нет, вы ошиблись. (*С живостью.*) Впрочем, знаете ли что? Теперь Коля, должно быть, кончил свой урок.

Пойдемте возьмемте его, Верочку, змея — хотите? И вместе все отправимся на луг. А?

Беляев. С удовольствием, Наталья Петровна.

Наталья Петровна. И прекрасно. Ну пойдемте же, пойдемте. (*Протягивает ему руку.*) Да возьмите же мою руку, какой вы неловкий! Пойдемте… скорей. (*Оба быстро уходят налево.*)

Ракитин (*глядя им вслед*). Что за живость, что за веселость… Я никогда у ней на лице такого выражения не видал. И какая внезапная перемена! (*Помолчав.*) Souvent femme varie…[22] Но я.. я решительно ей сегодня не по нутру. Это ясно. (*Помолчав.*) Что ж! Увидим, что далее будет. (*Медленно.*) Неужели же… (*Махает рукой.*) Быть не может!.. Но эта улыбка, этот приветный, мягкий, светлый взгляд… Ах, не дай бог мне узнать терзания ревности, особенно бессмысленной ревности! (*Вдруг оглядываясь.*) Ба, ба, ба… какими судьбами? (*Слева входят Шпигельский и Большинцов Ракитин идет им навстречу.*) Здравствуйте, господа… Я, признаться, Шпигельский, вас сегодня не ожидал… (*Жмет им руки.*)

Шпигельский. Да и я сам того-с… Я сам не воображал… Да вот заехал к нему (*указывая на*

---

[22] Примечания: 22
Как изменчива женщина… (*фр.*)

Большинцова), а он уж в коляске сидит, сюда едет. Ну я тотчас оглобли назад да вместе с ним и вернулся.

Ракитин. Что ж, добро пожаловать.

Большинцов. Я точно собирался…

Шпигельский (*заминая его речь*). Нам люди сказали, что господа все в саду… По крайней мере, в гостиной никого не было…

Ракитин. Да вы разве не встретили Наталью Петровну?

Шпигельский. Когда?

Ракитин. Да вот сейчас.

Шпигельский. Нет. Мы не прямо из дому сюда пришли. Афанасию Иванычу хотелось посмотреть, есть ли в рощице грибы?

Большинцов (*с недоумением*). Я…

Шпигельский. Ну да, мы знаем, что вы до подберезников большой охотник. Так Наталья Петровна домой пошла? Что ж? И мы можем вернуться.

Большинцов. Конечно.

Ракитин. Да, она пошла домой для того, чтобы позвать всех гулять… Они, кажется, собираются пускать змея.

Шпигельский. А! И прекрасно. В такую погоду надобно гулять.

Ракитин. Вы можете остаться здесь… Я пойду скажу ей, что вы приехали.

Шпигельский. Для чего же вы будете беспокоиться… Помилуйте, Михайло Александрыч…

Ракитин. Нет… мне и без того нужно…

Шпигельский. А! Ну в таком случае мы вас не удерживаем… Без церемонии, вы знаете…

Ракитин. До свиданья, господа. (*Уходит налево.*)

Шпигельский. До свидания. (*Большинцову.*) Ну-с, Афанасий Иваныч…

Большинцов (*перебивая его*). Что это вам, Игнатий Ильич, вздумалось насчет грибов… Я удивляюсь; какие грибы?

Шпигельский. А небось мне, по-вашему, следовало сказать, что, дескать, заробел мой Афанасий Иваныч, прямо не хотел пойти, попросился сторонкой?

Большинцов. Оно так… да все же грибы… Я не знаю, я, может быть, ошибаюсь…

Шпигельский. Наверное, ошибаетесь, друг мой. Вы вот лучше о чем подумайте. Вот мы с вами сюда приехали… сделано по-вашему. Смотрите же! Не ударьте лицом в грязь.

Большинцов. Да, Игнатий Ильич, ведь вы… Вы мне сказали то есть… Я бы желал положительно

узнать, какой ответ…

Шпигельский. Почтеннейший мой Афанасий Иваныч! От вашей деревни досюда считается пятнадцать верст с лишком; вы на каждой версте по крайней мере три раза предлагали мне тот же самый вопрос… Неужели же этого вам мало? Ну, слушайте же: только это я вас балую в последний раз. Вот что мне сказала Наталья Петровна: «Я…»

Большинцов (*кивая головой*). Да.

Шпигельский (*с досадой*). Да… Ну что «да»? Ведь я еще вам ничего не сказал… «Я, говорит, мало знаю господина Большинцова, но он мне кажется хорошим человеком: с другой стороны, я нисколько не намерена принуждать Верочку; и потому пусть он ездит к нам, и, если он заслужит…»

Большинцов. Заслужит? Она сказала: заслужит?

Шпигельский. «Если он заслужит ее расположение, мы с Анной Семеновной не будем препятствовать…»

Большинцов. «Не будем препятствовать»? Так-таки и сказала? Не будем препятствовать?

Шпигельский. Ну да, да, да. Какой вы странный человек! «Не будем препятствовать их счастью».

Большинцов. Гм.

Шпигельский. «Их счастью». Да; но, заметьте, Афанасий Иваныч, в чем теперь задача состоит… Вам теперь нужно убедить самою Веру Александровну в том, что для нее брак с вами точно счастье; вам нужно заслужить ее расположение.

Большинцов (*моргая*). Да, да, заслужить… точно; я с вами согласен.

Шпигельский. Вы непременно хотели, чтобы я вас сегодня же сюда привез… Ну посмотрим, как вы будете действовать.

Большинцов. Действовать? да, да, нужно действовать, нужно заслужить, точно. Только вот что, Игнатий Ильич… Позвольте мне признаться вам, как лучшему моему другу, в одной моей слабости: я вот, вы изволите говорить, желал, чтобы вы сегодня привезли меня сюда…

Шпигельский. Не желали, а требовали, неотступно требовали.

Большинцов. Ну да, положим… я с вами согласен. Да вот, видите ли: дома… я точно… я дома на все, кажется, был готов; а теперь вот робость одолевает.

Шпигельский. Да отчего ж вы робеете?

Большинцов (*взглянув на него исподлобья*). Рыск-с.

Шпигельский. Что-о?

Большинцов. Рыск-с. Большой рыск-с. Я, Игнатий Ильич, должен вам признаться, как…

Шпигельский (*прерывая*). Как лучшему вашему другу… знаем, знаем… Далее?

Большинцов. Точно так-с, я с вами согласен. Я должен вам признаться, Игнатий Ильич, что я… я вообще с дамами, с женским полом вообще, мало, так сказать, имел сношений; я, Игнатий Ильич, признаюсь вам откровенно, просто не могу придумать, о чем можно с особой женского пола поговорить- и притом наедине… особенно с девицей.

Шпигельский. Вы меня удивляете. Я так не знаю, о чем нельзя с особой женского пола говорить, особенно с девицей, и особенно наедине.

Большинцов. Ну да, вы… Помилуйте, где ж мне за вами? Вот по этому-то случаю я бы желал прибегнуть к вам, Игнатий Ильич. Говорят, в этих делах лиха беда начать, так нельзя ли того-с, мне для вступленья в разговор словечко, что ли, сообщить какое-нибудь приятное, вроде, например, замечанья — а уж там я пойду. Уж там я как-нибудь сам.

Шпигельский. Словечка я вам никакого не сообщу, Афанасий Иваныч, потому что вам никакое словечко ни к чему не послужит… а совет я вам

дать могу, если хотите.

Большинцов. Да сделайте же одолженье, батюшка… А что касается до моей благодарности… Вы знаете…

Шпигельский. Полноте, полноте; что я, разве торгуюсь с вами?

Большинцов (*понизив голос*). Насчет троечки будьте покойны.

Шпигельский. Да полноте же наконец! Вот видите ли, Афанасий Иваныч… Вы бесспорно прекрасный человек во всех отношениях… (*Большинцов слегка кланяется.*) человек с отличными качествами…

Большинцов. О, помилуйте!

Шпигельский. Притом у вас, кажется, триста душ?

Большинцов. Триста двадцать-с.

Шпигельский. Не заложенных?

Большинцов. За мной копейки долгу не водится.

Шпигельский. Ну вот видите. Я вам сказывал, что вы отличнейший человек и жених хоть куда. Но вот вы сами говорите, что вы с дамами мало имели сношений…

Большинцов (*со вздохом*). Точно так-с. Я, можно сказать, Игнатий Ильич, сызмала чуждался

женского пола.

Шпигельский (*со вздохом*). Ну вот видите. Это в муже не порок, напротив; но все-таки в иных случаях, — например, при первом объяснении в любви, — необходимо хоть что-нибудь уметь сказать… Не правда ли?

Большинцов. Я совершенно с вами согласен.

Шпигельский. А то ведь, пожалуй, Вера Александровна может подумать, что вы чувствуете себя нездоровыми — и больше ничего. Притом фигура ваша хотя тоже во всех отношениях благовидная, не представляет ничего такого, что эдак в глаза, знаете ли, бросается, в глаза; а нынче это требуется.

Большинцов (*со вздохом*). Нынче это требуется.

Шпигельский. Девицам по крайней мере это нравится. Ну, да и лета ваши наконец… словом, нам с вами любезностью брать не приходится. Стало быть, вам нечего думать о приятных словечках. Это опора плохая. Но у вас есть другая опора, гораздо более твердая и надежная, а именно ваши качества, почтеннейший Афанасий Иваныч, н ваши триста двадцать душ. Я на вашем месте просто сказал бы Вере Александровне…

Большинцов. Наедине?

Шпигельский. О, непременно наедине! «Вера Александровна! (*По движениям губ Большинцова заметно, что он шепотом повторяет каждое слово за Шпигельским.*) Я вас люблю и прошу вашей руки. Я человек добрый, простой, смирный и не бедный: вы будете со мною совершенно свободны; я буду стараться всячески вам угождать. А вы извольте справиться обо мне, извольте обратить на меня немножко побольше внимания, чем до сих пор, — и дайте мне ответ, какой угодно и когда угодно. Я готов ждать, и даже за удовольствие почту».

Большинцов (*громко произнося последнее слово*). Почту. Так, так, так… я с вами согласен. Только вот что, Игнатий Ильич: вы, кажется, изволили употребить слово: смирный… дескать, смирный я человек…

Шпигельский. А что ж, разве вы не смирный человек?

Большинцов. Та-ак-с… но все-таки, мне кажется… Будет ли оно прилично, Игнатий Ильич? Не лучше ли сказать, например…

Шпигельский. Например?

Большинцов. Например… например… (*Помолчав.*) Впрочем, можно, пожалуй, сказать и смирный.

Шпигельский. Эх, Афанасий Иваныч, послушайтесь вы меня; чем проще вы будете выражаться, чем меньше украшений вы подпустите в вашу речь, тем лучше дело пойдет, поверьте мне. А главное, не настаивайте, не настаивайте, Афанасий Иваныч. Вера Александровна еще очень молода; вы ее запугать можете… Дайте ей время хорошо обдумать ваше предложение. Да! еще одно… чуть было не забыл; вы ведь мне позволили вам советы давать… Вам иногда случается, любезный мой Афанасий Иваныч, говорить: крухт и фост… Оно, пожалуй, отчего же… можно… но знаете ли: слова — фрукт и хвост как-то употребительнее; более, так сказать, в употребление вошли. А то еще, помнится, вы однажды при мне одного хлебосольного помещика назвали бонжибаном; дескать, «какой он бонжибан!» Слово тоже, конечно, хорошее, но, к сожалению, оно ничего не значит. Вы знаете, я сам не слишком горазд насчет французского диалекта, а настолько-то смыслю. Избегайте красноречья, и я вам ручаюсь за успех. (*Оглядываясь.*) Да вот они, кстати, все идут сюда. (*Большинцов хочет удалиться.*) Куда же вы? Опять за грибами? (*Большинцов улыбается, краснеет и остается.*) Главное дело не робеть!

Большинцов (*торопливо*). А ведь Вере Александровне еще ничего не известно?

Шпигельский. Еще бы!

Большинцов. Впрочем, я на вас надеюсь… (*Сморкается. Слева входят: Наталья Петровна, Вера, Беляев со змеем, Коля, за ними Ракитин и Лизавета Богдановна. Наталья Петровна очень в духе.*)

Наталья Петровна (*Большинцову и Шпигельскому*). А, здравствуйте, господа; здравствуйте, Шпигельский; я вас не ожидала сегодня, но я всегда вам рада. Здравствуйте, Афанасий Иваныч. (*Большинцов кланяется с некоторым замешательством.*)

Шпигельский (*Наталье Петровне, указывая на Большинцова*). Вот этот барин непременно желал привести меня сюда…

Наталья Петровна (*смеясь*). Я ему очень обязана… Но разве вас нужно заставлять к нам ездить?

Шпигельский. Помилуйте! Но… Я только сегодня поутру… Отсюда… Помилуйте…

Наталья Петровна. А запутался, запутался, господин дипломат!

Шпигельский. Мне, Наталья Петровна, очень приятно видеть вас в таком, сколько я могу заме-

тить, веселом расположении духа.

Наталья Петровна. А! Вы считаете нужным это заметить… Да разве со мною это так редко случается?

Шпигельский. О, помилуйте, нет… но…

Наталья Петровна. Monsieur le diplomate[23], вы более и более путаетесь.

Коля (*который все время нетерпеливо вертелся около Беляева и Веры*). Да что ж, maman, когда же мы будем змея пускать?

Наталья Петровна. Когда хочешь… Алексей Николаич, и ты, Верочка, пойдемте на луг… (*Обращаясь к остальным.*) Вас, господа, я думаю, это не может слишком занять. Лизавета Богдановна, и вы, Ракитин, поручаю вам доброго нашего Афанасья Ивавыча.

Ракитин. Да отчего, Наталья Петровна, вы думаете, что это нас не займет?

Наталья Петровна. Вы люди умные… Вам это должно казаться шалостью… Впрочем, как хотите. Мы не мешаем вам идти за нами… (*К Беляеву и Верочке.*) Пойдемте. (*Наталья, Вера, Беляев и Коля уходят направо.*)

Шпигельский (*посмотрев с некоторым удив-*

---

[23] Примечания: 23
Господин дипломат (*фр.*).

лением на Ракитина, Большинцову). Добрый наш Афанасий Иваныч, дайте же руку Лизавете Богдановне.

Большинцов (*торопливо*). Я с большим удовольствием… (*Берет Лизавету Богдановну под руку.*)

Шпигельский (*Ракитину*). А мы пойдем с вами, Если позволите, Михайло Александрыч. (*Берет его под руку.*) Вишь, как они бегут по аллее. Пойдемте посмотримте, как они будут змей пускать, хотя мы и умные люди… Афанасий Иваныч, не угодно ли вперед идти?

Большинцов (*на ходу Лизавете Богдановне*). Сегодня погода очень, можно сказать, приятная-с.

Лизавета Богдановна (*жеманясь*). Ах, очень!

Шпигельский (*Ракитину*). А мне с вами, Михайло Александрыч, нужно переговорить… (*Ракитин вдруг смеется.*) О чем вы?

Ракитин. Так… ничего… Мне смешно, что мы в ариергард попали.

Шпигельский. Авангарду, вы знаете, очень легко сделаться ариергардом… Все дело в перемене дирекции. (*Все уходят направо.*)

Действие третье

Та же декорация, как в первом действии. Из дверей в залу входят Ракитин и Шпигельский.

Шпигельский. Так как же, Михайло Александрыч, помогите мне, сделайте одолжение.

Ракитин. Да чем могу я вам помочь, Игнатий Ильич?

Шпигельский. Как чем? Помилуйте. Вы, Михайло Александрыч, войдите в мое положение. Собственно я в этом деле сторона, конечно; я, можно сказать, действовал больше из желания угодить… Уж погубит меня мое доброе сердце!

Ракитин (*смеясь*). Ну до погибели вам еще далеко.

Шпигельский (*тоже смеясь*). Это еще неизвестно, а только мое положение действительно неловко. Я Большинцова по желанью Натальи Петровны сюда привез, и ответ ему сообщил с ее же позволенья, а теперь, с одной стороны, на меня дуются, словно я глупость сделал, а с другой — Большинцов не дает мне покоя. Его избегают, со мной не говорят…

Ракитин. И охота же вам была, Игнатий Ильич,

взяться за это дело. Ведь Большинцов, между нами, ведь он просто глуп.

Шпигельский. Вот тебе на: между нами! Экую новость вы изволили сказать! Да с каких пор одни умные люди женятся? Уж коли в чем другом, в женитьбе-то не следует дуракам хлеб отбивать. Вы говорите, я за это дело взялся… Вовсе нет. Вот как оно состоялось: приятель просит меня замолвить за него слово… Что ж? Мне отказать ему было, что ли? Я человек добрый: отказывать не умею. Я исполняю поручение приятеля; мне отвечают: «Покорнейше благодарим; не извольте то есть более беспокоиться…» Я понимаю и более не беспокою. Потом вдруг сами мне предлагают и поощряют меня, так сказать… Я повинуюсь; на меня негодуют. Чем же я тут виноват?

Ракитин. Да кто вам говорит, что вы виноваты… Я удивляюсь только одному: из чего вы так хлопочете?

Шпигельский. Из чего… из чего… Человек мне покоя не дает.

Ракитин. Ну, полноте…

Шпигельский. Притом же он мой старинный приятель.

Ракитин (*с недоверчивой улыбкой*). Да! Ну это другое дело.

Шпигельский (*тоже улыбаясь*). Впрочем, я с вами хитрить не хочу… Вас не обманешь. Ну да… он мне обещал… у меня пристяжная на ноги села, так вот он мне обещал…

Ракитин. Другую пристяжную?

Шпигельский. Нет, признаться, целую тройку.

Ракитин. Давно бы вы сказали!

Шпигельский (*живо*). Но вы, пожалуйста, не подумайте… Я бы ни за что не согласился быть в таком деле посредником, это совершенно противно моей натуре (*Ракитин улыбается*), если б я не знал Большинцова за честнейшего человека… Впрочем, я и теперь желаю только одного: пусть мне ответят решительно — да или нет?

Ракитин. Разве уж до того дело дошло?

Шпигельский. Да что вы воображаете?.. Не о женитьбе речь идет, а о позволении ездить, посещать…

Ракитин. Да кто ж это может запретить?

Шпигельский. Экие вы… запретить! Конечно, для всякого другого… но Большинцов человек робкий, невинная душа, прямо из златого века Астреи, только что тряпки не сосет… Он на себя мало надеется, его нужно несколько поощрить. Притом его намеренья — самые благородные.

Ракитин. Да и лошади хороши.

Шпигельский. И лошади хороши. (*Нюхает табак и предлагает Ракитину табакерку.*) Вам не угодно?

Ракитин. Нет, благодарствуйте.

Шпигельский. Так, так-то, Михайло Александрыч. Я вас, вы видите, не хочу обманывать. Да и к чему? Дело ясное, как на ладони. Человек честных правил, с состоянием, смирный… Годится — хорошо. Не годится — ну, так и сказать.

Ракитин. Все это прекрасно, положим; да я-то тут что? Я, право, не вижу, в чем я могу.

Шпигельский. Эх, Михайло Александрыч! Разве мы не знаем, что Наталья Петровна вас очень уважает и даже иногда слушается вас… Право, Михайло Александрыч (*сбоку обнимая его*), будьте друг, замолвите словечко…

Ракитин. И вы думаете, что хороший это муж для Верочки?

Шпигельский (*принимая серьезный вид*). Я убежден в этом. Вы не верите… Вот вы увидите. Ведь в супружестве, вы сами знаете, главная вещь — солидный характер! А уж Большинцов на что солиднее! (*Оглядывается.*) А вот, кажется, и сама Наталья Петровна сюда идет… Батюшка, отец, благодетель! Две рыжих на пристяжке, гнедая в корню! Похлопочите!

Ракитин (*улыбаясь*). Ну хорошо, хорошо…

Шпигельский. Смотрите же, я полагаюсь на вас… (*Спасается в залу*.)

Ракитин (*глядя ему вслед*). Экой проныра этот доктор! Верочка… и Большинцов! А впрочем, что же? Бывают свадьбы и хуже. Исполню его комиссию, а там не мое дело! (*Оборачивается*; *из кабинета выходит Наталья Петровна и, увидя его, останавливается*.)

Наталья Петровна (*нерешительно*). Это… вы… я думала, что вы в саду…

Ракитин. Вам как будто неприятно…

Наталья Петровна (*прерывая его*). О, полноте! (*Идет на авансцену*.) Вы здесь одни?

Ракитин. Шпигельский сейчас ушел отсюда.

Наталья Петровна (*слегка наморщив брови*). А! Этот уездный Талейран… Что он вам такое говорил? Он все еще тут вертится?

Ракитин. Этот уездный Талейран, как вы его называете, сегодня у вас, видно, не в милости… а, кажется, вчера…

Наталья Петровна. Он смешон; он забавен точно; но… он не в свои дела мешается… Это неприятно. Притом он, при всем своем низкопоклонстве, очень дерзок и навязчив… Он большой циник.

Ракитин (*подходя к ней*). Вы вчера не так об нем отзывались…

Наталья Петровна. Может быть. (*Живо.*) Так что ж он вам такое говорил?

Ракитин. Он мне говорил… о Большинцове…

Наталья Петровна. А! Об этом глупом человеке?

Ракитин. И об нем вы вчера иначе отзывались.

Наталья Петровна (*принужденно улыбаясь*). Вчера — не сегодня.

Ракитин. Для всех… но, видно, не для меня.

Наталья Петровна (*опустив глаза*). Как так?

Ракитин. Для меня сегодня то же, что вчера.

Наталья Петровна (*протянув ему руку*). Я понимаю ваш упрек, но вы ошибаетесь. Вчера я бы не созналась в том, что я виновата перед вами… (*Ракитин хочет остановить ее.*) Не возражайте мне… Я знаю, и вы знаете, что я хочу сказать… а сегодня я сознаюсь в этом. Я сегодня многое обдумала… Поверьте, Мишель, какие бы глупые мысли ни занимали меня, что бы я ни говорила, что бы я ни делала, я ни на кого так не полагаюсь, как на вас. (*Понизив голос.*) Я никого… так не люблю, как я вас люблю… (*Небольшое молчание.*) Вы мне не верите?

Ракитин. Я верю вам… но вы сегодня как будто

печальны… что с вами?

Наталья Петровна (*не слушает его и продолжает*). Только я убедилась в одном, Ракитин: ни в каком случае нельзя за себя отвечать, и ни за что нельзя ручаться. Мы часто своего прошедшего не понимаем… где же нам отвечать за будущее! На будущее цепей не наложишь.

Ракитин. Это правда.

Наталья Петровна (*после долгого молчания*). Послушайте, я хочу быть с вами откровенной, может быть, я немножко огорчу вас… но я знаю: вас бы еще более огорчила моя скрытность. Признаюсь вам, Мишель, этот молодой студент… этот Беляев произвел на меня довольно сильное впечатление…

Ракитин (*вполголоса*). Я это знал.

Наталья Петровна. А! вы это заметили? Давно ли?

Ракитин. Со вчерашнего дня.

Наталья Петровна. А!

Ракитин. Уже третьего дня, помните, я говорил вам о перемене, происшедшей в вас… Я тогда еще не знал, чему приписать ее. Но вчера, после нашего разговора… и на этом лугу… Если б вы могли себя видеть! Я не узнавал вас; вы словно другою стали. Вы смеялись, вы прыгали, вы

резвились, как девочка, ваши глаза блестели, ваши щеки разгорелись, и с каким доверчивым любопытством, с каким радостным вниманьем вы глядели на него, как вы улыбались… (*Взглянув на нее.*) Вот даже теперь ваше лицо оживляется от одного воспоминания… (*Отворачивается.*)

Наталья Петровна. Нет, Ракитин, ради бога, не отворачивайтесь от меня… Послушайте: к чему преувеличивать? Этот человек меня заразил своею молодостью — и только. Я сама никогда не была молода, Мишель, с самого моего детства и до сих пор… Вы ведь знаете всю мою жизнь… С непривычки мне все это в голову бросилось, как вино, но, я знаю, это так же скоро пройдет, как оно пришло скоро… Об этом даже говорить не стоит. (*Помолчав.*) Только вы не отворачивайтесь от меня, не отнимайте у меня вашей руки… Помогите мне…

Ракитин (*вполголоса*). Помочь вам… жестокое слово! (*Громко.*) Вы сами не знаете, Наталья Петровна, что с вами происходит. Вы уверены, что об этом говорить не стоит, и просите помощи… Видно, вы чувствуете, что она вам нужна!

Наталья Петровна. То есть… да… Я обращаюсь к вам, как к другу.

Ракитин (*горько*). Да-с… Я, Наталья Петровна,

готов оправдать вашу доверенность… но позвольте мне немного собраться с духом.

Наталья Петровна. Собраться с духом? Да разве вам грозит какая-нибудь… неприятность? Разве что изменилось?

Ракитин (*горько*). О нет! Все по-прежнему.

Наталья Петровна. Да что вы думаете, Мишель? Неужели вы можете предполагать…

Ракитин. Я ничего не предполагаю.

Наталья Петровна. Неужели ж вы до того меня презираете…

Ракитин. Перестаньте, ради бога. Поговоримте лучше о Большинцове. Доктор ожидает ответа насчет Верочки, вы знаете.

Наталья Петровна (*печально*). Вы на меня сердитесь.

Ракитин. Я? О нет. Но мне жаль вас.

Наталья Петровна. Право, это даже досадно. Мишель, как вам не стыдно… (*Ракитин молчит. Она пожимает плечами и продолжает с досадой.*) Вы говорите, доктор ждет ответа? Да кто его просил вмешиваться…

Ракитин. Он уверял меня, что вы сами…

Наталья Петровна (*перебивая его*). Может быть, может быть… Хотя я, кажется, ничего ему не сказала положительного… Притом я могу пере-

менить свои намеренья. Да и наконец, боже мой, что за беда! Шпигельский занимается делами всякого рода, в его ремесле не все же ему должно удаваться.

Ракитин. Он только желает знать, какой ответ…

Наталья Петровна. Какой ответ… (*Помолчав.*) Мишель, полноте, дайте мне руку… к чему этот равнодушный взгляд, эта холодная вежливость?.. Чем я виновата? Подумайте, разве это моя вина? Я пришла к вам в надежде услышать добрый совет, я ни одно мгновенье не колебалась, я не думала от вас скрываться, а вы… Я вижу, напрасно я была откровенна с вами… Вам бы и в голову не пришло… Вы ничего не подозревали, вы меня обманули. А теперь вы бог знает что думаете.

Ракитин. Я? Помилуйте!

Наталья Петровна. Дайте же мне руку… (*Он не шевелится, она продолжает, несколько обиженная.*) Вы решительно отворачиваетесь от меня? Смотрите же, тем хуже для вас. Впрочем, я не пеняю на вас… (*Горько.*) Вы ревнуете!

Ракитин. Я не вправе ревновать, Наталья Петровна… Помилуйте, что вы?

Наталья Петровна (*помолчав*). Как хотите. А что касается до Большинцова, я еще не поговорила

с Верочкой.

Ракитин. Я могу вам ее сейчас послать.

Наталья Петровна. Зачем же сейчас!.. Впрочем, как хотите.

Ракитин (*направляясь к двери кабинета*). Так прикажете прислать ее?

Наталья Петровна. Мишель, в последний раз… Вы мне сейчас говорили, что вам меня жаль… Так-то вам жаль меня! Неужели ж…

Ракитин (*холодно*). Прикажете?

Наталья Петровна (*с досадой*). Да. (*Ракитин идет в кабинет. Наталья Петровна некоторое время остается неподвижной, садится, берет со стола книгу, раскрывает ее и роняет на колена.*) И этот! Да что ж это такое? Он… и он! А я еще на него надеялась. А Аркадий? Боже мой! Я и не вспомнила о нем! (*Выпрямясь.*) Я вижу, пора прекратить все это… (*Из кабинета входит Вера.*) Да… пора.

Вера (*робко*). Вы меня спрашивали, Наталья Петровна?

Наталья Петровна (*быстро оглядываясь*). А! Верочка! Да, я тебя спрашивала.

Вера (*подходя к ней*). Вы здоровы?

Наталья Петровна. Я? Да. А что?

Вера. Мне показалось…

Наталья Петровна. Нет, это так. Мне немножко жарко… Вот и все. Сядь. (*Вера садится.*) Послушай, Вера; ведь ты теперь ничем не занята?

Вера. Нет-с.

Наталья Петровна. Я спрашиваю это у тебя потому, что мне нужно с тобой поговорить… серьезно поговорить. Вот, видишь, душа моя, ты до сих пор была еще ребенком; но тебе семнадцать лет; ты умна… Пора тебе подумать о своей будущности. Ты знаешь, я люблю тебя как дочь; мой дом всегда будет твоим домом… но все-таки ты в глазах других людей — сирота; ты не богата. Тебе со временем может наскучить вечно жить у чужих людей; послушай — хочешь ты быть хозяйкой, полной хозяйкой в своем доме?

Вера (*медленно*). Я вас не понимаю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*помолчав*). У меня просят твоей руки. (*Вера с изумлением глядит на Наталью Петровну.*) Ты этого не ожидала; признаюсь, мне самой оно кажется несколько странным. Ты еще так молода… Мне нечего тебе говорить, что я нисколько не намерена принуждать тебя… по-моему, тебе еще рано выходить замуж; я только сочла долгом сообщить тебе… (*Вера вдруг закрывает лицо руками.*) Вера… что это? Ты плачешь?

(*Берет ее за руку*.) Ты вся дрожишь?.. Неужели ты меня боишься, Вера?

Вера (*глухо*). Я в вашей власти, Наталья Петровна…

Наталья Петровна (*отнимая Вере руки от лица*). Вера, как тебе не стыдно плакать? Как не стыдно тебе говорить, что ты в моей власти? За кого ты меня почитаешь? Я говорю с тобой как с дочерью, а ты… (*Вера целует у ней руки*.) А? Вы в моей власти? Так извольте же сейчас рассмеяться… Я вам приказываю… (*Вера улыбается сквозь слезы*.) Вот так. (*Наталья Петровна обнимает ее одной рукой и притягивает к себе*.) Вера, дитя мое, будь со мною, как бы ты была с твоей матерью, или нет, лучше вообрази, что я твоя старшая сестра, и давай потолкуем вдвоем обо всех этих чудесах… Хочешь?

Вера. Я готова-с.

Наталья Петровна. Ну слушай же… Пододвинься поближе. Вот так. Во-первых: так как ты моя сестра, положим, то мне не для чего уверять тебя, что ты здесь у себя дома: такие глазки везде дома. Стало быть, тебе и в голову не должно прийти, что ты кому-нибудь на свете в тягость и что от тебя хотят отделаться… Слышишь? Но вот в один прекрасный день твоя сестра приходит к тебе и

говорит: вообрази себе, Вера, за тебя сватаются… А? Что ты ей на это ответишь? Что ты еще очень молода, что ты и не думаешь о свадьбе?

Вера. Да-с.

Наталья Петровна. Да не говори мне: да-с. Разве сестрам говорят: да-с?

Вера (*улыбаясь*). Ну… да.

Наталья Петровна. Твоя сестра с тобой согласится, жениху откажут, и делу конец. Но если жених человек хороший, с состояньем. Если он готов ждать. Если он просит только позволенья изредка тебя видеть, в надежде со временем тебе понравиться.

Вера. А кто этот жених?

Наталья Петровна. А! Ты любопытна. Ты не догадываешься?

Вера Нет.

Наталья Петровна. Ты его сегодня видела. (*Вера вся краснеет.*) Он, правда, не очень собой хорош и не очень молод… Большинцов.

Вера. Афанасий Иваныч?

Наталья Петровна. Да… Афанасий Иваныч.

Вера (*глядит некоторое время на Наталью, вдруг начинает смеяться и останавливается*). Вы не шутите?

Наталья Петровна (*улыбаясь*). Нет… но, я вижу,

Большинцову больше нечего здесь делать. Если бы ты заплакала при его имени, он бы мог еще надеяться, но ты рассмеялась. Ему остается одно: отправиться с богом восвояси.

Вера. Извините меня… но, право, я никак не ожидала… Разве в его лета еще женятся?

Наталья Петровна. Да что ты думаешь? Сколько ему лет? Ему пятидесяти лет нету. Он в самой поре.

Вера. Может быть… но у него такое странное лицо…

Наталья Петровна. Ну не станем больше говорить о нем. Он умер, похоронен… Бог с ним! Впрочем, оно понятно: девочке в твои лета такой человек, как Большинцов, не может понравиться… Вы все хотите выйти замуж по любви, не по рассудку, не правда ли?

Вера. Да, Наталья Петровна, вы… разве вы тоже не по любви вышли за Аркадия Сергеича?

Наталья Петровна (*помолчав*). Конечно, по любви. (*Помолчав опять и стиснув руку Вере.*) Да, Вера… я тебя сейчас назвала девочкой… но девочки правы. (*Вера опускает глаза.*) Итак, это дело решенное. Большинцов в отставке. Признаться, мне самой было бы не совсем приятно видеть его пухлое старое лицо рядом с твоим свежим

личиком, хотя он, впрочем, очень хороший человек. Вот видишь ли ты теперь, как напрасно ты меня боялась? Как все скоро уладилось!.. (*С упреком.*) Право, ты обошлась со мной, как будто я была твоя благодетельница! Ты знаешь, как я ненавижу это слово…

Вера (*обнимая ее*). Простите меня, Наталья Петровна.

Наталья Петровна. То-то же. Точно ты меня не боишься?

Вера. Нет. Я вас люблю; я не боюсь вас.

Наталья Петровна. Ну благодарствуй. Стало быть, мы теперь большие приятельницы и ничего друг от друга не скроем. Ну а если бы я тебя спросила: «Верочка, скажи-ка мне на ухо: ты не хочешь выйти замуж за Большинцова только потому, что он гораздо старше тебя и собой не красавец?»

Вера. Да разве этого не довольно, Наталья Петровна?

Наталья Петровна. Я не спорю… но другой причины нет никакой?

Вера. Я его совсем не знаю…

Наталья Петровна. Все так; да ты на мой вопрос не отвечаешь.

Вера. Другой причины нету.

Наталья Петровна. В самом деле? В таком случае я бы тебе советовала еще подумать. В Большинцова, я знаю, трудно влюбиться… но он, повторяю тебе, он хороший человек. Вот если бы ты кого-нибудь другого полюбила… ну тогда другое дело. Но ведь твое сердце до сих пор еще молчит?

Вера (*робко*). Как-с?

Наталья Петровна. Ты никого еще не любишь?

Вера. Я вас люблю… Колю; я Анну Семеновну тоже люблю.

Наталья Петровна. Нет, я не об этой любви говорю, ты меня не понимаешь… Например — из числа молодых людей, которых ты могла видеть здесь или в гостях, неужели ж ни один тебе не нравится?

Вера. Нет-с… иные мне нравятся, но…

Наталья Петровна. Например, я заметила, ты на вечере у Криницыных три раза танцевала с этим высоким офицером… как бишь его?

Вера. С офицером?

Наталья Петровна. Да, у него еще такие большие усы.

Вера. Ах, этот!.. Нет, он мне не нравится.

Наталья Петровна Ну, а Шаланский?

Вера. Шаланский хороший человек; но он… Я думаю, ему не до меня.

Наталья Петровна. А что?

Вера. Он… он, кажется, больше думает о Лизе Вельской.

Наталья Петровна (*взглянув на нее*). А!.. Ты это заметила?.. (*Молчание.*) Ну а Ракитин?

Вера. Я Михаила Александровича очень люблю…

Наталья Петровна. Да, как брата. А кстати, Беляев…

Вера (*покраснев*). Алексей Николаич? Алексей Николаич мне нравится.

Наталья Петровна (*наблюдая за Верой*). Да, он хороший человек. Только он так со всеми дичится…

Вера (*невинно*). Нет-с… Он со мной не дичится.

Наталья Петровна. А!

Вера. Он со мной разговаривает-с. Вам, может быть, оттого это кажется, что он… Он вас боится. Он еще не успел вас узнать.

Наталья Петровна. А ты почему знаешь, что он меня боится?

Вера. Он мне сказывал.

Наталья Петровна. А! Он тебе сказывал… Он, стало быть, откровеннее с тобой, чем с другими?

Вера. Я не знаю, как он с другими, но со мной… может быть, оттого, что мы оба сироты. Притом…

я в его глазах… ребенок.

Наталья Петровна. Ты думаешь? Впрочем, он мне тоже очень нравится. У него, должно быть, доброе сердце.

Вера. Ах, предоброе-с! Если бы вы знали… все в доме его любят. Он такой ласковый. Со всеми говорит, всем помочь готов. Он третьего дня нищую старуху с большой дороги на руках до больницы донес… Он мне цветок однажды с такого обрыва сорвал, что я от страху даже глаза закрыла; я так и думала, что он упадет и расшибется… но он так ловок! Вы сами вчера на лугу могли видеть, как он ловок.

Наталья Петровна. Да, это правда.

Вера. Помните, когда он бежал за змеем, через какой он ров перескочил? Да ему это все нипочем.

Наталья Петровна. И в самом деле он для тебя сорвал цветок с опасного места? Он, видно, тебя любит.

Вера (*помолчав*). И всегда он весел… всегда в духе…

Наталья Петровна. Это, однако же, странно. Отчего ж он при мне…

Вера (*перебивая ее*). Да я ж вам говорю, что он вас не знает. Но постойте, я ему скажу… Я ему ска-

жу, что вас нечего бояться — не правда ли? — что вы так добры…

Наталья Петровна (*принужденно смеясь*). Спасибо.

Вера. Вот вы увидите… А он меня слушается, даром что я моложе его.

Наталья Петровна. Я не знала, что ты с ним в такой дружбе… Смотри, однако, Вера, будь осторожна. Он, конечно, прекрасный молодой человек… но ты знаешь, в твои лета… Оно не годится. Могут подумать… Я уже вчера тебе это заметила — помнишь? — в саду. (*Вера опускает глаза.*) С другой стороны, я не хочу тоже препятствовать твоим наклонностям, я слишком уверена в тебе и в нем… но все-таки… Ты не сердись на меня, душа моя, за мой педантизм… это наше, стариковское дело надоедать молодежи наставлениями. Впрочем, я все это напрасно говорю; ведь, не правда ли, он тебе нравится — и больше ничего?

Вера (*робко поднимая глаза*). Он…

Наталья Петровна. Вот ты опять на меня по-прежнему смотришь? Разве так смотрят на сестру? Вера, послушай, нагнись ко мне… (*Лаская ее.*) Что, если бы сестра, настоящая твоя сестра, тебя теперь спросила на ушко: Верочка, ты точно

никого не любишь? А? Что бы ты ей отвечала? (*Вера нерешительно взглядывает на Наталью Петровну.)* Эти глазки мне что-то хотят сказать… (*Вера вдруг прижимает свое лицо к ее груди. Наталья Петровна бледнеет и, помолчав, продолжает.*) Ты любишь? Скажи, любишь?

Вера (*не поднимая головы*). Ах! Я не знаю сама, что со мной…

Наталья Петровна. Бедняжка! Ты влюблена… (*Вера еще более прижимается к груди Натальи Петровны.*) Ты влюблена… а он? Вера, он?

Вера (*все еще не поднимая головы*). Что вы у меня спрашиваете… Я не знаю… Может быть… Я не знаю, не знаю… (*Наталья Петровна вздрагивает и остается неподвижной. Вера поднимает голову и вдруг замечает перемену в ее лице.*) Наталья Петровна, что с вами?

Наталья Петровна (*приходя в себя*). Со мной… ничего… Что?.. Ничего.

Вера. Вы так бледны, Наталья Петровна… Что с вами? Позвольте, я позвоню… (*Встает.*)

Наталья Петровна. Нет, нет… не звони… Это ничего… Это пройдет. Вот уж оно и прошло.

Вера. Позвольте мне по крайней мере позвать кого-нибудь…

Наталья Петровна. Напротив… я… я хочу

остаться одна. Оставь меня; слышишь? Мы еще поговорим. Ступай.

Вера. Вы не сердитесь на меня, Наталья Петровна?

Наталья Петровна. Я? За что? Нисколько. Я, напротив, благодарна тебе за твое доверие… Только оставь меня, пожалуйста, теперь. (*Вера хочет взять ее руку, но Наталья Петровна отворачивается, как будто не замечая движения Веры.*)

Вера (*со слезами на глазах*). Наталья Петровна.

Наталья Петровна. Оставьте меня, прошу вас. (*Вера медленно уходит в кабинет.*)

Наталья Петровна. (*Одна, остается некоторое время неподвижной.*) Теперь мне все ясно… Эти дети друг друга любят… (*Останавливается и проводит рукой по лицу.*) Что ж? Тем лучше… Дай Бог им счастья! (*Смеясь.*) И я… я могла подумать… (*Останавливается опять.*) Она скоро проболталась… Признаюсь, я и не подозревала… Признаюсь, эта новость меня поразила… Но погодите, не все еще кончено. Боже мой… что я говорю? что со мной? Я себя не узнаю. До чего я дошла? (*Помолчав.*) Что это я делаю? Я бедную девочку хочу замуж выдать… за старика!.. Подсылаю доктора… тот догадывается, намекает… Аркадий, Ракитин… Да я… (*Содрогается и вдруг*

поднимает голову.) Да что ж это наконец? Я к Вере ревную? Я… я влюблена в него, что ли? (*Помолчав*.) И ты еще сомневаешься? Ты влюблена, несчастная! Как это сделалось… не знаю. Словно мне яду дали… Вдруг все разбито, рассеяно, унесено… Он боится меня… Все меня боятся. Что ему во мне?.. На что ему такое существо, как я? Он молод, и она молода. А я! (*Горько*.) Где ему меня оценить? Они оба глупы, как говорит Ракитин… Ах! ненавижу я этого умника! А Аркадий, доверчивый, добрый мой Аркадий! Боже мой, боже мой! пошли мне смерть! (*Встает*.) Однако, мне кажется, я с ума схожу. К чему преувеличивать! Ну да… я поражена… мне это в диковинку, это в первый раз… я… да! в первый раз! Я в первый раз теперь люблю! (*Она садится опять*.) Он должен уехать. Да. И Ракитин тоже. Пора мне опомниться. Я позволила себе отступить на шаг — и вот! Вот до чего я дошла. И что мне в нем понравилось? (*Задумывается*.) Так вот оно, это страшное чувство… Аркадий! Да, я уйду в его объятия, я буду умолять его простить меня, защитить, спасти меня. Он… и больше никого! Все другие мне чужие и должны мне остаться чужими… Но разве… разве нет другого средства? Эта девочка — она ребенок. Она могла ошибиться. Это все детство наконец…

Из чего я… Я сама с ним объяснюсь, я спрошу у него… (*С укоризной.*) А, а? Ты еще надеешься? Ты еще хочешь надеяться? И на что я надеюсь! Боже мой, не дай мне презирать самое себя! (*Склоняет голову на руки. Из кабинета входит Ракитин, бледный и встревоженный.*)

Ракитин (*подходя к Наталье Петровне*). Наталья Петровна… (*Она не шевелится. Про себя.*) Что это у ней могло быть такое с Верой? (*Громко.*) Наталья Петровна…

Наталья Петровна (*поднимая голову*). Кто это? А! Вы.

Ракитин. Мне Вера Александровна сказала, что вы нездоровы… я…

Наталья Петровна (*отворачиваясь*). Я здорова… С чего она взяла…

Ракитин. Нет, Наталья Петровна; вы нездоровы, посмотрите на себя.

Наталья Петровна. Ну, может быть… да вам-то что? Что вам надобно? Зачем вы пришли?

Ракитин (*тронутым голосом*). Я вам скажу, зачем я пришел. Я пришел просить у вас прощенья. Полчаса тому назад я был несказанно глуп и груб с вами… Простите меня. Видите ли, Наталья Петровна, как бы скромны ни были желанья и… и надежды человека, ему трудно не потеряться

хотя на мгновенье, когда их внезапно у него вырывают; но я теперь опомнился, я понял свое положенье и свою вину и желаю только одного — вашего прощенья. (*Он тихо садится подле нее.*) Взгляните на меня… не отворачивайтесь тоже и вы. Перед вами ваш прежний Ракитин, ваш друг, человек, который не требует ничего, кроме позволенья служить вам, как вы говорили, опорой… Не лишайте меня вашего доверия, располагайте мной и забудьте, что я некогда… Забудьте все, что могло вас оскорбить…

Наталья Петровна (*которая все время неподвижно глядела на пол*). Да, да… (*Останавливаясь.*) Ах, извините, Ракитин, я ничего не слышала, что вы такое мне говорили.

Ракитин (*печально*). Я говорил… я просил у вас прощенья, Наталья Петровна. Я спрашивал у вас, хотите ли вы позволить мне остаться вашим другом.

Наталья Петровна (*медленно поворачиваясь к нему и кладя обе руки ему на плечи*). Ракитин, скажите, что со мной?

Ракитин (*помолчав*). Вы влюблены.

Наталья Петровна (*медленно повторяя за ним*). Я влюблена… Но это безумие, Ракитин. Это невозможно. Разве это может так внезапно… Вы

говорите, я влюблена… (*Умолкает.*)

Ракитин. Да, вы влюблены, бедная женщина… Не обманывайте себя.

Наталья Петровна (*не глядя на него*). Что ж мне остается теперь делать?

Ракитин. Я готов вам это сказать, Наталья Петровна, если вы мне обещаете…

Наталья Петровна (*прерывая его и все не глядя на него*). Вы знаете, что эта девочка, Вера, его любит… Они оба друг в друга влюблены.

Ракитин. В таком случае еще одной причиной больше…

Наталья Петровна (*опять его прерывает*). Я давно это подозревала, но она сама сейчас во всем созналась… сейчас.

Ракитин (*вполголоса, словно про себя*). Бедная женщина!

Наталья Петровна (*проводя рукой по лицу*). Ну однако… пора опомниться. Вы мне, кажется, хотели что-то сказать… Посоветуйте мне, ради бога, Ракитин, что мне делать…

Ракитин. Я готов вам советовать, Наталья Петровна, только под одним условием.

Наталья Петровна. Говорите, что такое?

Ракитин. Обещайте мне, что вы не будете подозревать мои намерения. Скажите мне, что вы

верите моему бескорыстному желанию помочь вам; помогите мне тоже и вы. Ваша доверенность даст мне силу, или уж лучше позвольте мне молчать.

Наталья Петровна. Говорите, говорите.

Ракитин. Вы не сомневаетесь во мне?

Наталья Петровна. Говорите.

Ракитин. Ну так слушайте: он должен уехать. (*Наталья Петровна молча глядит на него.*) Да, он должен уехать. Я не стану говорить вам о… вашем муже, о вашем долге. В моих устах эти слова… неуместны… Но эти дети любят друг друга. Вы сами это мне сейчас сказали; вообразите же вы себя теперь между ними… Да вы погибнете!

Наталья Петровна. Он должен уехать… (*Помолчав.*) А вы? Вы останетесь?

Ракитин (*со смущением*). Я?.. Я?.. (*Помолчав.*) И я должен уехать. Для вашего покоя, для вашего счастья, для счастья Верочки, и он… и я… мы оба должны уехать навсегда.

Наталья Петровна. Ракитин… я до того дошла, что я… я почти готова была эту бедную девочку, сироту, порученную мне моею матерью, — выдать замуж за глупого, смешного старика!.. У меня духа недостало, Ракитин; слова у меня замерли на губах, когда она рассмеялась в ответ на мое пред-

ложенье… но я сговаривалась с этим доктором, я позволяла ему значительно улыбаться; я сносила эти улыбки, его любезности, его намеки… О, я чувствую, что я на краю пропасти, спасите меня!

Ракитин. Наталья Петровна, вы видите, что я был прав… (*Она молчит; он поспешно продолжает.*) Он должен уехать… мы оба должны уехать… Другого спасенья нет.

Наталья Петровна (*уныло*). Но для чего же жить потом?

Ракитин. Боже мой, неужели же до этого дошло… Наталья Петровна, вы выздоровеете, поверьте мне… Это все пройдет. Как для чего жить?

Наталья Петровна. Да, да, для чего жить, когда все меня оставляют?

Ракитин. Но… ваше семейство (*Наталья Петровна опускает глаза.*) Послушайте, Если вы хотите, после его отъезда я могу несколько дней еще остаться… для того, чтобы…

Наталья Петровна (*мрачно*). А! Я вас понимаю. Вы рассчитываете на привычку, на прежнюю дружбу… Вы надеетесь, что я приду в себя, что я к вам вернусь; не правда ли? Я понимаю вас.

Ракитин (*краснея*). Наталья Петровна! Зачем вы меня оскорбляете?

Наталья Петровна (*горько*). Я вас понимаю… но

вы обманываетесь.

Ракитин. Как? После ваших обещаний, после того как я для вас, для вас одних, для вашего счастья, для вашего положенья в свете, наконец…

Наталья Петровна. А! Давно ли вы так об нем заботитесь? Зачем же вы прежде никогда мне не говорили об этом?

Ракитин (*вставая*). Наталья Петровна, я сегодня же, я сейчас уеду отсюда, и вы более меня никогда не увидите… (*Хочет идти.*)

Наталья Петровна (*протягивая к нему руки*). Мишель, простите меня; я сама не знаю, что я говорю… Вы видите, в каком я положении. Простите меня.

Ракитин (*быстро возвращается к ней и берет ее за руки*). Наталья Петровна…

Наталья Петровна. Ах, Мишель, мне невыразимо тяжело… (*Прислоняется на его плечо и прижимает платок к глазам.*) Помогите мне, я погибла без вас… (*В это мгновенье дверь залы растворяется, входят Ислаев и Анна Семеновна.*)

Ислаев (*громко*). Я всегда был того мнения… (*Останавливается в изумлении при виде Ракитина и Натальи Петровны. Наталья Петровна оглядывается и быстро уходит. Ракитин остается на месте, чрезвычайно смущенный.*)

Ислаев (*Ракитину*). Что это значит? Что за сцена?

Ракитин. Так… ничего… это…

Ислаев. Наталья Петровна нездорова, что ли?

Ракитин. Нет… но…

Ислаев. И отчего она вдруг убежала? О чем вы с ней говорили? Она как будто плакала… Ты ее утешал… Что такое?

Ракитин. Право, ничего.

Анна Семеновна. Однако как же ничего, Михайло Александрыч? (*Помолчав.*) Я пойду посмотрю… (*Хочет идти в кабинет.*)

Ракитин (*останавливая ее*). Нет, вы лучше оставьте ее теперь в покое, прошу вас.

Ислаев. Да что все это значит? Скажи наконец!

Ракитин. Ничего, клянусь тебе… Послушайте, я обещаю вам обоим сегодня же все объяснить. Слово даю вам. Но теперь, пожалуйста, если вы мне доверяете, не спрашивайте у меня ничего — и Натальи Петровны не тревожьте.

Ислаев. Пожалуй… только это удивительно. С Наташей этого прежде не бывало. Это что-то необыкновенно.

Анна Семеновна. Главное — что могло заставить Наташу плакать? И отчего она ушла!.. Разве мы чужие?

Ракитин. Что вы говорите! Как можно! Но послушайте — признаться сказать, мы не докончили нашего разговора… Я вас должен попросить… обоих: оставьте нас на некоторое время одних.

Ислаев. Вот как! Стало быть, между вами тайна?

Ракитин. Тайна… но ты ее узнаешь.

Ислаев (*подумавши*). Пойдемте, маменька… оставимте их. Пусть они докончат свою таинственную беседу.

Анна Семеновна. Но…

Ислаев. Пойдемте, пойдемте. Вы слышите, он обещается все объяснить.

Ракитин. Ты можешь быть спокоен…

Ислаев (*холодно*). О, я совершенно спокоен! (*К Анне Семеновне.*) Пойдемте. (*Уходят оба.*)

Ракитин (*глядит им вслед и быстро подходит к дверям кабинета*). Наталья Петровна… Наталья Петровна, выходите, прошу вас.

Наталья Петровна (*выходит из кабинета. Она очень бледна*). Что они сказали?

Ракитин. Ничего, успокойтесь… Они точно несколько удивились. Ваш муж подумал, что вы нездоровы… Он заметил ваше волнение… Сядьте; вы едва на ногах стоите… (*Наталья Петровна садится.*) Я ему сказал… я попросил его не беспо-

коить вас… оставить нас одних.

Наталья Петровна. И он согласился?

Ракитин. Да. Я, признаться, должен был ему обещать, что завтра все объясню… Зачем вы ушли?

Наталья Петровна (*горько*). Зачем!.. Но что ж вы скажете?

Ракитин. Я… я придумаю что-нибудь. Теперь дело не в том… Надобно нам воспользоваться этой отсрочкой. Вы видите, это не может так продолжаться… Вы не в состоянье переносить подобные тревоги… они недостойны вас… я сам… Но не об этом речь. Будьте только вы тверды, а уж я! Послушайте, вы ведь согласны со мной…

Наталья Петровна. В чем?

Ракитин. В необходимости… нашего отъезда? Согласны? В таком случае мешкать нечего. Если вы мне позволите, я сейчас сам переговорю с Беляевым… Он благородный человек, он поймет…

Наталья Петровна. Вы хотите с ним переговорить? вы? Но что вы ему можете сказать?

Ракитин (*со смущением*). Я…

Наталья Петровна (*помолчав*). Ракитин, послушайте, не кажется ли вам, что мы оба словно сумасшедшие?.. Я испугалась, перепугала вас, и все, может быть, из пустяков.

Ракитин. Как?

Наталья Петровна. Право. Что это мы с вами? Давно ли, кажется, все было так тихо, так покойно в этом доме… и вдруг… откуда что взялось! Право, мы все с ума сошли. Полноте, довольно мы подурачились… Станемте жить по-прежнему… А Аркадию вам нечего будет объяснять; я сама ему расскажу наши проказы, и мы вдвоем над ними посмеемся. Я не нуждаюсь в посреднике между мной и моим мужем!

Ракитин. Наталья Петровна, вы теперь меня пугаете. Вы улыбаетесь и бледны как смерть… Да вспомните хоть то, что вы мне за четверть часа говорили…

Наталья Петровна. Мало ли чего нет! А впрочем, я вижу, в чем дело… Вы сами поднимаете эту бурю… для того, чтобы по крайней мере не одному потонуть.

Ракитин. Опять, опять подозрение, опять упрек, Наталья Петровна… Бог с вами… но вы меня терзаете. Или вы раскаиваетесь в своей откровенности?

Наталья Петровна. Я ни в чем не раскаиваюсь.

Ракитин. Так как же мне понять вас?

Наталья Петровна (*с живостью*). Ракитин, если вы хотя слово скажете от меня или обо мне Беляеву, я вам этого никогда не прощу.

Ракитин. А! Вот что!.. Будьте покойны, Наталья Петровна. Я не только ничего не скажу господину Беляеву, но даже не прощусь с ним, уезжая отсюда. Я не намерен навязываться со своими услугами.

Наталья Петровна (*с некоторым смущением*). Да вы, может быть, думаете, что я переменила свое мнение насчет… его отъезда?

Ракитин. Я ничего не думаю.

Наталья Петровна. Напротив, я так убеждена в необходимости, как вы говорите, его отъезда, что я сама намерена ему отказать. (*Помолчав.*) Да; я сама ему откажу.

Ракитин. Вы?

Наталья Петровна. Да, я. И сейчас же. Я вас прошу прислать его ко мне.

Ракитин. Как? Сейчас?

Наталья Петровна. Сейчас. Я прошу вас об этом, Ракитин. Вы видите, я теперь спокойна. Притом мне теперь не помешают. Надобно этим воспользоваться… Я вам буду очень благодарна. Я его расспрошу.

Ракитин. Да он вам ничего не скажет, помилуйте. Он мне сам сознался, что ему в вашем присутствии неловко.

Наталья Петровна (*подозрительно*). А! Вы уже

говорили с ним обо мне? (*Ракитин пожимает плечами.*) Ну извините, извините меня, Мишель, и пришлите мне его. Вы увидите, я ему откажу, и все кончится. Все пройдет и позабудется, как дурной сон. Пожалуйста, пришлите его мне. Мне непременно нужно с ним переговорить окончательно. Вы будете мной довольны. Пожалуйста.

Ракитин (*который все время не сводил с нее взора, холодно и печально*). Извольте. Ваше желание будет исполнено. (*Идет к дверям залы.*)

Наталья Петровна (*ему вслед*). Благодарствуйте, Мишель.

Ракитин (*оборачиваясь*). О, не благодарите меня по крайней мере… (*Быстро уходит в залу.*)

Наталья Петровна (*одна, помолчав*). Он благородный человек… Но неужели я когда-нибудь его любила? (*Встает.*) Он прав. Тот должен уехать. Но как отказать ему! Я только желаю знать, точно ли ему нравится эта девочка? Может быть, это все пустяки. Как могла я прийти в такое волнение… к чему все эти излияния? Ну, теперь делать нечего. Желаю я знать, что он мне скажет? Но он должен уехать… Непременно… непременно. Он, может быть, не захочет мне отвечать… Ведь он меня боится… Что ж? Тем лучше. Мне нечего с ним много разговаривать… (*Прикладывает руку ко*

лбу.) А у меня голова болит. Не отложить ли до завтра? В самом деле. Сегодня мне все кажется, что за мной наблюдают… До чего я дошла! Нет, уж лучше кончить разом… Еще одно, последнее усилие, и я свободна!.. О да! я жажду свободы и покоя. (*Из залы входит Беляев*.) Это он…

Беляев (*подходя к ней*). Наталья Петровна, мне Михайло Александрыч сказал, что вам угодно было меня видеть…

Наталья Петровна (*с некоторым усилием*). Да, точно… Мне нужно с вами… объясниться.

Беляев. Объясниться?

Наталья Петровна (*не глядя на него*). Да… объясниться. (*Помолчав*.) Позвольте вам сказать, Алексей Николаич, я… я недовольна вами.

Беляев. Могу я узнать, какая причина?

Наталья Петровна. Выслушайте меня… Я… я, право, не знаю, с чего начать. Впрочем, я должна предупредить вас, что мое неудовольствие не происходит от какого-нибудь упущения… по вашей части… Напротив, ваше обращение с Колей мне нравится.

Беляев. Так что же это может быть?

Наталья Петровна (*взглянув на него*). Вы напрасно тревожитесь… Ваша вина еще не так велика. Вы молоды; вероятно, никогда не жили в

чужом доме. Вы не могли предвидеть…

Беляев. Но, Наталья Петровна…

Наталья Петровна. Вы желаете знать, в чем же дело наконец? Я понимаю ваше нетерпение. Итак, я должна вам сказать, что Верочка… (*взглянув на него*) Верочка мне во всем призналась.

Беляев (*с изумлением*). Вера Александровна? В чем могла вам признаться Вера Александровна? И что же я тут?

Наталья Петровна. И вы точно не знаете, в чем она могла признаться? Вы не догадываетесь?

Беляев. Я? Нисколько.

Наталья Петровна. В таком случае извините меня. Если вы точно не догадываетесь — я должна просить у вас извинения. Я думала… я ошибалась. Но, позвольте вам заметить, я вам не верю. Я понимаю, что вас заставляет так говорить… Я очень уважаю вашу скромность.

Беляев. Я вас решительно не понимаю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна. В самом деле? Неужели вы думаете меня уверить, что вы не заметили расположения этого ребенка, Веры, к вам?

Беляев. Расположение Веры Александровны ко мне? Я даже не знаю, что вам сказать на это… Помилуйте. Кажется, я всегда был с Верой Алек-

сандровной как…

Наталья Петровна. Как со всеми, не правда ли? (*Помолчав немного*.) Как бы то ни было, точно ли вы этого не знаете, притворяетесь ли вы, что не знаете, дело вот в чем: эта девочка вас любит. Она сама мне в этом созналась. Ну теперь я спрашиваю вас, как честного человека, что вы намерены сделать?

Беляев (*со смущением*). Что я намерен сделать?

Наталья Петровна (*скрестив руки*). Да.

Беляев. Все это так неожиданно, Наталья Петровна…

Наталья Петровна (*помолчав*). Алексей Николаич, я вижу… я нехорошо взялась за это дело. Вы меня не понимаете. Вы думаете, что я сержусь на вас… а я… только… немного взволнована. И это очень естественно. Успокойтесь. Сядемте. (*Оба садятся*.) Я буду откровенна с вами, Алексей Николаич, будьте же и вы хотя несколько более доверчивы со мной. Право, вы напрасно меня чуждаетесь. Вера вас любит… конечно, вы в этом не виноваты; я готова предположить, что вы в этом не виноваты… Но видите ли, Алексей Николаич, она сирота, моя воспитанница: я отвечаю за нее, за ее будущность, за ее счастье. Она еще молода, и, я уверена, чувство, которое вы внуши-

ли ей, может скоро исчезнуть… в ее лета любят ненадолго. Но вы понимаете, что моя обязанность была предупредить вас. Играть огнем все-таки опасно… и я не сомневаюсь, что вы, зная теперь ее расположение к вам, перемените ваше обращение с ней, будете избегать свиданий, прогулок в саду… Не правда ли? Я могу на вас надеяться… С другим я бы побоялась так прямо объясниться.

Беляев. Наталья Петровна, поверьте, я умею ценить…

Наталья Петровна. Я вам говорю, что я в вас не сомневаюсь… притом это все останется тайной между нами.

Беляев. Признаюсь вам, Наталья Петровна, все, что вы мне сказали, кажется мне до того странным… конечно, я не смею не верить вам, но…

Наталья Петровна. Послушайте, Алексей Николаич. Все, что я сказала вам теперь… я это сказала в том предположенье, что с вашей стороны — нет ничего… (*прерывает самое себя*) потому что в противном случае… конечно, я вас еще мало знаю, но я настолько уже знаю вас, что не вижу причины противиться вашим намерениям. Вы не богаты… но вы молоды, у вас есть будущность, и когда два человека друг друга любят… Я, повторяю вам, я сочла своей обязанностью предупредить вас, как

честного человека, насчет последствий вашего знакомства с Верой, но если вы…

Беляев (*с недоумением*). Я, право, не знаю, Наталья Петровна, что вы хотите сказать…

Наталья Петровна (*поспешно*). О, поверьте, я не требую от вас признания, я и без того… я из вашего поведения пойму, в чем дело… (*Взглянув на него.*) Впрочем, я должна вам сказать, что Вере показалось, что и вы к ней не совсем равнодушны.

Беляев (*помолчав, встает*). Наталья Петровна, я вижу, мне нельзя остаться у вас в доме.

Наталья Петровна (*вспыхнув*). Вы бы, кажется, могли подождать, чтобы я вам сама отказала… (*Встает.*)

Беляев. Вы были со мной откровенны… Позвольте же и мне быть откровенным с вами. Я не люблю Веру Александровну; по крайней мере я не люблю ее так, как вы предполагаете.

Наталья Петровна. Да разве я… (*Останавливается.*)

Беляев. И, если я понравился Вере Александровне, если ей показалось, что и я, как вы говорите, к ней неравнодушен, я не хочу ее обманывать; я ей самой все скажу, всю правду. Но после подобного объясненья, вы поймете сами, Наталья Петровна, мне будет трудно здесь остать-

ся: мое положение было бы слишком неловко. Я не стану вам говорить, как мне тяжело оставить ваш дом… мне другого делать нечего. Я всегда с благодарностью буду вспоминать об вас… Позвольте мне удалиться… Я еще буду иметь честь проститься с вами.

Наталья Петровна (*с притворным равнодушием*). Как хотите… но я, признаюсь, этого не ожидала… Я совсем не для того хотела с вами объясниться… Я только хотела предупредить вас… Вера еще дитя… Я, может быть, придала всему этому слишком много значенья. Я не вижу необходимости вашего отъезда. Впрочем, как хотите.

Беляев. Наталья Петровна… мне, право, невозможно более остаться здесь.

Наталья Петровна. Вам, видно, очень легко расстаться с нами!

Беляев. Нет, Наталья Петровна, не легко.

Наталья Петровна. Я не привыкла удерживать людей против их воли… но, признаюсь, это мне очень неприятно.

Беляев (*после некоторой нерешимости*). Наталья Петровна… я не желал бы причинить вам малейшую неприятность… Я остаюсь.

Наталья Петровна (*подозрительно*). А!.. (*Помолчав.*) Я не ожидала, что вы так скоро перемените

ваше решение… Я вам благодарна, но… Позвольте мне подумать. Может быть, вы правы; может быть, вам точно надобно уехать. Я подумаю, я вам дам знать… Вы позволите мне до сегодняшнего вечера оставить вас в неизвестности?

Беляев. Я готов ждать, сколько вам угодно. (*Кланяется и хочет уйти.*)

Наталья Петровна. Вы мне обещаете…

Беляев (*останавливаясь*). Что-с?

Наталья Петровна. Вы, кажется, хотели объясниться с Верой… Я не знаю, будет ли это прилично. Впрочем, я вам дам знать мое решение. Я начинаю думать, что вам точно надобно уехать. До свидания. (*Беляев вторично кланяется и уходит в залу. Наталья Петровна глядит ему вслед.*) Я спокойна! Он ее не любит… (*Прохаживается по комнате.*) Итак, вместо того чтобы отказать ему, я сама его удержала? Он остается… Но что я скажу Ракитину? Что я сделала? (*Помолчав.*) И какое имела я право разгласить любовь этой бедной девочки?.. Как? Я сама выманила у ней признание… полупризнание, и потом я же сама так безжалостно, так грубо… (*Закрывает лицо руками.*) Может быть, он начинал ее любить… С какого права я растоптала этот цветок в зародыше… Да и полно, растоптала ли я его? Может быть,

он обманул меня… Хотела же я его обмануть!.. О нет! Он для этого слишком благороден… Он не то что я! И из чего я так торопилась? сейчас все разболтала? (*Вздохнув.*) Мало чего нет? Если бы я могла предвидеть… Как я хитрила, как я лгала перед ним… а он! Как он смело и свободно говорил… Я склонялась перед ним… Это человек! Я его еще не знала… Он должен уехать. Если он останется… Я чувствую, я дойду до того, что я потеряю всякое уважение к самой себе… Он должен уехать, или я погибла! Я ему напишу, пока он еще не успел увидаться с Верой… Он должен уехать! (*Быстро уходит в кабинет.*)

Действие четвертое

Театр представляет большие пустые сени. Стены голые, пол неровный, каменный, шесть кирпичных выбеленных и облупленных колонн, по три с каждого бока, поддерживают потолок. Налево два открытых окна и дверь в сад. Направо дверь в коридор, ведущий к главному дому; прямо железная дверь в кладовую. Возле первой колонны направо садовая зеленая скамья, в одном углу несколько лопат, леек и горшков. Вечер. Красные лучи солнца падают сквозь окна на пол.

Катя (*входит из двери направо, проворно идет к окну и глядит некоторое время в сад*). Нет, не видать. А мне сказали, что он пошел в оранжерею. Знать, еще не вышел оттуда. Что ж, подожду, пока мимо пойдет. Ему другой дороги нету… (*Вздыхает и прислоняется к окну.*) Он, говорят, уезжает. (*Вздыхает опять.*) Как же это мы без него будем… Бедная барышня! Как она меня просила… Что ж, отчего не услужить? Пусть поговорит с ней напоследях. Экая теплынь сегодня! А, кажись, дождик накрапывает… (*Опять взглядывает из окна и вдруг подается назад.*) Да уж они не сюда

ли?.. Точно сюда. Ах, батюшки… (*Хочет убежать, но не успевает еще дойти до двери коридора, как уже из саду входит Шпигельский с Лизаветой Богдановной. Катя прячется за колонну.*)

Шпигельский (*отряхивая шляпу*). Мы можем здесь дождик переждать. Он скоро пройдет.

Лизавета Богдановна. Пожалуй.

Шпигельский (*оглядываясь*). Что это за строение? Кладовая, что ли?

Лизавета Богдановна (*указывая на железную дверь*). Нет, кладовая вот где. Эти сени, говорят, Аркадия Сергеича батюшка пристроил, когда из чужих краев вернулся.

Шпигельский. А! Я вижу, в чем дело: Венеция, сударь ты мой. (*Садится на скамью.*) Присядемте. (*Лизавета Богдановна садится.*) А признайтесь, Лизавета Богдановна, дождик этот некстати пошел. Он перервал наши объясненья на самом чувствительном месте.

Лизавета Богдановна (*опустив глаза*). Игнатий Ильич…

Шпигельский. Но никто нам не мешает возобновить наш разговор… Кстати, вы говорите, Анна Семеновна не в духе сегодня?

Лизавета Богдановна. Да, не в духе. Она даже обедала у себя в комнате.

Шпигельский. Вот как! Экое несчастье, подумаешь!

Лизавета Богдановна. Она сегодня поутру застала Наталью Петровну в слезах… с Михаилом Александрычем… Он, конечно, свой человек, но все-таки… Впрочем, Михайло Александрыч обещался все объяснить.

Шпигельский. А! Ну напрасно ж она тревожится. Михайло Александрыч, по моему мнению, никогда не был человеком опасным, а уж теперь-то менее чем когда-нибудь.

Лизавета Богдановна. А что?

Шпигельский. Да так. Больно умно говорит. У кого сыпью, а у этих умников все язычком выходит, болтовней. Вы, Лизавета Богдановна, и вперед не бойтесь болтунов: они не опасны, а вот те, что больше молчат, да с придурью, да темпераменту много, да затылок широк, те вот опасны.

Лизавета Богдановна (*помолчав*). Скажите, Наталья Петровна точно нездорова?

Шпигельский. Так же нездорова, как мы с вами.

Лизавета Богдановна. Она за обедом ничего не кушала.

Шпигельский. Не одна болезнь отнимает аппетит.

Лизавета Богдановна. Вы у Большинцова обедали?

Шпигельский. Да, у него… Я к нему съездил. И для вас только вернулся, ей-богу.

Лизавета Богдановна. Ну, полноте. А знаете ли что, Игнатий Ильич? Наталья Петровна за что-то на вас сердится… Она за столом не совсем выгодно об вас отозвалась.

Шпигельский. В самом деле? Видно, барыням не по нутру, коли у нашего брата глаза зрячие. Делай по-ихнему, помогай им — да и притворяйся еще, что не понимаешь их. Вишь, какие! Ну однако, посмотрим. И Ракитин, чай, нос на квинту повесил?

Лизавета Богдановна. Да, он сегодня тоже как будто не в своей тарелке…

Шпигельский. Гм. А Вера Александровна? Беляев?

Лизавета Богдановна. Все, таки решительно все не в духе. Я, право, не могу придумать, что с ними сегодня со всеми?

Шпигельский. Много будете знать, до времени состаритесь, Лизавета Богдановна… Ну впрочем, бог с ними. Поговоримте лучше об нашем деле. Дождик-то, вишь, все еще не перестал… Хотите?

Лизавета Богдановна (*жеманно опустив глаза*).

Что вы у меня спрашиваете, Игнатий Ильич?

Шпигельский. Эх, Лизавета Богдановна, позвольте вам заметить: что вам за охота жеманиться, глаза вдруг эдак опускать? Мы ведь с вами люди не молодые! Эти церемонии, нежности, вздохи — это все к нам нейдет. Будемте говорить спокойно, дельно, как оно и прилично людям наших лет. Итак, вот в чем вопрос: мы друг другу нравимся… по крайней мере я предполагаю, что я вам нравлюсь.

Лизавета Богдановна (*слегка жеманясь*). Игнатий Ильич, право…

Шпигельский. Ну да, да, хорошо. Вам, как женщине, оно даже и следует… эдак того… (*показывает рукой*) пофинтить то есть. Стало быть, мы друг другу нравимся. И в других отношениях мы тоже под пару. Я, конечно, про себя должен сказать, что я человек рода не высокого: ну да ведь и вы не знатного происхождения. Я человек небогатый; в противном случае я бы ведь и того-с… (*Усмехается.*) Но практика у меня порядочная, больные мои не все мрут; у вас, по вашим словам, пятнадцать тысяч наличных денег; это все, изволите видеть, недурно. Притом же вам, я воображаю, надоело вечно жить в гувернантках, ну да и с старухой возиться, вистовать ей в преферанс

и поддакивать — тоже, должно быть, не весело. С моей стороны, мне не то чтобы наскучила холостая жизнь, а стареюсь я, ну да и кухарки меня грабят; стало быть, оно все, знаете ли, приходится под лад. Но вот в чем затруднение, Лизавета Богдановна: мы ведь друг друга вовсе не знаем, то есть, по правде сказать, вы меня не знаете… Я-то вас знаю. Мне ваш характер известен. Не скажу, чтобы за вами не водилось недостатков. Вы, в девицах будучи, маленько окисли, да ведь это не беда. У хорошего мужа жена что мягкий воск. Но я желаю, чтобы и вы меня знали перед свадьбой; а то вы, пожалуй, потом на меня пенять станете… Я вас обманывать не хочу.

Лизавета Богдановна (*с достоинством*). Но, Игнатий Ильич, мне кажется, я тоже имела случай узнать ваш характер…

Шпигельский. Вы? Э, полноте… Это не женское дело. Ведь вы, например, чай, думаете, что я человек веселого нрава забавник, а?

Лизавета Богдановна. Мне всегда казалось, что вы очень любезный человек…

Шпигельский. То-то вот и есть. Видите, как легко можно ошибиться. Оттого, что я перед чужими дурачусь, анекдотцы им рассказываю, прислуживаю им, вы уж и подумали, что я в

самом деле веселый человек. Если б я в них не нуждался, в этих чужих-то, да я бы и не посмотрел на них… Я и то, где только можно, без большой опасности, знаете, их же самих на смех поднимаю… Я, впрочем, не обманываю себя; я знаю, иные господа, которым и нужен-то я на каждом шагу, и скучно-то без меня, почитают себя вправе меня презирать; да ведь и я у них не в долгу. Вот хоть бы Наталья Петровна… Вы думаете, я не вижу ее насквозь? (*Передразнивая ее.*) «Любезный доктор, я вас, право, очень люблю… у вас такой злой язык…» — хе-хе, воркуй, голубушка, воркуй. Ух, эти мне барыни! И улыбаются-то они вам и глазки эдак щурят, а на лице написана гадливость… Брезгают они нами, что ты будешь делать! Я понимаю, почему она сегодня дурно обо мне отзывается. Право, эти барыни удивительный народ! Оттого что они каждый день одеколоном моются да говорят эдак небрежно, словно роняют слова — подбирай, мол, ты! — уж они и воображают, что их за хвост поймать нельзя. Да, как бы не так! Такие же смертные, как и все мы, грешные!

Лизавета Богдановна. Игнатий Ильич… Вы меня удивляете.

Шпигельский. Я знал, что я вас удивлю. Вы, стало быть, видите, что я человек не веселый вовсе,

может быть, даже и не слишком добрый… Но я тоже не хочу прослыть перед вами тем, чем я никогда не был. Как я ни ломаюсь перед господами, шутом меня никто не видал, по носу меня еще никто не щелкнул. Они меня даже, могу сказать, побаиваются; они знают, что я кусаюсь. Однажды, года три тому назад, один господин, черноземный такой, сдуру за столом взял да мне в волосы редьку воткнул. Что вы думаете? Я его в ту же минуту и не горячась, знаете, самым вежливым образом вызвал на дуэль. Черноземного от испуга чуть паралич не хватил; хозяин извиниться его заставил — эффект вышел необыкновенный!.. Я, признаться сказать, наперед знал, что он драться не станет. Вот, видите ли, Лизавета Богдановна, самолюбия у меня тьма; да жизнь уж такая вышла. Таланты тоже не большие… учился я кой-как. Доктор я плохой, перед вами мне нечего скрываться, и если вы когда у меня занеможете, не я вас лечить стану. Кабы таланты да воспитание, я бы в столицу махнул. Ну, для здешних обывателей, конечно, лучшего доктора и не надо. Что же касается собственно моего нрава, то я должен предуведомить вас, Лизавета Богдановна: дома я угрюм, молчалив, взыскателен; не сержусь, когда мне угождают и услуживают; люблю,

чтобы замечали мои привычки и вкусно меня кормили; а впрочем, я не ревнив и не скуп, и в моем отсутствии вы можете делать все, что вам угодно. Об романтической эдакой любви между нами, вы понимаете, и говорить нечего; а впрочем, я воображаю, что со мной еще можно жить под одной крышей… Лишь бы мне угождали да не плакали при мне, этого я терпеть не могу! А я не придирчив. Вот вам моя исповедь. Ну-с, что вы теперь скажете?

Лизавета Богдановна. Что мне вам сказать, Игнатий Ильич… Если вы не очернили себя с намерением…

Шпигельский. Да чем же я себя очернил? Вы не забудьте того, что другой бы на моем месте преспокойно промолчал бы о своих недостатках, благо вы ничего не заметили, а после свадьбы, шалишь, после свадьбы поздно. Но я для этого слишком горд. (*Лизавета Богдановна взглядывает на него.*) Да, да, горд… как вы ни изволите глядеть на меня. Я перед моей будущей женой притворяться и лгать не намерен, не только из пятнадцати, изо ста тысяч; а чужому я из-за куля муки низехонько поклонюсь. Таков уж мой нрав… Чужому-то я зубы скалю, а внутренне думаю: экой ты болван, братец, на какую удочку

идешь; а с вами я говорю, что думаю. То есть, позвольте, и вам я не все говорю, что думаю; по крайней мере я вас не обманываю. Я должен вам большим чудаком казаться, точно, да вот постойте, я вам когда-нибудь расскажу мою жизнь: вы удивитесь, как я еще настолько уцелел. Вы тоже, чай, в детстве не на золоте ели, а все-таки вы, голубушка, не можете себе представить, что такое настоящая, заматерелая бедность… Впрочем, это я вам все когда-нибудь в другое время расскажу. А теперь вот вы лучше обдумайте, что я вам имел честь доложить… Обсудите хорошенько наедине это дельце, да и сообщите мне ваше решение. Вы, сколько я мог заметить, женщина благоразумная. Вы… Кстати, сколько вам лет?

Лизавета Богдановна. Мне… Мне… тридцать лет.

Шпигельский (*спокойно*). А вот и неправда: вам целых сорок.

Лизавета Богдановна (*вспыхнув*). Совсем не сорок, а тридцать шесть.

Шпигельский. Все же не тридцать. Вот и от этого вам, Лизавета Богдановна, надобно отвыкнуть… тем более что замужняя женщина в тридцать шесть лет вовсе не стара. Табак тоже вы напрасно нюхаете. (*Вставая*.) А дождик, кажется, перестал.

Лизавета Богдановна (*тоже вставая*). Да, перестал.

Шпигельский. Итак, вы мне на днях дадите ответ?

Лизавета Богдановна. Я вам завтра же скажу мое решение.

Шпигельский. Вот люблю!.. Вот что умно так умно! Ай да Лизавета Богдановна! Ну дайте ж мне вашу руку. Пойдемте домой.

Лизавета Богдановна (*отдавая ему свою руку*). Пойдемте.

Шпигельский. А кстати: я не поцеловал ее у вас… а оно, кажется, требуется… Ну, на этот раз куда ни шло! (*Целует ее руку. Лизавета Богдановна краснеет.*) Вот так. (*Направляется к двери сада.*)

Лизавета Богдановна (*останавливаясь*). Так вы думаете, Игнатий Ильич, что Михайло Александрыч точно не опасный человек?

Шпигельский. Я думаю.

Лизавета Богдановна. Знаете ли что, Игнатий Ильич? Мне кажется, Наталья Петровна с некоторых пор… мне кажется, что господин Беляев… Она обращает на него внимание… а? Да и Верочка, как вы думаете? Уж не от этого ли сегодня…

Шпигельский (*перебивая ее*). Я забыл вам еще одно сказать, Лизавета Богдановна. Я сам ужасно

любопытен, а любопытных женщин терпеть не могу. То есть я объясняюсь: по-моему, жена должна быть любопытна и наблюдательна (это даже очень полезно для ее мужа) только с другими… Вы понимаете меня: с другими. Впрочем, если вам непременно хочется знать мое мнение насчет Натальи Петровны, Веры Александровны, господина Беляева и вообще здешних жителей, слушайте же, я вам спою песенку. У меня голос прескверный, да вы не взыщите.

Лизавета Богдановна (*с удивлением*). Песенку!

Шпигельский. Слушайте! Первый куплет:

Жил-был у бабушки серенький козлик, Жил-был у бабушки серенький козлик, Фить как! вот как! серенький козлик! Фить как! вот как! серенький козлик!

Второй куплет:

Вздумалось козлику в лес погуляти, Вздумалось козлику в лес погуляти, Фить как! вот как! в лес погуляти! Фить как! вот как! в лес погуляти!

Лизавета Богдановна. Но я, право, не понимаю…

Шпигельский. Слушайте же! Третий куплет:

Серые волки козлика съели, Серые волки козлика съели (*Подпрыгивая.*) Фить как! Вот как! Козлика съели! Фить как! Вот как! Козлика съе-

ли!

А теперь пойдемте. Мне же, кстати, нужно с Натальей Петровной потолковать. Авось не укусит. Если я не ошибаюсь, я ей еще нужен. Пойдемте. (*Уходят в сад.*)

Катя (*осторожно выходя из-за колонны*). Насилу-то ушли! Экой этот лекарь злющий… говорил, говорил, что говорил! А уж поет-то как? Боюсь я, как бы тем временем Алексей Николаич домой не вернулся… И нужно ж им было именно сюда прийти! (*Подходит к окну.*) А Лизавета Богдановна? лекаршей будет… (*Смеется.*) Вишь, какая… Ну да я ей не завидую… (*Выглядывает из окна.*) Как трава славно обмылась… как хорошо пахнет… Это от черемухи так пахнет… А, да вот он идет. (*Подождав.*) Алексей Николаич!.. Алексей Николаич…

Голос Беляева (*за кулисами*). Кто меня зовет? А, это ты, Катя? (*Подходит к окну.*) Что тебе надобно?

Катя. Войдите сюда… мне вам нужно что-то сказать.

Беляев. А! Изволь. (*Отходит от окна и через минуту входит в двери.*) Вот я.

Катя. Вас дождик не замочил?

Беляев. Нет… я в теплице сидел с Потапом… что,

он тебе дядей, что ли, приходится?

Катя. Да-с. Они мне дяденька.

Беляев. Какая ты сегодня хорошенькая? (*Катя улыбается и опускает глаза. Он достает из кармана персик.*) Хочешь?

Катя (*отказываясь*). Покорно благодарю… покушайте сами.

Беляев. А я разве отказался, когда ты мне вчера малины поднесла? Возьми… я для тебя его сорвал… право.

Катя. Ну благодарствуйте. (*Берет персик.*)

Беляев. То-то же. Так что ж ты мне сказать хотела?

Катя. Барышня… Вера Александровна попросила меня… Оне желают вас видеть.

Беляев. А! Ну я сейчас к ней пойду.

Катя. Нет-с… оне сами сюда будут. Им нужно с вами переговорить.

Беляев (*с некоторым изумлением*). Она хочет сюда прийти?

Катя. Да-с. Здесь, знаете ли… Сюда никто не заходит. Здесь не могут помешать… (*Вздыхает.*) Она вас очень любит, Алексей Николаич… Она такая добрая. Я схожу теперь за ней, хотите? А вы подождете?

Беляев. Конечно, конечно.

Катя. Сейчас… (*Идет и останавливается.*) Алексей Николаич, правда ли, говорят, вы от нас уезжаете?

Беляев. Я? Нет… Кто тебе сказал?

Катя. Так вы не уезжаете? Ну и слава богу! (*Со смущением.*) Мы сейчас вернемся. (*Уходит в дверь, ведущую в дом.*)

Беляев (*остается на некоторое время неподвижным*). Это чудеса! чудеса со мной происходят. Признаюсь, я всего этого никак не ожидал… Вера меня любит… Наталья Петровна это знает… Вера сама ей во всем созналась… чудеса! Вера — такой милый, добрый ребенок; но… что значит, например, эта записка? (*Достает из кармана небольшой лоскуток бумаги.*) От Натальи Петровны… карандашом. «Не уезжайте, не решайтесь ни на что, пока я с вами не переговорила». О чем она хочет говорить со мной? (*Помолчав.*) Какие глупые мысли мне приходят в голову! Признаюсь, все это меня чрезвычайно смущает. Если бы кто-нибудь мне месяц тому назад сказал, что я… я… Я никак не могу прийти в себя после этого разговора с Натальей Петровной. Отчего у меня сердце так бьется? И теперь Вера вот хочет меня видеть… Что я ей скажу! По крайней мере я узнаю, в чем дело… Может быть, Наталья Петровна на меня

сердится… Да за что же? (*Рассматривает опять записку.*) Это все странно, очень странно. (*Дверь тихонько растворяется. Он быстро прячет записку. На пороге показываются Вера и Катя. Он подходит к ним. Вера очень бледна, не поднимает глаз и не трогается с места.*)

Катя. Не бойтесь, барышня, подойдите к нему; я буду настороже… Не бойтесь. (*Беляеву.*) Ах, Алексей Николаич! (*Она закрывает окна, уходит в сад и запирает за собою дверь.*)

Беляев. Вера Александровна… вы хотели меня видеть. Подойдите сюда, сядьте вот здесь. (*Берет ее за руку и ведет к скамье. Вера садится.*) Вот так. (*С удивлением глядя на нее.*) Вы плакали?

Вера (*не поднимая глаз*). Это ничего… Я пришла просить у вас прощения, Алексей Николаич.

Беляев. В чем?

Вера. Я слышала… у вас было неприятное объяснение с Натальей Петровной… Вы уезжаете… Вам отказали.

Беляев. Кто вам это сказал?

Вера. Сама Наталья Петровна… Я встретила ее после вашего объяснения с ней… Она мне сказала, что вы сами не хотите больше остаться у нас. Но я думаю, что вам отказали.

Беляев. Скажите, в доме это знают?

Вера. Нет… Одна Катя… Я должна была ей сказать… Я хотела с вами говорить, попросить у вас прощения. Представьте же теперь, как мне должно быть тяжело… Ведь я всему причиной, Алексей Николаич; я одна виновата.

Беляев. Вы, Вера Александровна?

Вера. Я никак не могла ожидать… Наталья Петровна… Впрочем, я ее извиняю. Извините меня и вы… Сегодня поутру я была глупым ребенком, а теперь… (*Останавливается.*)

Беляев. Еще ничего не решено, Вера Александровна… Я, может быть, останусь.

Вера (*печально*). Вы говорите, ничего не решено. Алексей Николаич… Нет, все решено, все кончено. Вот вы как со мной теперь; а помните, еще вчера в саду… (*Помолчав.*) Ах, я вижу, Наталья Петровна вам все сказала.

Беляев (*со смущением*). Вера Александровна.

Вера. Она вам все сказала, я это вижу… Она хотела поймать меня, и я, глупая, так и бросилась в ее сети… Но и она выдала себя… Я все-таки не такой уже ребенок. (*Понизив голос.*) О нет!

Беляев. Что вы хотите сказать?

Вера (*взглянув на него*). Алексей Николаич, точно ли вы сами хотели оставить нас?

Беляев. Да.

Вера. Отчего? (*Беляев молчит.*) Вы мне не отвечаете?

Беляев. Вера Александровна, вы не ошиблись… Наталья Петровна мне все сказала.

Вера (*слабым голосом*). Что, например?

Беляев. Вера Александровна… Мне, право, невозможно… Вы меня понимаете.

Вера. Она вам, может быть, сказала, что я вас люблю?

Беляев (*нерешительно*). Да.

Вера (*быстро*). Да это неправда…

Беляев (*со смущением*). Как!..

Вера (*закрывает лицо руками и глухо шепчет сквозь пальцы*). Я по крайней мере ей этого не сказала, я не помню… (*Поднимая голову.*) О, как жестоко она поступила со мной! И вы… вы от этого хотите уехать?

Беляев. Вера Александровна, посудите сами…

Вера (*взглянув на него*). Он меня не любит! (*Опять закрывает лицо.*)

Беляев (*садится подле нее и берет ее руки*). Вера Александровна, дайте мне вашу руку… Послушайте, между нами не должно быть недоразумений. Я люблю вас как сестру; я люблю вас, потому что вас нельзя не любить. Извините меня, если я… Я отроду не был в таком положении… Я бы не

желал оскорбить вас… Я не стану притворяться перед вами; я знаю, что я вам понравился, что вы меня полюбили… Но посудите сами, что из этого может выйти? Мне всего двадцать лет, за мной гроша нету. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я, право, не знаю, что вам сказать.

Вера (*отнимая руки от лица и глядя на него*). И как будто я что-нибудь требовала, боже мой! Но зачем же так жестоко, так немилосердно… (*Она останавливается.*)

Беляев. Вера Александровна, я не желал огорчить вас.

Вера. Я вас не обвиняю, Алексей Николаич. В чем вы виноваты! Виновата одна я… За то и наказана! Я и ее не обвиняю; я знаю, она добрая женщина, но она не могла переломить себя… Она потерялась.

Беляев (*с недоумением*). Потерялась?

Вера (*оборачиваясь к нему*). Наталья Петровна вас любит, Беляев.

Беляев. Как?

Вера. Она влюблена в вас.

Беляев. Что вы говорите?

Вера. Я знаю, что я говорю. Сегодняшний день меня состарил… Я не ребенок больше, поверьте. Она вздумала ревновать… ко мне! (*С горькой*

улыбкой.) Как вам это кажется?

Беляев. Да это быть не может!

Вера. Не может быть… Но зачем же она вдруг вздумала выдать меня за этого господина, как бишь его, за Большинцова? Зачем подсылала ко мне доктора, зачем сама уговаривала меня? О, я знаю, что я говорю! Если б вы могли видеть, Беляев, как у ней все лицо переменилось, когда я ей сказала… О, вы не можете себе вообразить, как хитро, как лукаво она выманивала у меня это сознание… Да, она вас любит; это слишком ясно…

Беляев. Вера Александровна, вы ошибаетесь, уверяю вас.

Вера. Нет, я не ошибаюсь. Поверьте мне: я не ошибаюсь. Если она вас не любит, зачем же она меня так истерзала? Что я ей сделала? (*Горько*.) Ревность все извиняет. Да что и говорить! И теперь вот зачем она вам отказывает? Она думает, что вы… что мы с вами… О, она может успокоиться! Вы можете остаться! (*Закрывает лицо руками*.)

Беляев. Она до сих пор мне не отказала, Вера Александровна… Я вам уже сказывал, что еще ничего не решено…

Вера (*вдруг поднимает голову и глядит на него*). В самом деле?

Беляев. Да… но зачем вы так смотрите на меня?

Вера (*словно про себя*). А! Я понимаю… Да, да… она сама еще надеется… (*Дверь из коридора быстро растворяется и на пороге показывается Наталья Петровна. Она останавливается при виде Веры и Беляева.*)

Беляев. Что вы говорите?

Вера. Да, теперь мне все ясно… Она опомнилась, она поняла, что я ей не опасна! И в самом деле, что я такое? Глупая девчонка, а она!

Беляев. Вера Александровна, как вы можете думать…

Вера. Да и наконец, кто знает? Может быть, она права… может быть, вы ее любите…

Беляев. Я?

Вера (*вставая*). Да, вы; отчего вы краснеете?

Беляев. Я, Вера Александровна?

Вера. Вы ее любите, вы можете ее полюбить?.. Вы не отвечаете на мой вопрос?

Беляев. Но помилуйте, что вы хотите, чтобы я отвечал вам? Вера Александровна, вы так взволнованы… Успокойтесь, ради бога…

Вера (*отворачиваясь от него*). О, вы обращаетесь со мной как с ребенком… Вы даже не удостаиваете меня серьезного ответа… Вы просто

желаете отделаться… Вы меня утешаете! (*Хочет уйти, но вдруг останавливается при виде Натальи Петровны.*) Наталья Петровна… (*Беляев быстро оглядывается.*)

Наталья Петровна (*делая несколько шагов вперед*). Да, я. (*Она говорит с некоторым усилием.*) Я пришла за тобой, Верочка.

Вера (*медленно и холодно*). Почему вам вздумалось именно сюда прийти? Вы, стало быть, меня искали?

Наталья Петровна. Да, я тебя искала. Ты неосторожна, Верочка… Уже не раз я тебе говорила… И вы, Алексей Николаич, вы забыли ваше обещание… Вы меня обманули.

Вера. Да полноте же наконец, Наталья Петровна, перестаньте! (*Наталья Петровна с изумлением глядит на нее.*) Полно вам говорить со мной как с ребенком… (*Понизив голос.*) Я женщина с сегодняшнего дня… Я такая же женщина, как вы.

Наталья Петровна (*со смущением*). Вера…

Вера (*почти шепотом*). Он вас не обманул… Не он искал этого свидания со мной. Ведь он меня не любит, вы это знаете, вам нечего ревновать.

Наталья Петровна (*с возрастающим изумлением*). Вера!

Вера. Поверьте мне… не хитрите больше. Эти

хитрости теперь уж ни к чему не служат… Я их насквозь вижу теперь. Поверьте. Я, Наталья Петровна, для вас не воспитанница, за которой вы наблюдаете (*с иронией*) как старшая сестра… (*Пододвигается к ней.*) Я для вас соперница.

Наталья Петровна. Вера, вы забываетесь…

Вера. Может быть… но кто меня до этого довел? Я сама не понимаю, откуда у меня берется смелость так говорить с вами… Может быть, я говорю так оттого, что я ни на что более не надеюсь, оттого что вам угодно было растоптать меня… И вам это удалось… совершенно. Но слушайте: я не намерена лукавить с вами, как вы со мной… знайте: я ему (*указывая на Беляева*) все сказала.

Наталья Петровна. Что вы могли ему сказать?

Вера. Что? (*С иронией.*) Да все то, что мне удалось заметить. Вы надеялись из меня все выведать, не выдавши самой себя. Вы ошиблись, Наталья Петровна. Вы слишком рассчитывали на свои силы…

Наталья Петровна. Вера, Вера, опомнитесь…

Вера (*шепотом и еще ближе пододвинувшись к ней*). Скажите же мне, что я ошибаюсь… Скажите мне, что вы его не любите… Сказал же он мне, что он меня не любит! (*Наталья Петровна в смущении молчит. Вера остается некоторое время*

неподвижной и вдруг прикладывает руку ко лбу.) Наталья Петровна, простите меня… я… я сама не знаю… что со мною, простите меня, будьте снисходительны… (*Заливается слезами и быстро уходит в дверь коридора. Молчание.*)

Беляев (*подходя к Наталье Петровне*). Я могу вас уверить, Наталья Петровна…

Наталья Петровна (*неподвижно глядя на пол, протягивает руку в его направление*). Остановитесь, Алексей Николаич. Точно… Вера права… Пора… пора перестать мне хитрить. Я виновата перед ней, перед вами — вы вправе презирать меня. (*Беляев делает невольное движение.*) Я унизилась в собственных глазах. Мне остается одно средство снова заслужить ваше уважение: откровенность, полная откровенность, какие бы ни были последствия. Притом я вас вижу в последний раз, я в последний раз говорю с вами. Я люблю вас. (*Она все не глядит на него.*)

Беляев. Вы, Наталья Петровна!..

Наталья Петровна. Да, я. Я вас люблю. Вера не обманулась и не обманула вас. Я полюбила вас с первого дня вашего приезда, но сама узнала об этом со вчерашнего дня. Я не намерена оправдывать мое поведение… Оно было недостойно меня… но по крайней мере вы теперь можете

понять, можете извинить меня. Да, я ревновала к Вере; да, я мысленно выдавала ее за Большинцова, для того чтобы удалить ее от себя и от вас; да, я воспользовалась преимуществом моих лет, моего положения, чтобы выведать ее тайну, и — конечно, я этого не ожидала — и сама себя выдала. Я вас люблю, Беляев; но знайте: одна гордость вынуждает у меня это признание… комедия, разыгранная мною до сих пор, меня возмутила наконец. Вы не можете остаться здесь… Впрочем, после того, что я вам сейчас сказала, вам, вероятно, в моем присутствии будет очень неловко и вы сами захотите как можно скорее удалиться отсюда. Я в этом уверена. Эта уверенность придала мне смелость. Я, признаюсь, не хотела, чтобы вы унесли дурное воспоминание обо мне. Теперь вы все знаете… Я, может быть, помешала вам… может быть, если б все это не случилось, вы бы полюбили Верочку… У меня только одно извинение, Алексей Николаич… Все это не было в моей власти. (*Она умолкает. Она все это говорит довольно ровным и спокойным голосом, не глядя на Беляева. Он молчит. Она продолжает с некоторым волнением, все не глядя на него.*) Вы мне не отвечаете?.. Впрочем, я это понимаю. Вам нечего мне сказать… Положение человека,

который не любит и которому объясняются в любви, слишком тягостно. Я благодарю вас за ваше молчание. Поверьте, когда я вам сказала… что я люблю вас, я не хитрила по-прежнему; я ни на что не рассчитывала; напротив: я хотела сбросить наконец с себя личину, к которой, могу вас уверить, я не привыкла… Да и, наконец, к чему еще жеманиться и лукавить, когда все известно; к чему еще притворяться, когда даже некого обманывать? Все кончено теперь между нами. Я вас более не удерживаю. Вы можете уйти отсюда, не сказавши мне ни слова, не простившись даже со мной. Я не только не сочту это за невежливость, напротив — я вам буду благодарна. Есть случаи, в которых деликатность неуместна… хуже грубости. Видно, нам не было суждено узнать друг друга. Прощайте. Да, нам не было суждено узнать друг друга… но по крайней мере я надеюсь, что теперь я в ваших глазах перестала быть тем притеснительным, скрытным и хитрым существом… Прощайте, навсегда. (*Беляев в волненье хочет что-то сказать и не может.*) Вы не уходите?

Беляев (*кланяется, хочет уйти и после некоторой борьбы с самим собою возвращается*). Нет, я не могу уйти… (*Наталья Петровна в первый раз взглядывает на него.*) Я не могу уйти так!.. По-

слушайте, Наталья Петровна, вы вот сейчас мне сказали… вы не желаете, чтобы я унес невыгодное воспоминание об вас, но и я не хочу, чтобы и вы вспомнили обо мне, как о человеке, который… Боже мой! Я не знаю, как выразиться… Наталья Петровна, извините меня… Я не умею говорить с дамами… Я до сих пор знал… совсем не таких женщин. Вы говорите, что нам не было суждено узнать друг друга, но помилуйте, мог ли я, простой, почти необразованный мальчик, мог ли я даже думать о сближении с вами? Вспомните, кто вы и кто я! Вспомните, мог ли я сметь подумать… С вашим воспитаньем… Да что я говорю о воспитании… Взгляните на меня… этот старый сюртук, и ваши пахучие платья… Помилуйте! Ну да! я боялся вас, я и теперь боюсь вас… Я, без всяких преувеличений, глядел на вас, как на существо высшее, и между тем… вы, вы говорите мне, что вы меня любите… вы, Наталья Петровна! Меня!.. Я чувствую, сердце во мне бьется, как отроду не билось; оно бьется не от одного изумления, не самолюбие во мне польщено… Где!.. Не до самолюбия теперь… Но я… я не могу уйти так, воля ваша!

Наталья Петровна (*помолчав, словно про себя*). Что я сделала!

Беляев. Наталья Петровна, ради бога, поверьте…

Наталья Петровна (*измененным голосом*). Алексей Николаич, если б я не знала вас за человека благородного, за человека, которому ложь недоступна, я бы могла бог знает что подумать. Я бы, может быть, раскаялась в своей откровенности. Но я верю вам. Я не хочу скрыть перед вами мои чувства: я благодарна вам за то, что вы мне сейчас сказали. Я теперь знаю, почему мы не сошлись… Стало быть, собственно во мне ничего вас не отталкивало… Одно мое положение… (*Останавливается.*) Все к лучшему, конечно… но мне теперь легче будет расстаться с вами… Прощайте. (*Хочет уйти.*)

Беляев (*помолчав*). Наталья Петровна, я знаю, что мне нельзя здесь остаться… но я не могу передать вам все, что во мне происходит. Вы меня любите… мне даже страшно выговорить эти слова… все это для меня так ново… мне кажется, я вас вижу, слышу вас в первый раз, но я чувствую одно: мне необходимо уехать… я чувствую, что я ни за что отвечать не могу…

Наталья Петровна (*слабым голосом*). Да, Беляев, вы должны уехать… Теперь, после этого объяснения, вы можете уехать… И неужели же

точно, несмотря на все, что я сделала… О, поверьте, если б я могла хоть отдаленно подозревать все то, что вы мне теперь сказали — это признание, Беляев, оно бы умерло во мне… Я хотела только прекратить все недоразумения, я хотела покаяться, наказать себя, я хотела разом перервать последнюю нить. Если б я могла себе представить… (*Она закрывает себе лицо*.)

Беляев. Я вам верю, Наталья Петровна, я верю вам. Да я сам, за четверть часа… разве я воображал… Я только сегодня, во время нашего последнего свиданья перед обедом, в первый раз почувствовал что-то необыкновенное, небывалое, словно чья-то рука мне стиснула сердце, и так горячо стало в груди… Я точно прежде как будто чуждался, как будто даже не любил вас; но, когда вы мне сказали сегодня, что Вере Александровне показалось… (*Останавливается*.)

Наталья Петровна (*с невольной улыбкой счастья на губах*). Полноте, полноте, Беляев; нам не об этом должно думать. Нам не должно позабыть, что мы говорим друг с другом в последний раз… что вы завтра уезжаете…

Беляев. О да! Я завтра же уеду! Теперь я еще могу уехать… Все это пройдет… Вы видите, я не хочу преувеличивать… Я уеду… а там, что бог

даст! Я унесу с собой одно воспоминанье, я вечно буду помнить, что вы меня полюбили… Но как же это я до сих пор не узнал вас? Вот вы смотрите на меня теперь… Неужели я когда-нибудь старался избегать вашего взгляда… Неужели я когда-нибудь робел в вашем присутствии?

Наталья Петровна (*с улыбкой*). Вы сейчас мне сказали, что вы боитесь меня.

Беляев. Я? (*Помолчав.*) Точно… Я сам себе удивляюсь… Я, я так смело говорю с вами? Я себя не узнаю.

Наталья Петровна. И вы не обманываетесь?..

Беляев. В чем?

Наталья Петровна. В том, что вы меня… (*Вздрагивая.*) О боже, что я делаю… Послушайте, Беляев… Придите ко мне на помощь… Ни одна женщина не находилась еще в подобном положении. Я не в силах больше, право… Может быть, оно так к лучшему, все разом прекращено, но мы по крайней мере узнали друг друга… Дайте мне руку — и прощайте навсегда.

Беляев (*берет ее за руку*). Наталья Петровна… я не знаю, что вам сказать на прощанье… сердце у меня так полно… Дай вам бог… (*Останавливается и прижимает ее руку к губам.*) Прощайте. (*Хочет уйти в садовую дверь.*)

Наталья Петровна (*глядя ему вслед*). Беляев…

Беляев (*оборачиваясь*). Наталья Петровна…

Наталья Петровна (*помолчав некоторое время, слабым голосом*). Останьтесь…

Беляев. Как?

Наталья Петровна. Останьтесь, и пусть Бог нас рассудит! (*Она прячет голову в руки.*)

Беляев (*быстро подходит к ней и протягивает к ней руки*). Наталья Петровна… (*В это мгновение дверь из саду растворяется, и на пороге показывается Ракитин. Он некоторое время глядит на обоих и вдруг подходит к ним.*)

Ракитин (*громко*). А вас везде ищут, Наталья Петровна (*Наталья Петровна и Беляев оглядываются.*)

Наталья Петровна (*отнимая руки от лица и словно приходя в себя*). А, это вы… Кто меня ищет? (*Беляев, смущенный, кланяется Наталье Петровне и хочет уйти.*) Вы уходите, Алексей Николаич… не забудьте же, вы знаете… (*Он вторично кланяется ей и уходит в сад.*)

Ракитин. Аркадий вас ищет… Признаюсь, я не ожидал найти вас здесь… но, проходя мимо…

Наталья Петровна (*с улыбкой*). Вы услышали наши голоса… Я встретила здесь Алексея Николаича… и имела с ним небольшое объяснение.

Сегодня, видно, день объяснений, но теперь мы можем пойти домой… (*Хочет идти в дверь коридора.*)

Ракитин (*с некоторым волнением*). Могу узнать… какое решение…

Наталья Петровна (*притворяясь удивленной*). Какое решение?.. Я вас не понимаю.

Ракитин (*долго помолчав, печально*). В таком случае я все понимаю.

Наталья Петровна. Ну так и есть… Опять таинственные намеки! Ну да, я объяснилась с ним, и теперь все опять пришло в порядок… Это пустяки были, преувеличенья… Все, о чем мы говорили с вами, все это ребячество. Это следует теперь позабыть.

Ракитин. Я вас не расспрашиваю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*с принужденной развязностью*). Что бишь я хотела сказать вам… Не помню. Все равно. Пойдемте. Все это кончено… все прошло.

Ракитин (*пристально поглядев на нее*). Да, все кончено. Как вам, должно быть, теперь досадно на себя… за вашу сегодняшнюю откровенность… (*Он отворачивается.*)

Наталья Петровна. Ракитин… (*Он опять взгля-*

дывает на нее, она, видимо, не знает, что сказать.) Вы еще не говорили с Аркадием?

Ракитин. Никак нет-с… Я еще не успел приготовиться… Вы понимаете, надобно что-нибудь сочинить…

Наталья Петровна. Как это несносно! Чего они от меня хотят? Следят за мной на каждом шагу. Ракитин, мне, право, совестно перед вами…

Ракитин. О Наталья Петровна, не извольте беспокоиться… К чему? Все это в порядке вещей. Но как заметно, что господин Беляев еще новичок! И к чему это он так смешался, убежал… Впрочем, со временем… (*вполголоса и скоро*) вы оба научитесь притворяться… (*Громко*.) Пойдемте. (*Наталья Петровна хочет подойти к нему и останавливается. В это мгновенье за дверью сада раздается голос Ислаева. «Он сюда пошел, вы говорите?» — и вслед за тем входят Ислаев и Шпигельский.*)

Ислаев. Точно… вот он. Ба, ба, ба! Да и Наталья Петровна тут же! (*Подходя к ней*.) Что это? продолжение сегодняшнего объяснения? Видно, предмет важный.

Ракитин. Я встретил здесь Наталью Петровну…

Ислаев. Встретил? (*Оглядывается*.) Какое проходное место, подумаешь?

Наталья Петровна. Да зашел же ты сюда…

Ислаев. Я зашел сюда потому… (*Останавливается.*)

Наталья Петровна. Ты меня искал?

Ислаев (*помолчав*). Да — я искал тебя. Не хочешь ли ты вернуться домой? Чай уже готов. Скоро смеркнется.

Наталья Петровна (*берет его руку*). Пойдем.

Ислаев (*оглядываясь*). А из этих сеней можно сделать две хорошие комнаты для садовников — или другую людскую — как вы полагаете, Шпигельский?

Шпигельский. Разумеется.

Ислаев. Пойдем садом, Наташа. (*Идет в садовую дверь. Он в течение всей этой сцены ни разу не взглянул на Ракитина. На пороге он оборачивается до половины.*) Господа, что же вы? Пойдемте чай пить. (*Уходит с Натальей Петровной.*)

Шпигельский (*Ракитину*). Что ж, Михайло Александрыч, пойдемте… Дайте мне руку… Видно, нам с вами суждено состоять в ариергарде…

Ракитин (*с сердцем*). Ах господин доктор, вы, позвольте вам сказать, вы мне очень надоели…

Шпигельский (*с притворным добродушием*). А уж себе-то как я надоел, Михайло Александрыч, если б вы знали! (*Ракитин невольно улыбается.*) Пойдемте, пойдемте… (*Оба уходят в дверь сада.*)

Действие пятое

Та же декорация, как в первом и третьем действиях. Утро. За столом сидит Ислаев и рассматривает бумаги. Он вдруг встает.

Ислаев. Нет! Решительно не могу сегодня заниматься. Словно гвоздь засел мне в голову. (*Прохаживается.*) Признаюсь, я этого не ожидал; я не ожидал, что я буду тревожиться… как теперь тревожусь. Как тут поступить?.. вот в чем задача. (*Задумывается и вдруг кричит.*) Матвей!

Матвей (*входя*). Что прикажете?

Ислаев. Старосту мне позвать… Да копачам на плотине вели подождать меня… Ступай.

Матвей. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Ислаев (*подходя опять к столу и перелистывая бумаги*). Да… задача!

Анна Семеновна (*входит и приближается к Ислаеву*). Аркаша…

Ислаев. А! Это вы, маменька. Как ваше здоровье?

Анна Семеновна (*садясь на диван*). Я здорова, слава богу. (*Вздыхает.*) Я здорова. (*Вздыхает еще громче.*) Слава богу. (*Видя, что Ислаев не слушает*

ее, вздыхает очень сильно, с легким стоном.)

Ислаев. Вы вздыхаете… Что с вами?

Анна Семеновна (*опять вздыхает, но уже легче*). Ах, Аркаша, как будто ты не знаешь, о чем я вздыхаю!

Ислаев. Что вы хотите сказать?

Анна Семеновна (*помолчав*). Я мать твоя, Аркаша. Конечно, ты человек уже взрослый, с рассудком; но все же я твоя мать. Великое слово: мать!

Ислаев. Объяснитесь, пожалуйста.

Анна Семеновна. Ты знаешь, на что я намекаю, друг мой. Твоя жена, Наташа… конечно, она прекрасная женщина — и поведение ее до сих пор было самое примерное… но она еще так молода, Аркаша! А молодость…

Ислаев. Я понимаю, что вы хотите сказать… Вам кажется, что ее отношения с Ракитиным…

Анна Семеновна. Сохрани бог! Я вовсе не думала…

Ислаев. Вы мне не дали договорить… Вам кажется, что ее отношения с Ракитиным не совсем… ясны. Эти таинственные разговоры, эти слезы — все это вам кажется странным.

Анна Семеновна. А что, Аркаша, сказал он тебе наконец, о чем это у них были разговоры?.. Мне

он ничего не сказал.

Ислаев. Я, маменька, его не расспрашивал — а он, по-видимому, не слишком торопится удовлетворить мое любопытство.

Анна Семеновна. Так что ж ты намерен теперь сделать?

Ислаев. Я, маменька? Да ничего.

Анна Семеновна. Как ничего?

Ислаев. Да так же, ничего.

Анна Семеновна (*вставая*). Признаюсь, это меня удивляет. Конечно, ты в своем доме хозяин и лучше меня знаешь, что хорошо и что дурно. Однако подумай, какие последствия…

Ислаев. Маменька, право, вы напрасно изволите тревожиться.

Анна Семеновна. Друг мой, ведь я мать… а впрочем, как знаешь. (*Помолчав.*) Я, признаюсь, пришла было к тебе с намерением предложить свое посредничество…

Ислаев (*с живостью*). Нет, уж на этот счет я должен просить вас, маменька, не беспокоиться… Сделайте одолжение!

Анна Семеновна. Как хочешь, Аркаша, как хочешь. Я вперед уже ни слова не скажу. Я тебя предупредила, долг исполнила — а теперь — как воды в рот набрала. (*Небольшое молчание.*)

Ислаев. Вы сегодня никуда не выезжаете?

Анна Семеновна. А только я должна предупредить тебя: ты слишком доверчив, дружок мой; обо всех по себе судишь! Поверь мне: настоящие друзья слишком редки в наше время!

Ислаев (*с нетерпением*). Маменька…

Анна Семеновна. Ну — молчу, молчу! Да и где мне, старухе? Чай, из ума выжила! И воспитана я была в других правилах — и сама старалась тебе внушить… Ну, ну, занимайся, я мешать не буду… Я уйду. (*Идет к двери и останавливается.*) Стало быть?.. Ну как знаешь, как знаешь! (*Уходит.*)

Ислаев (*глядя ей вслед*). Что за охота людям, которые действительно вас любят, класть поочередно все свои пальцы в вашу рану? И ведь они убеждены в том, что от этого вам легче, — вот что забавно! Впрочем, я матушку не виню: ее намерения точно самые лучшие — да и как не подать совета? Но дело не в том… (*Садясь.*) Как мне поступить? (*Подумав, встает.*) Э! чем проще, тем лучше! Дипломатические тонкости ко мне не идут… Я первый в них запутаюсь. (*Звонит. Входит Матвей.*) Михайло Александрович дома — не знаешь?

Матвей. Дома-с. Я их сейчас в биллиардной видел.

Ислаев. А! Ну так попроси его ко мне.

Матвей. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Ислаев (*ходя взад и вперед*). Не привык я к подобным передрягам… Надеюсь, что они не будут часто повторяться… Я хоть и крепкого сложения — а этого не вынесу. (*Кладет руку на грудь.*) Фу!.. (*Из залы входит Ракитин, смущенный.*)

Ракитин. Ты меня звал?

Ислаев. Да… (*Помолчав.*) Michel, ведь ты у меня в долгу.

Ракитин. Я?

Ислаев. А как же? Ты разве забыл свое обещание? Насчет… Наташиных слез… и вообще… Вот как мы вас с матушкой застали, помнишь — ты мне сказал, что между вами есть тайна, которую ты хотел объяснить?

Ракитин. Я сказал: тайна?

Ислаев. Сказал.

Ракитин. Да какая же у нас может быть тайна? Был у нас разговор.

Ислаев. О чем? И отчего она плакала?

Ракитин. Ты знаешь, Аркадий… попадаются такие минуты в жизни женщины… самой счастливой…

Ислаев. Ракитин, постой, эдак нельзя. Я не могу видеть тебя в таком положении… Твое замеша-

тельство меня тяготит больше, чем тебя самого. (*Берет его за руку*.) Мы ведь старые друзья — ты меня с детства знаешь: хитрить я не умею — да и ты был всегда со мной откровенен. Позволь мне предложить тебе один вопрос… Даю наперед честное слово, что в искренности твоего ответа сомневаться не буду. Ты ведь любишь мою жену? (*Ракитин взглядывает на Ислаева.*) Ты меня понимаешь, любишь ли ты ее так… Ну словом, любишь ли ты мою жену такой любовью, в которой мужу сознаться… трудно?

Ракитин (*помолчав, глухим голосом*). Да — я люблю твою жену… такой любовью.

Ислаев (*тоже помолчав*). Мишель, спасибо за откровенность. Ты благородный человек. Ну, однако, что ж теперь делать? Сядь, обсудим-ка это дело вдвоем. (*Ракитин садится. Ислаев ходит по комнате.*) Я Наташу знаю; я знаю ей цену… Но и себе я цену знаю. Я тебя не стою, Michel… не перебивай меня, пожалуйста, — я тебя не стою. Ты умнее, лучше, наконец приятнее меня. Я простой человек. Наташа меня любит — я думаю, но у ней есть глаза… ну словом, ты должен ей нравиться. И вот что я тебе еще скажу: я давно замечал ваше взаимное расположение… Но я в обоих вас всегда был уверен — и пока ничего не

выходило наружу… Эх! говорить-то я не умею! (*Останавливается*.) Но после вчерашней сцены, после вашего вторичного свидания вечером — как тут быть? И хоть бы я один вас застал — а тут замешались свидетели: маменька, этот плут Шпигельский… Ну что ты скажешь, Michel — а?

Ракитин. Ты совершенно прав, Аркадий.

Ислаев. Не в том вопрос… а что делать? Я должен тебе сказать, Michel, что хоть я и простой человек, а настолько понимаю, что чужую жизнь заедать не годится — и что бывают случаи, когда на своих правах настаивать грешно. Это я, брат, не из книг вычитал… совесть говорит. Дать волю… ну что ж? дать волю! Только это обдумать надо. Это слишком важно.

Ракитин (*вставая*). Да уж я все обдумал.

Ислаев. Как?

Ракитин. Я должен уехать… я уезжаю.

Ислаев (*помолчав*). Ты полагаешь?.. Совсем отсюда вон?

Ракитин. Да.

Ислаев (*опять начинает ходить взад и вперед*). Это… это ты какое слово сказал! А может быть, ты прав. Тяжело нам будет без тебя… Бог ведает, может, это и к цели не приведет… Но тебе видней, тебе лучше знать. Я полагаю, это ты придумал

верно. Ты мне опасен, брат… (*С грустной улыбкой.*) Да… ты мне опасен. Вот я сейчас что сказал… насчет воли-то… А ведь, пожалуй, я бы не пережил! Мне без Наташи быть… (*Махает рукой.*) И вот что, брат, еще: с некоторых пор, особенно в эти последние дни, я вижу в ней большую перемену. В ней проявилось какое-то глубокое, постоянное волнение, которое меня пугает. Не правда ли, я не ошибаюсь?

Ракитин (*горько*). О нет, ты не ошибаешься!

Ислаев. Ну вот видишь! Стало быть, ты уезжаешь?

Ракитин. Да.

Ислаев. Гм. И как это вдруг стряслось! И нужно же тебе было так смешаться, когда мы с матушкой застали вас…

Матвей (*входя*). Староста пришел-с.

Ислаев. Пусть подождет! (*Матвей уходит.*) Michel, однако, ты ненадолго уезжаешь? Уж это, брат, пустяки!

Ракитин. Не знаю, право… Я думаю… надолго.

Ислаев. Да ты меня уж не принимаешь ли за Отелло за какого-нибудь? Право, с тех пор как свет стоит, я думаю, такого разговора не было между двумя друзьями! Не могу же я так с тобой расстаться…

Ракитин (*пожимая ему руку*). Ты меня уведомишь, когда мне можно будет воротиться.

Ислаев. Ведь тебя здесь заменить некому! Не Большинцов же в самом деле!

Ракитин. Тут есть другие…

Ислаев. Кто? Криницын? Фат этот? Беляев, конечно, добрый малый… но ведь ему до тебя, как до звезды небесной!

Ракитин (*язвительно*). Ты думаешь? Ты его не знаешь, Аркадий… Ты обрати на него внимание… Советую тебе… Слышишь? Он очень… очень замечательный человек!

Ислаев. Ба! То-то вы все с Наташей хотели его воспитаньем заняться! (*Глянув в дверь.*) А! Да вот и он, кажется, сюда идет… (*Поспешно.*) Итак, милый мой, это решено — ты уезжаешь… на короткое время… на этих днях… Спешить не к чему — нужно Наташу приготовить… Маменьку я успокою… И дай Бог тебе счастья! Камень у меня ты снял с сердца… Обними меня, душа моя! (*Торопливо его обнимает и оборачивается ко входящему Беляеву.*) А… это вы! Ну… ну, как можете?

Беляев. Слава богу, Аркадий Сергеич.

Ислаев. А что, Коля где?

Беляев. Он с господином Шаафом.

Ислаев. А… прекрасно! (*Берет шляпу.*) Ну, госпо-

да, однако, прощайте. Я еще нигде не был сегодня — ни на плотине, ни на постройке… Вот и бумаг не просмотрел. (*Схватывает их под мышку.*) До свиданья! Матвей! Матвей! Ступай со мной! (*Уходит. Ракитин остается в задумчивости на авансцене.*)

Беляев (*подходя к Ракитину*). Как вы сегодня себя чувствуете, Михайло Александрыч?

Ракитин. Благодарствуйте. По обыкновенному. А вы как?

Беляев. Я здоров.

Ракитин. Это видно!

Беляев. А что?

Ракитин. Да так… по вашему лицу… Э! Да вы новый сюртук сегодня надели… И что я вижу! Цветок в петлице. (*Беляев, краснея, вырывает его.*) Да зачем же… зачем, помилуйте… Это очень мило… (*Помолчав*). Кстати, Алексей Николаич, если вам что-нибудь нужно… Я завтра еду в город.

Беляев. Завтра?

Ракитин. Да… а оттуда, может быть, в Москву.

Беляев (*с удивлением*). В Москву? Да вы, кажется, еще вчера мне говорили, что намерены пробыть здесь с месяц…

Ракитин. Да… но дела… обстоятельство вышло такое…

Беляев. И надолго вы уезжаете?

Ракитин. Не знаю… может быть, надолго.

Беляев. Позвольте узнать — Наталье Петровне известно ваше намерение?

Ракитин. Нет. Почему вы спрашиваете меня именно о ней?

Беляев. Я? (*Несколько смущенный.*) Так.

Ракитин (*помолчав и оглянувшись кругом*). Алексей Николаич, кажется, кроме нас, никого нет в комнате, не странно ли, что мы друг перед другом комедию разыгрываем, а? Как вы думаете?

Беляев. Я вас не понимаю, Михайло Александрыч.

Ракитин. В самом деле? Вы точно не понимаете, зачем я уезжаю?

Беляев. Нет.

Ракитин. Это странно… Впрочем, я готов вам верить. Может быть, вы действительно не знаете причины… Хотите, я вам скажу, зачем я уезжаю?

Беляев. Сделайте одолжение.

Ракитин. Вот, видите ли, Алексей Николаич, — впрочем, я надеюсь на вашу скромность, — вы сейчас застали меня с Аркадием Сергеичем… У нас с ним был довольно важный разговор. Вследствие именно этого разговора я решился уехать.

И знаете ли — почему? Я вам все это говорю потому, что считаю вас за благородного человека… Ему вообразилось, что я… Ну да, что я люблю Наталью Петровну. Как вам это кажется, а? Не правда ли, какая странная мысль? Но я за то благодарен ему, что он не стал хитрить, наблюдать за нами, что ли, а просто и прямо обратился ко мне. Ну, теперь скажите, что бы вы сделали на моем месте? Конечно, его подозрения не имеют никакого основания, но они его тревожат… Для покоя друзей порядочный человек должен уметь иногда пожертвовать… своим удовольствием. Вот от этого-то я и уезжаю… Я уверен, вы одобрите мое решение, не правда ли? Не правда ли, вы… вы бы точно так же поступили на моем месте? Вы бы тоже уехали?

Беляев (*помолчав*). Может быть.

Ракитин. Мне очень приятно это слышать… Конечно, я не спорю, в моем намерении удалиться есть сторона смешная, я словно сам почитаю себя опасным; но видите ли, Алексей Николаич, честь женщины такая важная вещь… И притом — я, разумеется, это говорю не про Наталью Петровну, — но я знавал женщин чистых и невинных сердцем, настоящих детей при всем уме, которые именно вследствие этой чистоты и невинности

более других способны были отдаться внезапному увлеченью… А потому, кто знает? Лишняя осторожность в таких случаях не мешает, тем более что… Кстати, Алексей Николаич, вы, может быть, еще воображаете, что любовь высшее благо на земле?

Беляев (*холодно*). Я этого еще не испытал, но я думаю, что быть любимым женщиной, которую любишь, великое счастье.

Ракитин. Дай вам Бог долго сохранить такие приятные убеждения! По-моему, Алексей Николаич, всякая любовь, счастливая, равно как и несчастная, настоящее бедствие, когда ей отдаешься весь… Погодите! Вы, может быть, еще узнаете, как эти нежные ручки умеют пытать, с какой ласковой заботливостью они по частичкам раздирают сердце… Погодите! вы узнаете, сколько жгучей ненависти таится под самой пламенной любовью! Вы вспомните обо мне, когда, как больной жаждет здоровья, вы будете жаждать покоя, самого бессмысленного, самого пошлого покоя, когда вы будете завидовать всякому человеку беззаботному и свободному… Погодите! Вы узнаете, что значит принадлежать юбке, что значит быть порабощенным, зараженным — и как постыдно и томительно это рабство!.. Вы

узнаете, наконец, какие пустячки покупаются такою дорогою ценою… Но к чему я это все говорю вам, вы мне не поверите теперь. Дело в том, что мне очень приятно ваше одобрение… да, да… в таких случаях следует быть осторожным.

Беляев (*который все время не спускал глаз с Ракитина*). Спасибо за урок, Михайло Александрыч, хотя я в нем и не нуждался.

Ракитин (*берет его за руку*). Вы извините меня, пожалуйста, я не имел намерения… не мне давать уроки кому бы то ни было… Я только так разговорился…

Беляев (*с легкой иронией*). Безо всякого повода?

Ракитин (*немного смешавшись*). Именно без всякого особенного повода. Я хотел только… Вы до сих пор, Алексей Николаич, не имели случая изучить женщин. Женщины — это очень своенравный народ.

Беляев. Да вы о ком говорите?

Ракитин. Так… ни о ком в особенности.

Беляев. О всех вообще, не правда ли?

Ракитин (*принужденно улыбаясь*). Да, может быть. Я, право, не знаю, с какой стати я попал в этот наставнический тон, но уж позвольте мне на прощанье дать вам один добрый совет. (*Останавливаясь и махнув рукой.*) Э! Да впрочем,

что я за советчик! Извините, пожалуйста, мою болтовню…

Беляев. Напротив, напротив…

Ракитин. Итак, вам ничего не нужно из города?

Беляев. Ничего, спасибо. Но мне жаль, что вы уезжаете.

Ракитин. Покорно вас благодарю… Поверьте, что и мне тоже… (*Из двери кабинета выходят Наталья Петровна и Вера, Вера очень печальна и бледна.*) Я очень был рад с вами познакомиться… (*Опять жмет ему руку.*)

Наталья Петровна (*глядит некоторое время на обоих и подходит к ним*). Здравствуйте, господа…

Ракитин (*быстро оборачиваясь*). Здравствуйте, Наталья Петровна… Здравствуйте, Вера Александровна… (*Беляев молча кланяется Наталье Петровне и Вере. Он смущен.*) Наталья Петровна (*Ракитину*). Что вы делаете хорошего?

Ракитин. Да ничего…

Наталья Петровна. А мы уж с Верой гуляли по саду… Сегодня так хорошо на воздухе… Липы так сладко пахнут. Мы все под липами гуляли… Приятно слушать в тени жужжание пчел над головой… (*Робко Беляеву.*) Мы надеялись вас там встретить. (*Беляев молчит.*)

Ракитин (*Наталье Петровне*). А! И вы сегодня обращаете внимание на красоты природы… (*Помолчав.*) Алексею Николаичу нельзя было идти в сад… Он сегодня новый сюртук надел…

Беляев (*слегка вспыхнув*). Конечно, ведь он у меня только один, а в саду, пожалуй, изорвать его можно… Ведь вы вот что хотите сказать?

Ракитин (*покраснев*). О нет… я совсем не то… (*Вера идет молча к дивану направо, садится и принимается за работу. Наталья Петровна принужденно улыбается Беляеву. Небольшое, довольно тягостное молчание. Ракитин продолжает с язвительной небрежностью.*) Ах да, я забыл вам сказать, Наталья Петровна, я сегодня уезжаю…

Наталья Петровна (*с некоторым волнением*). Вы уезжаете? Куда?

Ракитин. В город… По делам.

Наталья Петровна. Я надеюсь, ненадолго?

Ракитин. Как дела пойдут.

Наталья Петровна. Смотрите же, возвращайтесь скорей. (*К Беляеву, не глядя на него.*) Алексей Николаич, это ваши рисунки мне Коля показывал? Это вы рисовали?

Беляев. Да-с… я.. безделицы…

Наталья Петровна. Напротив, это очень мило.

У вас талант.

Ракитин. Я вижу, вы в господине Беляеве с каждым днем открываете новые достоинства.

Наталья Петровна (*холодно*). Может быть… Тем лучше для него. (*Беляеву.*) У вас, вероятно, есть другие рисунки, вы мне их покажете. (*Беляев кланяется.*)

Ракитин (*который все время стоит как на иглах*). Однако я вспомнил, что мне пора укладываться… До свиданья. (*Идет к дверям залы.*)

Наталья Петровна (*ему вслед*). Да вы еще проститесь с нами…

Ракитин. Конечно.

Беляев (*после некоторой нерешительности*). Михайло Александрыч, погодите, я с вами пойду. Мне нужно сказать вам два слова…

Ракитин. А! (*Оба входят в залу. Наталья Петровна остается посреди сцены, погодя немного она садится налево.*)

Наталья Петровна (*после некоторого молчания*). Вера!

Вера (*не поднимая головы*). Что вам угодно?

Наталья Петровна. Вера, ради бога, не будьте так со мной… ради бога, Вера… Верочка… (*Вера ничего не говорит. Наталья Петровна встает, идет через всю сцену и тихо становится перед ней*

на колена. Вера хочет поднять ее, отворачивается и закрывает лицо. Наталья Петровна говорит на коленях.) Вера, прости меня; не плачь, Вера. Я виновата перед тобою, я виновата. Неужели ты не можешь простить меня?

Вера (*сквозь слезы*). Встаньте, встаньте…

Наталья Петровна. Я не встану, Вера, пока ты не простишь меня. Тебе тяжело… но вспомни, разве мне легче… вспомни, Вера… Ведь ты все знаешь… Между нами только та разница, что ты передо мной ни в чем не виновата, а я…

Вера (*горько*). Только та разница! Нет, Наталья Петровна, между нами другая есть разница… Вы сегодня так мягки, так добры, так ласковы…

Наталья Петровна (*перебивая ее*). Потому что чувствую свою вину…

Вера. В самом деле? Только поэтому…

Наталья Петровна (*встает и садится подле нее*). Да какая же может быть другая причина?

Вера. Наталья Петровна, не мучьте меня больше, не расспрашивайте меня…

Наталья Петровна (*вздохнув*). Вера, ты, я вижу, не можешь меня простить.

Вера. Вы сегодня так добры и так мягки, потому что вы чувствуете себя любимой.

Наталья Петровна (*в смущении*). Вера!

Вера (*оборачиваясь к ней*). Что ж, разве это не правда?

Наталья Петровна (*печально*). Поверь мне, мы обе с тобой равно несчастны.

Вера. Он вас любит!

Наталья Петровна. Вера, что нам за охота друг друга мучить? Пора нам обеим опомниться. Вспомни, в каком я положении, в каком мы положении обе. Вспомни, что об нашей тайне, по моей вине, конечно, знают уже здесь два человека… (*Останавливается.*) Вера, вместо того чтобы терзать друг друга подозрениями и упреками, не лучше ли нам вдвоем подумать о том, как бы выйти из этого тяжелого положения… как бы спастись! Или ты думаешь, что я могу выносить эти волненья, эти тревоги? Или ты забыла, кто я? Но ты меня не слушаешь.

Вера (*задумчиво глядит на пол*). Он вас любит…

Наталья Петровна. Вера, он уедет.

Вера (*оборачиваясь*). Ах, оставьте меня… (*Наталья Петровна глядит на нее с нерешительностью. В это мгновение в кабинете раздается голос Ислаева: «Наташа, а Наташа, где ты?».*)

Наталья Петровна (*быстро встает и подходит к двери кабинета*). Я здесь… Что тебе?

Голос Ислаева. Поди-ка сюда, мне нужно тебе что-то сказать…

Наталья Петровна. Сейчас. (*Она возвращается к Вере, протягивает ей руку, Вера не шевелится. Наталья Петровна вздыхает и уходит в кабинет.*)

Вера (*одна, после молчанья*). Он ее любит!.. И я должна остаться у ней в доме… О! Это слишком… (*Она закрывает лицо руками и остается неподвижной. Из двери, ведущей в залу, показывается голова Шпигельского. Он осторожно оглядывается и подходит на цыпочках к Вере, которая его не замечает.*)

Шпигельский (*постояв перед ней, скрестя руки и с язвительной улыбкой на лице*). Вера Александровна!.. А Вера Александровна…

Вера (*подняв голову*). Кто это? Вы, доктор…

Шпигельский. Что вы, моя барышня, нездоровы, что ли?

Вера. Нет, ничего.

Шпигельский. Дайте-ка пощупать пульс. (*Щупает у ней пульс.*) Гм, что так скоро? Ах вы, барышня моя, барышня… Не слушаетесь вы меня… А уж, кажется, я на что вам добра желаю.

Вера (*решительно взглянув на него*). Игнатий Ильич…

Шпигельский (*проворно*). Слушаю, Вера Алек-

сандровна… Что за взгляд, помилуйте… Слушаю.

Вера. Этот господин… Большинцов, ваш знакомый, точно хороший человек?

Шпигельский. Мой приятель Большинцов? Отличнейший, честнейший человек… образец и пример добродетели.

Вера. Он не злой?

Шпигельский. Добрейший, помилуйте. Это не человек, это тесто, помилуйте. Только стоит взять да лепить. Такого добряка другого на свете днем с огнем не найти. Голубь, а не человек.

Вера. Вы за него ручаетесь?

Шпигельский (*кладет одну руку на сердце, а другую поднимает кверху*). Как за самого себя!

Вера. В таком случае вы можете ему сказать… что я готова за него замуж выйти.

Шпигельский (*с радостным изумлением*). Ой ли?

Вера. Только как можно скорее — слышите? — как можно скорее…

Шпигельский. Завтра, если хотите… Еще бы! Ай да Вера Александровна! Молодец барышня! Я сейчас же к нему поскачу. То-то я его обрадую… Вот какое неожиданное вышло обстоятельство! Ведь он в вас души не чает, Вера Александровна…

Вера (*с нетерпением*). Я у вас этого не спраши-

ваю, Игнатий Ильич.

Шпигельский. Как знаете, Вера Александровна; как знаете. А только вы будете с ним счастливы, вы будете меня благодарить, увидите… (*Вера делает опять нетерпеливое движение.*) Ну, я молчу, я молчу… Стало быть, я могу ему сказать…

Вера. Можете, можете.

Шпигельский. Очень хорошо-с. Так я сейчас отправляюсь. До свиданья. (*Прислушиваясь.*) Кстати же, кто-то сюда идет. (*Идет в кабинет и на пороге делает про себя изумленную гримасу.*) До свиданья. (*Уходит.*)

Вера (*глядя ему вслед*). Все на свете скорей, чем здесь остаться… (*Встает.*) Да; я решилась. Я не останусь в этом доме… ни за что. Я не могу сносить ее кроткого взора, ее улыбки, я не могу видеть, как она вся отдыхает, вся нежится в своем счастии. Ведь она счастлива, как она там ни прикидывайся грустной и печальной… Ее ласки мне нестерпимы… (*Из двери залы показывается Беляев. Он осматривается и подходит к Вере.*)

Беляев (*вполголоса*). Вера Александровна, вы одне?

Вера (*оглядывается, вздрагивает и, помолчав немного, произносит*). Да.

Беляев. Я рад, что вы одне… А то я не пошел бы

сюда. Вера Александровна, я пришел проститься с вами.

Вера. Проститься?

Беляев. Да, я уезжаю.

Вера. Вы уезжаете? И вы уезжаете?

Беляев. Да… и я. (*С сильным внутренним волнением.*) Вот, видите ли, Вера Александровна, мне нельзя здесь остаться. Мое присутствие уж и так здесь наделало много бед. Кроме того, что я, сам не знаю как, возмутил ваше спокойствие и спокойствие Натальи Петровны, я еще нарушил старинные, дружеские связи. По моей милости господин Ракитин уезжает отсюда, вы рассорились с вашей благодетельницей… Пора прекратить все это. После моего отъезда всё, я надеюсь, опять успокоится и придет в порядок… Кружить голову богатым барыням и молодым девушкам не мое дело… Вы обо мне позабудете и, может быть, со временем станете удивляться, как это все могло случиться… Меня даже теперь это удивляет… Я не хочу вас обманывать, Вера Александровна: мне страшно, мне жутко здесь остаться… Я не могу ни за что отвечать… Я, знаете ли, не привык ко всему этому. Мне неловко… мне так и кажется, что все глядят на меня… Да и наконец, мне невозможно будет… теперь… с

вами обеими…

Вера. О, на мой счет не беспокойтесь! Я недолго останусь здесь.

Беляев. Как?

Вера. Это моя тайна. Но я вам не буду мешать, поверьте.

Беляев. Ну вот, видите, как же мне не уехать? Посудите сами. Я словно чуму занес в этот дом: все бегут отсюда… Не лучше ли мне одному исчезнуть, пока еще есть время? Я сейчас имел большой разговор с господином Ракитиным… Вы не можете вообразить, сколько было горечи в его словах… А он поделом подтрунил над моим новым сюртуком… Он прав. Да, я должен уехать. Поверите ли, Вера Александровна, я не дождусь той минуты, когда я буду скакать в телеге по большой дороге… Мне душно здесь, мне хочется на воздух. Мне мочи нет, как горько и в то же время легко, словно человеку, который отправляется в далекое путешествие, за море: ему тошно расставаться с друзьями, ему жутко, а между тем море так весело шумит, ветер так свежо дует ему в лицо, что кровь невольно играет в его жилах, как сердце в нем ни тяжело… Да, я решительно уезжаю. Вернусь в Москву, к своим товарищам, стану работать…

Вера. Вы, стало быть, ее любите, Алексей Николаич; вы ее любите, а между тем вы уезжаете.

Беляев. Полноте, Вера Александровна, к чему это? Разве вы не видите, что все кончено. Всё. Вспыхнуло и погасло, как искра. Расстанемтесь друзьями. Пора. Я опомнился. Будьте здоровы, будьте счастливы, мы когда-нибудь увидимся… Я вас никогда не забуду, Вера Александровна… Я вас очень полюбил, поверьте… (*Жмет ей руку и прибавляет поспешно.*) Отдайте от меня эту записку Наталье Петровне…

Вера (*с смущением взглянув на него*). Записку?

Беляев. Да… я не могу с ней проститься.

Вера. Да разве вы сейчас уезжаете?

Беляев. Сейчас… Я никому ничего не сказал об этом… исключая одного Михайла Александрыча. Он одобряет меня. Я отправлюсь отсюда сейчас пешком до Петровского. В Петровском я подожду Михайла Александрыча, и мы вместе поедем в город. Из города я напишу. Мои вещи мне вышлют. Вы видите, все уже слажено… Впрочем, вы можете прочесть эту записку. В ней всего два слова.

Вера (*принимая от него записку*). И точно, вы уезжаете?..

Беляев. Да, да… Отдайте ей эту записку и скажите… Нет, не говорите ей ничего. К чему?

(*Прислушиваясь.*) Сюда идут. Прощайте. (*Бросается к двери, останавливается на минуту на пороге и бежит вон. Вера остается с запиской в руке. Из гостиной выходит Наталья Петровна.*)

Наталья Петровна (*подходя к Вере*). Верочка… (*Взглядывает на нее и останавливается.*) Что с тобой? (*Вера молча протягивает ей записку.*) Записка?.. От кого?

Вера (*глухо*). Прочтите.

Наталья Петровна. Ты меня пугаешь. (*Читает про себя записку и вдруг прижимает обе руки к лицу и падает на кресло. Долгое молчание.*)

Вера (*приближаясь к ней*). Наталья Петровна…

Наталья Петровна (*не отнимая рук от лица*). Он уезжает!.. Он даже не хотел проститься со мной… О! С вами он по крайней мере простился!

Вера (*печально*). Он меня не любил…

Наталья Петровна (*отнимает руки и встает*). Но он не имеет права так уехать… Я хочу… Он не может так… Кто ему позволил так глупо перервать… Это презрение, наконец… Я… почему он знает, что я бы никогда не решилась… (*Опускается в кресло.*) Боже мой, боже мой!..

Вера. Наталья Петровна, вы сами сейчас мне говорили, что он должен уехать… Вспомните.

Наталья Петровна. Вам хорошо теперь… Он

уезжает… Теперь мы обе с вами равны… (*Голос ее перерывается.*)

Вера. Наталья Петровна, вы мне сейчас говорили… вот ваши собственные слова: вместо того чтобы терзать друг друга, не лучше ли нам вдвоем подумать о том, как бы выйти из этого положения, как бы спастись… Мы спасены теперь.

Наталья Петровна (*почти с ненавистью отворачиваясь от нее*). Ах…

Вера. Я понимаю вас, Наталья Петровна… Не беспокойтесь… Я недолго буду тяготить вас своим присутствием. Нам вместе жить нельзя.

Наталья Петровна (*хочет протянуть ей руку и роняет ее на колена*). Зачем ты это говоришь, Верочка… Неужели и ты хочешь меня оставить? Да, ты права, мы спасены теперь. Все кончено… все опять пришло в порядок…

Вера (*холодно*). Не беспокойтесь, Наталья Петровна. (*Вера молча глядит на нее. Из кабинета выходит Ислаев.*)

Ислаев (*посмотрев некоторое время на Наталью Петровну, вполголоса Вере*). Она разве знает, что он уезжает?

Вера (*с недоуменьем*). Да… знает.

Ислаев (*про себя*). Да зачем же это он так скоро… (*Громко.*) Наташа… (*Берет ее за руку. Она*

поднимает голову.) Это я, Наташа. (*Она силится улыбнуться*.) Ты нездорова, душа моя? Я бы посоветовал тебе прилечь, право…

Наталья Петровна. Я здорова, Аркадий… Это ничего.

Ислаев. Однако ты бледна… Право, послушайся меня… Отдохни немножко.

Наталья Петровна. Ну пожалуй. (*Она хочет подняться и не может*.)

Ислаев (*помогая ей*). Вот видишь… (*Она опирается на его руку*.) Хочешь, я тебя провожу?

Наталья Петровна. О! Я еще не так слаба! Пойдем, Вера. (*Направляется к кабинету. Из залы входит Ракитин. Наталья Петровна останавливается*.)

Ракитин. Я пришел, Наталья Петровна…

Ислаев (*перебивая его*). А, Michel! Поди-ка сюда! (*Отводит его в сторону — и вполголоса, с досадой*.) Зачем же ты ей все сейчас так и сказал? Ведь я тебя, кажется, просил! К чему было торопиться… Я застал ее здесь в таком волнении…

Ракитин (*с изумлением*). Я тебя не понимаю.

Ислаев. Ты сказал Наташе, что ты уезжаешь…

Ракитин. Так ты полагаешь, что она от этого пришла в волнение?

Ислаев. Тссс! Она глядит на нас. (*Громко*.) Ты не

идешь к себе, Наташа?

Наталья Петровна. Да… я иду…

Ракитин. Прощайте, Наталья Петровна! (*Наталья берется за ручку двери — и ничего не отвечает.*)

Ислаев (*кладя руку на плечо Ракитину*). Наташа, знаешь ли, что это один из лучших людей…

Наталья Петровна (*с внезапным порывом*). Да — я знаю, он прекрасный человек — все вы прекрасные люди… все, все… и между тем… (*Она вдруг закрывает лицо руками, толкает дверь коленом и быстро уходит. Вера уходит за ней. Ислаев садится молча у стола и опирается на локти.*)

Ракитин (*глядит некоторое время на него и с горькой улыбкой пожимает плечами*). Каково мое положение? Славно, нечего сказать! Право, даже освежительно. И прощание-то каково, после четырехлетней любви? Хорошо, очень хорошо, поделом болтуну. Да и, слава богу, все к лучшему. Пора было прекратить эти болезненные, эти чахоточные отношения. (*Громко Ислаеву.*) Ну, Аркадий, прощай.

Ислаев (*поднимает голову. У него слезы на глазах*). Прощай, брат. А оно, того… не совсем легко. Не ожидал, брат. Словно буря в ясный день. Ну

перемелется… мука будет. А все-таки спасибо, спасибо тебе! Ты — друг, точно!

Ракитин (*про себя, сквозь зубы*). Это слишком. (*Отрывисто.*) Прощай. (*Хочет идти в залу… Ему навстречу вбегает Шпигельский.*)

Шпигельский. Что такое? Мне сказали, Наталье Петровне дурно…

Ислаев (*вставая*). Кто вам сказал?

Шпигельский. Девушка… горничная…

Ислаев. Нет, это ничего, доктор. Я думаю, лучше Наташу не беспокоить теперь…

Шпигельский. А ну и прекрасно! (*Ракитину.*) Вы, говорят, в город уезжаете?

Ракитин. Да; по делам.

Шпигельский. А! По делам!.. (*В это мгновение из залы врываются разом Анна Семеновна, Лизавета Богдановна, Коля и Шааф.*)

Анна Семеновна. Что такое? что такое? что с Наташей?

Коля. Что с мамашей? Что с ней?

Ислаев. Ничего с ней… Я сейчас ее видел… Что с вами?

Анна Семеновна. Да помилуй, Аркаша, нам сказали, что Наташе дурно…

Ислаев. А вы напрасно поверили.

Анна Семеновна. Зачем же ты горячишься так,

Аркаша? Наше участие понятно.

Ислаев. Конечно… конечно…

Ракитин. Однако мне пора ехать.

Анна Семеновна. Вы уезжаете?

Ракитин. Да… уезжаю.

Анна Семеновна (*про себя*). А! Ну теперь я понимаю.

Коля (*Ислаеву*). Папаша…

Ислаев. Чего тебе?

Коля. Зачем Алексей Николаич ушел?

Ислаев. Куда ушел?

Коля. Я не знаю… Поцеловал меня, надел фуражку и ушел… А теперь час русского урока.

Ислаев. Вероятно, он сейчас вернется… Впрочем, можно за ним послать.

Ракитин (*вполголоса Ислаеву*). Не посылай за ним, Аркадий. Он не вернется. (*Анна Семеновна старается прислушаться. Шпигельский шепчется с Лизаветой Богдановной.*)

Ислаев. Это что значит?

Ракитин. Он тоже уезжает.

Ислаев. Уезжает… куда?

Ракитин. В Москву.

Ислаев. Как в Москву! Да что, сегодня с ума все сходят, что ли?

Ракитин (*еще понизив голову*). Между нами…

Верочка в него влюбилась… Ну он, как честный человек, решился удалиться. (*Ислаев, растопырив руки, опускается в кресло.*) Ты понимаешь теперь, почему…

Ислаев (*вскакивая*). Я? Я ничего не понимаю. У меня голова кругом идет. Что тут можно понять? Все улепетывают, кто куда, как куропатки, а все потому, что честные люди… И все это разом, в один и тот же день…

Анна Семеновна (*заходя сбоку*). Да что такое? Господин Беляев, ты говоришь…

Ислаев (*нервически кричит*). Ничего, матушка, ничего! Господин Шааф, извольте теперь заняться с Колей вместо господина Беляева. Извольте увести его.

Шааф. Злушаю-с… (*Берет Колю за руку.*)

Коля. Но, папаша…

Ислаев (*кричит*). Пошел, пошел! (*Шааф уводит Колю.*) А тебя, Ракитин, я провожу… Я лошадь велю оседлать, буду ждать тебя на плотине… А вы, маменька, пока, ради бога, не беспокойте Наташу — да и вы, доктор… Матвей! Матвей! (*Уходит поспешно. Анна Семеновна с достоинством и грустью садится. Лизавета Богдановна становится сзади ее. Анна Семеновна поднимает взоры к небу, как бы желая отчудиться от всего,*

что происходит вокруг нее.)

Шпигельский (*украдкой и лукаво Ракитину*). А что, Михайло Александрыч, не прикажете ли довезти вас на новой троечке до большой дороги?

Ракитин. А!.. Разве вы уже получили лошадок?

Шпигельский (*скромно*). Я с Верой Александровной переговорил… Так прикажете-с?

Ракитин. Пожалуй! (*Кланяется Анне Семеновне.*) Анна Семеновна, честь имею…

Анна Семеновна (*все так же величественно, не поднимаясь с места*). Прощайте, Михайло Александрыч… Желаю вам счастливого пути…

Ракитин. Покорно благодарю. Лизавета Богдановна… (*Кланяется ей. Она в ответ ему приседает. Он уходит в залу.*)

Шпигельский (*подходя к ручке Анны Семеновны*). Прощайте, барыня…

Анна Семеновна (*менее величественно, но все-таки строго*). А! И вы уезжаете, доктор?

Шпигельский. Да-с… Больные, знаете, того-с. Притом же, вы видите, мое присутствие здесь не требуется. (*Раскланиваясь, хитро щурится Лизавете Богдановне, которая отвечает ему улыбкой.*) До свиданья… (*Убегает вслед за Ракитиным.*)

Анна Семеновна (*дает ему выйти и, скрестив*

руки, медленно обращается к Лизавете Богдановне). Что вы об этом обо всем думаете, душа моя, а?

Лизавета Богдановна (*вздохнув*). Не знаю-с, что вам сказать, Анна Семеновна.

Анна Семеновна. Слышала ты, Беляев тоже уезжает…

Лизавета Богдановна (*опять вздохнув*). Ах, Анна Семеновна, может быть, и мне недолго придется здесь остаться… И я уезжаю. (*Анна Семеновна с невыразимым изумлением глядит на нее, Лизавета Богдановна стоит перед ней, не поднимая глаз.*)